Нелли Шульман

Вельяминовы

За горизонт

Нелли Шульман

Вельяминовы. За Горизонт. Книга вторая. Том первый

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. За Горизонт. Книга вторая. Том первый /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938369-3

Тайные операции беглых нацистов в Африке, карибский кризис и убийство Джона Кеннеди. История семьи Вельяминовых продолжается в 1960-е годы прошлого века.

ISBN 978-5-44-938369-3

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Интерлюдия 34
Аккра 34
Озеро Босумтви 55
Река Черная Вольта 59
Аккра 62
Часть первая 69
Нью-Йорк 69
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Вельяминовы. За Горизонт
Книга вторая. Том первый

Нелли Шульман

Иллюстратор Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2018
© Анастасия Данилова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-8369-3 (т. 1)
ISBN 978-5-4493-8370-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Рим, август 1962

Виа Венето дремала под раскаленным солнцем. Американские туристы, в помятых хлопковых шортах, в пропотевших летних рубашках, щелкали кодаками напротив входа в Café de Paris. Рукописная табличка гласила:

– Экскурсия на английском языке. Сладкая жизнь Рима. В стоимость входит один напиток… – парнишка на скутере звенел монетами:

– Группа отправляется через пять минут. Присоединяйтесь, дамы и господа! Только у нас все секреты вечного города! Завтра особый тур в собор святого Петра с посещением мессы. После обеда визит в Колизей и на римский Форум… – рядом со скутером, в жестяной лохани с тепловатой водой плавали бутылки «Сан-Пеллегрино».

Зазвенели льдинки в запотевшем серебряном ведерке для шампанского. Фотограф в вестибюле отеля «Эксцельсиор» крикнул:

– Ева, отлично! Теперь подними бокал… – часть прохладного, затененного пальмами холла отгородили отельными барьерами. Портье извинялся перед гостями:

– У нас идет съемка для итальянского Vogue… – он указывал на афишу «Сладкой жизни» с автографом режиссера, – отель популярен среди кинематографистов и в модных журналах…

За барьером болтались независимые, как их называли в Риме, папарацци, ребята в потертых джинсах, с мощными камерами через плечо. Vogue посылал на съемки охранников, здоровых парней в темных костюмах, жующих американскую жвачку. Нечего было и подумать о том, чтобы снять Еву, помешав журнальному фотографу, но папарацци надеялись на несколько кадров после рабочего дня модели.

Темные волосы девушки струились по изящной спине. Серо-голубые глаза мерцали на смуглом от тропического загара лице. Она стучала шпильками по мраморным плитам пола, изгибалась, уперев руку в талию. Девушка безучастно смотрела мимо камеры, в сторону неприметного угла, где за чашкой кофе беседовало двое мужчин:

– Боргезе, – поняла Ева, – Черный Князь, как его называли на войне… – фотографии Боргезе она видела в досье тети Марты, – но мерзавец всем известен. Он отсидел номинальный срок и ни от кого не прячется… – спутнику Боргезе по виду шел пятый десяток:

– Какой-то адвокат, судя по одежде, – подумала девушка, – надо запомнить его, описать Иосифу… – звонок раздался в ее номере в «Эксцельсиоре» вчера вечером:

– Я знаю, что ты только прилетела, – Ева слушала знакомый голос, – я сейчас в Риме, надо встретиться… – девушка подула на свежий маникюр:

– В Конго я о таком забываю, – усмехнулась Ева, – в джунглях длинные ногти ни к чему… – она пыхнула дымом сигареты:

– Надо, – согласилась девушка, – я привезла тебе и Шмуэлю подарки от Маргариты… – Ева поняла, что не видела младшего близнеца Кардозо со времен давнего визита в Израиль, еще подростком:

– Шмуэль тоже тогда служил в армии, – вспомнила Ева, – потом погибла тетя Эстер, он стал учиться на священника, получил сан… – девушка довольно холодно сказала:

– Приходи в «Эксцельсиор», выпьем кофе… – она помолчала, – но больше ни на что не рассчитывай… – Иосиф забрасывал ее письмами. Конверты приходили на нью-йоркский адрес семьи Горовиц и в госпиталь в Леопольдвиле, где Ева работала на каникулах:

– Я тебе объяснила, – добавила девушка, – случившееся в Марокко было развлечением. Я двинулась дальше, как говорится, и тебе советую сделать то же самое… – Ева запоминала черты лица спутника Черного Князя:

– Никуда я не двинулась… – эпизод, как о нем думала Ева, в Марокко, остался ее единственным опытом, – но для меня такое неважно. Надо заниматься работой, как Маргарита, а не размениваться на ерунду… – она чувствовала на себе жадные взгляды папарацци:

– Ева, – позвал кто-то из парней, – как ты прокомментируешь смерть Мерлин Монро… – вчерашние американские газеты вышли с кричащими заголовками:

– Мерлин Монро найдена мертвой в Лос-Анжелесе. Звезда приняла большую дозу снотворного… – Ева немедленно набрала по автоматической связи Нью-Йорк:

– Хана должна быть в городе, она дружила с Мерлин… – тетя Дебора сказала, что кузина уехала на океанское побережье:

– Она оставила телефон, – доктор Горовиц зашуршала бумажками, – где-то в Бостоне, то есть под Бостоном… – Дебора добавила:

– Дома все в порядке, дети в лагере, в горах Кэтскилс. Аарон пишет, что у него все без изменений… – на второй номер Еве пришлось звонить несколько раз. Она предполагала, что Дате спит:

– Она предпочитает работать над ролью по ночам. Она заканчивает на рассвете и валится в постель, как подстреленная. Однако сейчас в Америке вечер… – кузина ответила ближе к полуночи. Томный, хрипловатый голос, казалось, щекотал Еве ухо:

– Она так звучит, когда она дома, в семье, – хмыкнула Ева, – отдых пошел ей на пользу… – Хана весело сказала:

– Я выходила на лодке в залив. Здесь солнце, словно в твоей любимой Африке. Я сижу под тентом, но все равно немного загорела… – услышав о смерти Монро, кузина помолчала:

– Здесь нет газет, телевизора и даже радио. Я… – она оборвала себя, – я поговорю с…

Щелкал фотоаппарат, Ева вспомнила:

– Она так и не сказала, с кем поговорит… – она коротко бросила через плечо: «Без комментариев». Фотограф опустил камеру:

– Очень хорошо, – девица в узких брюках, в легкомысленной блузке, подскочила к Еве с чемоданчиком косметики, – остались вечерние наряды, и мы закончим… – девушка закатила глаза:

– Опять тюрбаны… – фотограф развел руками:

– Что поделаешь, Сен-Лоран показал весной костюм с тюрбаном и все сошли с ума… – на локоны Евы пристроили тюрбан, отороченный кружевом:

– Хоть сейчас на аудиенцию к папе… – одобрительно сказал фотограф. Девица взялась за холщовую занавеску, Ева хихикнула:

– Не в этом платье, Витторио… – шелк облегал фигуру, едва поднимаясь на почти несуществующей груди. Вырез заканчивался где-то на талии:

– Иначе кардиналам придется опять собирать конклав, – девица выдула пузырь жвачки, – его святейшество не перенесет такой аудиенции…

Краем глаза Ева увидела в большом окне, выходящем на Виа Венето, знакомую фигуру:

– В костюме пришел, – удивилась девушка – обычно он костюм не носит. Но все равно ему придется подождать… – штору отдернули. Парни за барьерами умоляюще закричали:

– Витторио, один кадр! Витторио, не жадничай, ты тоже начинал на нашем месте… – охранники со значением повели плечами, фотограф вскинул камеру. Черный шелк струился по телу, покачивался тюль на тюрбане. Вскинув острый подбородок, Ева независимо пошла вперед, цокая высокими каблуками.

Шмуэль считал всю затею чистой воды авантюрой, о чем он и сказал брату за скромным завтраком на монастырской кухне.

Иосифу хода в обитель не было. Капитан Кардозо снял по французским документам номер в дешевом пансионе неподалеку. Шмуэль, хоть и был иезуитом, но обретался под крылом траппистов, в аббатстве Тре Фонтане.

Он варил кофе на закопченной плитке. Иосиф, вытянув длинные, загорелые до черноты ноги, в шортах хаки, восседал на широком подоконнике. Старший брат ухитрялся одновременно курить и щелкать хорошо знакомые Шмуэлю соленые тыквенные семечки.

Иосиф никогда не появлялся в Риме с пустыми руками. Он привозил младшему брату пакеты семечек с рынка Кармель, остро пахнущий заатар, приправу из горных трав. Отец Кардозо получал лучшую арабскую тхину, банки со жгучим йеменским жугом и сочные фиолетовые оливки:

– У вас не оливки, а какое-то… – капитан Кардозо не стеснялся в выражениях, – ваши хваленые сицилийцы только портят продукт… – Шмуэлю доставалось домашнее оливковое масло в бутылке зеленого стекла и даже овечий сыр из Кирьят Анавим:

– Сыр свежий, я забрал у мадам Симоны пакет перед отъездом… – Иосиф вытащил из саквояжа свернутый в трубку армянский лаваш, – спасибо Эль-Аль, за три часа полета зелень не завяла… – брат даже протащил через границу баклажаны:

– Побалуешь меня икрой, – велел он Шмуэлю, – там, куда я направляюсь, кроме козлятины и проса, ничего не дождешься…

Иосиф, разумеется, не мог ничего сказать брату о цели поездки. Он ловко плюнул шкурками семечек в блестящий скутер отца Кардозо. Веспу цвета голубиного крыла, с сиденьем кремовой кожи, прислонили к стене трапезной. В августовском солнце щебетали ласточки, вьющиеся над черепичной крышей аббатства:

– Там будет еще жарче… – Иосиф стер пот со лба, – опять я возвращаюсь в Африку…

Тетя Марта, Каракаль, в июле посетила Израиль. Официально считалось, что тетя приехала проводить Фриду в армию. Сестра пока заканчивала курс молодого бойца:

– Ее Эмиль тоже обучается, – весело сказал Иосиф брату, – папа спит и видит, как они поставят хупу через три года… – Эмиль Шахар-Кохав собирался податься в военные летчики:

– Он останется в армии… – Иосиф принял от брата кофе, – а Фрида пойдет в археологи, как она и хотела… – сестра надеялась, что ее пошлют аналитиком в военную разведку. Иосиф очень сомневался в возможности такой карьеры для Фриды:

– Арабский у нее отменный, как и европейские языки, но в Израиле плюнь и попадешь в полиглота. Она не мужчина, дальше секретарской должности она не поднимется. Будет варить начальству кофе и печатать на машинке. Тетя Марта заведует секретным отделом на Набережной, но, честно говоря, Фриде до нее, как до небес…

Кроме торжественной церемонии для новых солдат, тетя навестила неприметное здание серого бетона, неподалеку от улицы Людвига Заменгофа, в Тель-Авиве. На совещании было решено послать в Африку именно Фельдшера, Иосифа Кардозо:

– Тамошние края тебе известны… – на лице тети Иосиф заметил явственную усталость, – в прошлый раз тебе не удалось найти Рауффа, но тогда предприятие было одиночным, а сейчас мы устроим совместную операцию…

Августин, новый агент британцев, по словам тети, был приближен к президенту бывшего Золотого Берега, а ныне независимой Ганы:

– Кваме Нкрума, – кисло сказала тетя, – Августин входит в узкий круг его доверенных лиц. Нкрума привечает бывших нацистов. Летной школой в Гане руководит хорошо известная фрау Ханна Рейч. Личный врач президента наш старый знакомец, Доктор, то есть штурмбанфюрер СС Хорст Шуман… – связь для Августина обеспечивал французский коллега, месье Механик:

– Однако одна голова хорошо, а две лучше, – заметила тетя Марта, – ты присоединишься к Механику. Мы не можем потерять Августина… – тетя со значением взглянула на Коро-

тышку, – он наш путь к беглым нацистам, включая… – тетя помахала пальцем над головой, – самые верха их иерархии… – по словам тети, информацию о новом месте работы Шумана подтвердили и другие источники:

– Мы не до конца взломали их шифр, – призналась женщина, – но в документах, копии которых оказались у нас в руках, часто упоминается Африка и конкретно Гана… – о происхождении бумаг тетя не распространялась:

– Но досье она привезла очень полное… – брат присел рядом с Иосифом, – в папках есть и проклятый Черный Князь… – вчера вечером Иосиф случайно наткнулся на Юнио Валерио Боргезе в саду аббатства Тре Фонтане. Он успел вовремя сбежать по гулким ступеням в подвальную крипту обители. Боргезе шел не один, а с полноватым, отменно одетым приятелем, напоминающим процветающего адвоката:

– Адвокат и есть, – подтвердил брат, услышав описание незнакомца, – доктор юриспруденции синьор Гвидо Карло Ферелли. Он ведет дела Боргезе, монастыря… – Шмуэль коротко улыбнулся, – и еще половины Ватикана… – через окошко крипты Иосиф внимательно выслушал разговор Боргезе и адвоката. Парочка встречалась за кофе в отеле «Эксцельсиор»:

– Ева там живет, – Иосиф раздул ноздри, – я обещал к ней прийти… – он понимал, что девушка пока будет непреклонна:

– Она права, я не выполнил обещания, не призвал убийцу ее матери к ответу. Но я подожду, я никуда не тороплюсь… – ради Евы, он, как библейский Яаков, был готов ждать все семь лет:

– Хотя пока не мешает отдохнуть, в Африке у меня ничего такого не случится… – он подмигнул брату:

– Есть какие-нибудь новые хорошенькие послушницы… – Шмуэль буркнул: «Я этого не слышал». Иосиф похлопал его по плечу:

– Шучу, падре. Не трясись, Боргезе и Ферелли никогда в жизни нас не различат. Я уверен, что Боргезе тоже поддерживает связь с нацистами… – в Риме училась кузина Лаура, но Иосиф не хотел переходить дорогу дяде Джованни:

– Она послушница, но это ерунда, – хмыкнул капитан Кардозо, – девчонке семнадцать лет, у нее кипит кровь. Но мне хватит одной пиявки. С дядей Джованни не шутят, он только на вид мирный человек. Узнай он, что я соблазнил его дочь, он потащит меня регистрировать брак… – о Еве Иосиф так не думал:

– Она и только она станет моей женой, никого другого мне не надо. Остальные девицы только развлечение… – он подытожил:

– Дело не стоит выеденного яйца. В Буэнос-Айресе мы все удачно провернули, повторим операцию здесь. Ты пойдешь к Еве, выпьешь с ней кофе, пока я работаю… – Иосиф щелчком отправил окурок на выметенный двор монастыря:

– Все безопасно. Шмуэль теленок и у него обеты. Да он и не подумает притворяться мной… – капитан Кардозо добавил:

– Деньги я тебе дам. Посидишь с Евой, ты ее последний раз видел, когда она была подростком… – Шмуэль зарделся:

– Вообще и после, в журналах… – Иосиф залпом допил отменно сваренный кофе:

– Никогда бы не подумал, что прелаты интересуются женскими тряпками… – брат холодно отозвался:

– Деньги у меня есть свои. Еву я видел в Life, с Маргаритой, в репортаже о работе врачей в Африке… – Иосиф соскочил с подоконника:

– Вот и славно. Пошли, – он подогнал брата, – к одиннадцати утра я должен быть в отеле, в твоем костюме и на твоем скутере.

Студенческим общежитием женского университета Вознесения Святой Девы Марии заведовали сестры-кармелитки, в коричневых рясах и белых чепцах. Девушки жили в старинном здании, во дворе главного корпуса университета на виа делла Транспонтина. Отсюда было рукой подать до замка Святого Ангела и до собора Святого Петра, но студентки ходили на мессы в домашнюю, как ее называли в университете, церковь Святой Девы Марии Транспонтина, принадлежавшую ордену кармелиток.

Устроившись на подоконнике, Лаура рассматривала пустынный двор:

– То есть мы не ходим, а нас водят, хотя надо только завернуть за угол… – матрона общежития, пожилая, статная святая мать, со значением поджимала губы:

– Незачем болтаться по улице без дела, – заявляла сестра, – вокруг много туристов, вам ни к чему нежелательные знакомства… – официально университет не находился под покровительством Его Святейшества, но среди студенток было много монахинь и послушниц:

– Он и основывался, как учебное заведение для монахинь… – Лаура жмурилась от яркого солнца, – все папские университеты принимают только мужчин, что большая косность… – по приезду в Рим Лаура обнаружила, что в ее университете не преподают славянские языки. Девушка взглянула на аккуратно заправленную постель соседки по келье:

– Хорошо, что появилась Даниэла, с ней можно поговорить по-русски… – с помощью отца Лаура выбила себе разрешение заниматься с профессором славистики из Папского Грегорианского Университета. Наставник, принадлежавший к ордену траппистов, жил в аббатстве Тре Фонтане. Лауре, девушке, вход туда был закрыт. Уроки шли в папской библиотеке:

– Он часто туда приходит… – щеки Лауры покраснели, – он готовит диссертацию на звание доктора теологии… – о диссертации отец Кардозо рассказал ей за семейным, как выразился прелат, обедом:

– Я не могу пригласить тебя в аббатство, – развел руками отец Симон, – но, уверяю, что лучшую в Риме пиццу готовят именно здесь… – они посидели в ресторане неподалеку от университета:

– Ничего, кроме одной пиццы и пары чашек кофе с мороженым… – Лаура, тем не менее, не теряла надежды. Девушка велела себе собраться:

– Все только начинается, я только два месяца назад приехала в Рим… – девушка накрутила на палец прядь шелковистых волос, – меня еще ждет пострижение. Он хочет поехать в Южную Америку или Польшу… – отец Симон рассказал ей о своих планах за обедом, – а я, разумеется, отправлюсь вслед за ним… – на беленой стене кельи висела пробковая доска с фотографиями:

– В общежитии разрешают держать семейные снимки, – усмехнулась девушка, – но киноафишам или журналам сюда вход закрыт… – соседка по комнате рассказала ей, что встретила отца Кардозо в Мон-Сен-Мартене:

– Он похож на Грегори Пека, – добавила Даниэла, – красивый мужчина… – девушка смутилась, – хотя о святом отце так говорить нельзя… – Лаура утешалась домашними снимками кузена:

– Я говорила ей о нашей семье, – девушка задумалась, – она знает и Джо, познакомилась с ним в Лизье. Она очень набожная… – Даниэла не пропускала ни одной мессы. Соседка поднималась в четыре утра, чтобы прочесть псалмы:

– В Честере некоторые монахини так делали, – Лаура зевнула, – а сегодня она на целый день отправилась в Кастель-Гандольфо, в папскую резиденцию. Она обежала все римские церкви, теперь примется за провинцию… – Лаура бросила взгляд на черный телефон, на столике у двери кельи:

– Связь только по общежитию. Чтобы позвонить в город, надо идти к матроне, объяснять, кому и зачем звонишь, – Лаура потянулась, – тем, кто сюда звонит, тоже устраивают

допрос с пристрастием… – Лауре хотелось поговорить с родителями, Аароном и Тиквой, Инге и Сабиной, услышать ласковый голос Пауля:

– Хотя сегодня августовская суббота, – напомнила себе девушка, – семья, наверняка, в Мейденхеде, у тети Марты. Адель и Генрик улетели в Америку, но остальные все в сборе…

Междугородняя связь работала только в римских почтовых отделениях. Спустившись с подоконника, Лаура нащупала ногами раскалившиеся на солнце туфли. В Честере она носила одеяние послушницы, но в Риме такого не разрешали:

– Только пока я в университете, – утешила себя Лаура, – приняв обеты, я надену подходящий наряд… – как и другие студентки, она все равно одевалась скромно. Одернув хлопковую юбку, падающую ниже колен, пробежавшись пальцами по пуговицам закрытой блузки, Лаура вздрогнула от неожиданного телефонного звонка. Девушка сняла трубку:

– Слушаю… – на том конце провода явственно хлопнули пузырем от жвачки:

– Амата нобис квантум амабитум нулла… – Лаура невольно хихикнула:

– Называйте меня просто синьориной ди Амальфи, синьор Ферелли… – он щелкнул зажигалкой:

– Вени и види, а на вичи я еще рассчитываю, имейте в виду… – Лаура отозвалась:

– Пер ардуа ад астра, сеньор Ферелли, хотя вы не преуспеете в своих попытках… – Микеле хмыкнул:

– Си вис амарис, ама. Если хочешь, чтобы тебя полюбили, полюби сам. Я следую заветам старика Сенеки, дорогая синьорина. Как насчет чашки кофе и мороженого… – поинтересовался Микеле, – жду вас через полчаса у замка Святого Ангела…

Положив трубку, Лаура поняла, что улыбается.

Иосиф Кардозо оставил скутер на стоянке отеля, бросив ключи парнишке в форме «Эксцельсиора». Ева никогда бы не прервала съемку для журнала:

– Даже если я расположусь перед ее носом, она посмотрит на меня, словно я пыль под ее ногами, позовет охранников и продолжит работу. Она и в Израиль не собирается переезжать ради меня… – Иосифу нравилась независимость девушки:

– Она дочь тети Тессы, почти ставшей министром в правительстве Индии. Дядя Меир вообще получил Медаль Почета. Понятно, в кого у Евы такой характер… – Иосиф облегченно понял, что наконец нашел себе подходящую подругу:

– Товарища, как раньше говорили в кибуцах, – поправил себя он, – папа, то есть дядя Авраам, тоже так называл маму… – профессор Судаков наотрез отказывался пользоваться патриархальными, как он говорил, словами:

– Муж не может именоваться хозяином, – морщился отчим, – а что касается товарища, друга, это хорошее слово. Оно не виновато, что коммунисты его извратили… – Иосиф не мог забыть случившееся в Марокко:

– Мне ни с кем не было так хорошо, – говорил он себе – и не будет. Пока я не пропускаю девиц, но все они только для тела. Для души мне нужна одна Ева… – во вчерашнем разговоре кузина предупредила его о съемке:

– Хана тоже снимается… – в самолете Иосиф пролистал новые американские журналы, – но она бы мне никогда не подошла. Нет мужчины, способного с ней ужиться… – в «Эсквайре» он наткнулся на фотографии мисс Дате:

– Актриса на отдыхе, – сообщала подпись, – Хана Дате за штурвалом яхты… – кузину сняли в парусной лодке, на велосипеде с плетеной корзинкой овощей, в уличном кафе, в широкополой шляпе и темных очках:

– Она хорошо выглядит, – подумал Иосиф, – даже немного пополнела. Раньше она больше напоминала скелет… – через десять страниц он увидел довольное лицо Тупицы:

– Триумф маэстро Авербаха на конкурсе Чайковского… – Генрика сняли в номере-люкс отеля «Плаза», в Нью-Йорке, – вторая премия среди пианистов… – израильские газеты откровенно намекали, что Тупице, с его неподходящим для СССР гражданством, никогда бы не позволили выиграть конкурс:

– Видишь, – фыркнул профессор Судаков, – первую премию разделили советский музыкант Ашкенази, и британец Огдон. С Ашкенази все ясно, – он повел рукой, – а у Огдона нет отягчающего обстоятельства, израильского паспорта. Советы из двух зол выбрали меньшее… – в школе Кирьят Анавим устроили что-то вроде маленького музея Тупицы и его покойного отца:

– Они гордятся, что Генрик у нас учился, а дядя Самуил преподавал музыку, – улыбнулся Иосиф, – папа считает, что надо сделать настоящий музей истории кибуца… – приезжая в Кирьят Анавим, он замечал, как изменился отчим:

– Он был таким при жизни мамы, – думал Иосиф, – он словно опять расцвел… – капитан Кардозо осторожно поинтересовался у сестры знакомствами профессора Судакова:

– Ты что имеешь в виду? – подозрительно спросила Фрида. Иосиф замялся:

– Может быть, у него кто-то появился, какая-то подруга… – сестра изумленно отозвалась:

– Ты с ума сошел! Папе скоро полвека! Старики этими вещами не занимаются… – Фрида распахнула голубые глаза, – как ты мог такое подумать… – Иосиф резонно заметил:

– Дядя Эмиль младше папы всего лишь на год, а тете Ладе нет тридцати, и у них маленькая дочка… – Фрида пробормотала:

– То дядя Эмиль, а то папа… – Иосиф не стал разубеждать сестру. Кинув окурок в медную урну рядом со входом в отель, он увидел в вестибюле вспышки камеры:

– Я мог привести в пример и дядю Джованни с Лаурой, но Фрида упрямая, она в маму пошла… – Иосиф вспомнил о давнем поцелуе в тель-авивском пансионе:

– Лаура не отличила бы меня от Шмуэля, – озорно подумал он, – тем более, что она давно по нему вздыхает. Даже в Рим не поленилась притащиться вслед за ним… – зная брата, он был уверен, что Лауре ничего не светит:

– Шмуэль не нарушит обеты ни ради нее, ни ради кого-то еще… – пройдя через крутящуюся дверь, он заметил засевшую в углу парочку:

– Ферелли тоже значится в досье тети Марты, – хмыкнул Иосиф, – а к ней на карандаш зря не попадают… – за Еву он не беспокоился:

– Пока она работает, она не будет отвлекаться. Шмуэлю я велел воспользоваться служебным ходом. Он отведет ее в кафе, поболтает с ней, а потом появлюсь я…

Поправив пасторский воротничок, изобразив на лице улыбку, Иосиф направился к столику Черного Князя.

Изящный палец со свежим маникюром цвета спелой малины уперся в черно-белую фотографию. Ева погладила тугие кудряшки маленькой девочки с моделью самолета в руках:

– Одетт, – ласково улыбнулась девушка, – она хочет стать пилотом. У нее, бедняжки, была оспа… – Ева погрустнела, – к сожалению, пока программа вакцинации очень ограничена. Маргарита мечтает избавить от оспы Африку, а я займусь Индией… – она перевернула страницу Life:

– Мы в бидонвиле, – Ева вздохнула, – пока не попадешь в трущобы, и не представляешь, что в наше время, в столице независимой страны, люди живут в таких отвратительных условиях… – она встряхнула красивой головой:

– Все из-за грязи, – жестко сказала Ева, – из-за отсутствия проточной и питьевой воды, из-за примитивной канализации. То есть канализации вообще нет, – девушка поморщилась, – нечистоты вывозят на тачках, как в средние века…

За соседним столиком светлого мрамора со значением покашляли. Полуденное солнце сверкало в бокалах шампанского. В баре Ludovisi пахло женскими духами и дорогим табаком. Шмуэль сразу сказал:

– В Harry's Bar тебе прохода не дадут, в заведении вечно болтаются папарацци… – Ева благодарно кивнула, – но есть местечко за квартал отсюда, на виа Эмилия… – оглядев патронов, Ева поняла, что в баре сидят только римляне:

– Так и есть, – весело согласился священник, – туристы ходят туристскими тропами, на задворки виа Венето они не заглядывают… – он чиркнул спичкой перед ее сигаретой:

– В любом случае, пошла последняя оживленная неделя в городе. В конце августа Рим погружается в кому… – отец Кардозо подмигнул ей, – большинство ресторанов закрывается на каникулы… – Ева ощущала на себе взгляды мужчин:

– Но почти все патроны сидят с подружками, или приятелями… – светловолосый юноша в углу держал спутника за руку, – здесь ко мне никто не пристанет… – по мнению Евы, итальянцы много болтали и мало делали:

– На улице мне все кричат «Белиссима», – смешливо призналась она кузену, – но дальше криков римляне не двигаются… – Шмуэль развел руками:

– Здесь так принято, но вообще они очень семейные люди. Обед у родителей по воскресеньям, жена, малыши… – он отпил кофе, – но они не могут не сделать комплимент красивой девушке… – Шмуэль заставлял себя не смущаться. Не желая маячить у стойки портье, он передал записку для брата через отельного мальчика:

– Я предупредил его, что мы пойдем в этот бар… – Шмуэль усадил девушку на скутер, – он сейчас работает, но он к нам присоединится… – Ева окинула взглядом его джинсы и рубашку поло:

– Вы поменялись одеждой, – утвердительно сказала девушка, – я удивилась, что он пришел в костюме. Он редко надевает пиджак… – Шмуэль отозвался:

– В Израиле костюмы не носят даже политики. Мой скутер он тоже забрал… – священник завел чихающий двигатель, – это монастырская машина, ровесница его святейшества… – Ева по-девичьи хихикнула. В баре он отказался от выпивки:

– Пятница, – развел руками священник, – в посты вино тоже не принято, я даже не курю по пятницам… – Еве принесли шампанское:

– Как в Шабат, – она искоса взглянула на Шмуэля, – мы с вами можем поговорить на иврите, кузен. Я училась в классах при синагоге ребе Шнеерсона в Бруклине, я знаю иврит и идиш… – отец Кардозо немного покраснел:

– Я помню, кузина, еще с Израиля. Вам тогда было тринадцать лет, а мы с Иосифом служили в армии… – в тринадцать она носила потрепанные шорты и серую майку с пятнами морской соли:

– Нас отпустили в увольнительную ради визита родни, – Шмуэль вдохнул горячий ветер израильского лета, – папа с мамой отвезли нас на пляж… – они жили в палатках и жарили рыбу на костре:

– Тупица шел в армию, Фрида и Моше были еще детьми. Ева болталась с Аароном, они выросли вместе, словно настоящие брат и сестра… – она коротко стригла темные волосы. Нежные уши торчали под выбритыми висками. Она отлично ныряла и плавала наперегонки с парнями:

– Ты волосы отрастила, – сказал Шмуэль, – тебе так тоже… – он оборвал себя:

– Вообще не положено ее разглядывать. Я священник, мне такое не к лицу…

Она скрутила темные волосы в тяжелый узел. Бесконечные ноги облегали узкие черные брюки. Даже в эспадрильях на плоской подошве Ева была ему вровень:

– Она говорила, что в ней сто восемьдесят два сантиметра. Она отлично играет в баскетбол, она и в Кирьят Анавим стучала мячом с мальчишками…

В вырезе ее белоснежной льняной рубашки переливался серебряный щит Давида:

– В Конго я хожу с пучком, – отозвалась Ева, – в госпитале и тем более в джунглях так удобнее. Но я хочу постричься, – добавила она, – журналы теперь не против коротких волос. Все равно, я снимаюсь только в отпуске, а в Америке, на выходных и в каникулы… – она оживилась:

– Смотри дальше. Это Моника… – на снимке Ева держала на руках маленькую чернокожую девчонку, больше похожую на куколку, – я ее вылечила от лейшманиоза… – за соседним столиком опять что-то недовольно пробурчали.

– Хорошо, что у нас появились антибиотики, – горячо сказала Ева, – а профессор Адлер, в Израиле, работает над возможностью вакцинации, путем передачи содержимого язв больного, посредством укола, здоровому человеку. Так сделал Дженнер с черной оспой… – она повернулась к брезгливо скривившейся ухоженной даме:

– Именно поэтому, синьора, вы, в отличие от бедняков в Африке, не рискуете заразиться оспой и умереть… – дама, покраснев, отвела глаза. Ева вернулась к журналу:

– Моника очень хорошенькая, – ласково сказал девушка, – я ей обещала, что она станет моделью, а она сказала, что хочет быть врачом, как я и Маргарита… – номер Life Шмуэль захватил из кельи, собираясь на встречу:

– Ты, что, каждого ребенка знаешь по имени? – восхищенно спросил он. Ева пожала стройными плечами:

– Маргарита тоже. Моя мама каждого больного называла по имени. Старые врачи в госпитале Святого Фомы мне много о ней рассказывали… – кузине оставался еще год в Университете Джона Хопкинса:

– Потом меня ждет Индия, – она потушила сигарету, – страна огромная, работы у врачей непочатый край. Мы не уничтожили черную оспу, не принялись за чуму и проказу… – девушка добавила:

– Церковь нам очень помогает. Например, лейшманиоз передается через укусы комаров. Заболевание можно предотвратить, используя пропитанные инсектицидом анти-москитные сетки, но африканцы к такому не привыкли. Священники уговаривают их, объясняют, как распространяется болезнь. В Конго, как и в Южной Америке, люди набожны, они прислушиваются к прелатам… – Ева помахала:

– Иосиф, мы здесь… – она поинтересовалась:

– Ты, наверное, в Риме останешься, да? С твоей работой в курии… – по дороге Шмуэль рассказал кузине о своих обязанностях, – тебе нельзя покидать Ватикан… – духовник отца Кардозо, епископ Войтыла, осенью приезжал на Второй Ватиканский Собор:

– Хватит, – разозлился священник, – постыдись. Маргарита и Ева занимаются настоящей работой, а не отсиживаются в кабинетах. Я, в конце концов, не прошу поста священника где-нибудь на курорте. Я настою на своем, меня отправят в Южную Америку или Африку… – Шмуэль понимал, что хочет быть рядом с Евой. По недовольному лицу брата он видел, что встреча с Черным Князем и Ферелли не удалась:

– Кажется, у него с Евой что-то есть… – он заметил, как Иосиф смотрит на кузину, – нельзя переходить ему дорогу. И вообще нельзя, не забывай об обетах… – поднявшись навстречу брату, он коротко ответил:

– Не останусь. После Рождества я уеду отсюда, может быть, даже в Африку, где я буду ближе к Маргарите… – Шмуэль чуть не добавил: «И к тебе».

Серо-голубые глаза засияли. Ева улыбнулась: «Это хорошо, кузен Шмуэль. Очень хорошо».

Отец Симон Кардозо, вежливо попрощавшись, ушел. Отодвинув пустую чашку прелата подальше. Черный Князь презрительно сказал:

– Разумеется, не мне спорить с его святейшеством, но никакие крещения не изменят жидовской сущности. Ты заметил, что у него рот не закрывается? Все жиды слишком много болтают и суют нос не в свои дела… – адвокат Ферелли примирительно отозвался:

– Юнио, в курии он занимается связями с общественностью. Именно благодаря ему католическая церковь стала ближе к прихожанам. Не забывай, католики Европы только малая часть верующих. Мы не должны отталкивать бедняков Южной Америки и Африки… – Боргезе помахал зажженной сигарой:

– С обезьянами мы еще наплачемся, Карло. Ты можешь представить себе черного папу или черного кардинала… – он расхохотался, ощерив крупные зубы, – никогда такого не случится. Черные должны знать свое место, как знали его жиды в средние века. Жаль, что фюрер ушел, не успев окончательно их… – Боргезе сделал недвусмысленный жест рукой.

Он, разумеется, не рассказал адвокату, что сам на днях отправляется в тропическую Африку:

– Феникс велел не болтать о миссии. Ферелли рот не зашьешь, он знаком с половиной Рима, на вилле у него вечное столпотворение… – синьора Рита, жена адвоката, славилась в городе роскошными приемами:

– Он говорил, что у него гостит немецкий коллега, синьор Штрайбль, с семьей, – вспомнил князь, – он тоже работает на движение, как сказал Феникс, но он не входит в узкий круг товарищей по борьбе… – через два дня Боргезе встречал в аэропорту наследника фюрера, будущего главу новой Германии, Адольфа Гитлера:

– Мы стали называть мальчика именно так, – сказал ему Феникс, – Ритберг фон Теттау временная мера. Пусть привыкает к будущему имени… – Боргезе вез подростка в Гану. Стараниями штурмбанфюрера Шумана, личного врача президента страны, у движения появился новый путь для транспортировки в Европу алмазов и золота. Слитки отправлялись в хранилище швейцарского банка. Не ограненные алмазы, украденные с южноафриканских и конголезских шахт, уходили в Антверпен и Нью-Йорк, где камни превращали в бриллианты:

– Шуман был вынужден покинуть Конго по соображениям безопасности, – вспомнил Черный Князь, – но дело он наладил отлично. Рауфф и Барбье занимаются делами движения в Южной Америке, Шуман отвечает за Африку, Феникс поддерживает связи с арабским миром, а впереди у нас Восточная Азия… – Феникс заинтересовался возможность производства и сбыта наркотиков:

– Это золотое дно, – заметил он в разговоре с Боргезе, – Вальтер и Клаус считают, что именно через Западную Африку легче всего доставлять кокаин в Европу… – взглянув на карту, Боргезе понял, что глава движения прав:

– Проще устроить в Гане перевалочный пункт, – весело сказал Феникс, – прямой путь из Колумбии или Венесуэлы в Европу слишком подозрителен. Мы сможем транспортировать кокаин и героин, когда он у нас появится, вместе с нашими полезными ископаемыми…

Шуман должен был ввести Адольфа в курс дела, как выразился Феникс:

– Ты будешь отвечать за порты Средиземноморья, – сказал Боргезе глава движения, – тебе тоже надо побывать в тамошних местах. Не волнуйся, Доктор обеспечит вам радушный прием. Вас поселят в резиденции Нкрумы, у него отличный повар, отобранный нашим представителем. Пусть Адольф отдохнет перед учебным годом и заодно начнет знакомиться с работой…

Боргезе примерно представлял объем деловых операций Феникса:

– Будь он обыкновенным человеком, за ним бы давно гонялись журналисты, – усмехнулся Черный Князь, – он в десятке богатейших людей мира. Но, во-первых, это не его деньги, а средства движения, а во-вторых, Макс вообще не любит внимания, что понятно в его положении… – Феникс доверял только адвокату Краузе:

– Фридрих настоящий боец, воин арийского духа, – серьезно говорил он, – остальных юристов мы держим на побегушках… – Ферелли готовил для Черного Князя документы подставной конторы, на адрес которой должны были приходить грузы из Ганы:

– Ткани, пальмовый сахар, местные безделушки, – хохотнул Феникс, – с таможней не возникнет затруднений… – допив эспрессо, Боргезе вежливо поинтересовался:

– Как ваш сын, Карло? Вы тоже готовите его к юридической карьере…

Микеле ничего не знал. Ферелли вспомнил твердый голос жены:

– Что было, то прошло… – они стояли над колыбелью мирно спящего младенца, – обещай, что он никогда ни о чем не услышит… – черные глаза Риты сверкнули:

– Мои родители мертвы, мой брат мертв. Риты Леви нет, Карло, и никогда не существовало… – жена много занималась благотворительностью, удостоившись даже личного благодарственного письма от его святейшества:

– Она права, – сказал себе Ферелли, – незачем ворошить прошлое. Микеле неоткуда узнать о семье его матери… – сын считал, что его родители познакомились в детстве:

– Так и есть, – Карло вздохнул, – мне было два года, а Рита только родилась… – синьор и синьора Леви пригласили всех соседей на торжественный обед в честь появления на свет дочери:

– Потом мы ходили в синагогу на обрезание Михаэля… – став отцом, Карло, разумеется, не собирался спорить с женой:

– Она любила брата, а Микеле хорошее имя. Мама тоже была согласна, она души не чаяла в мальчике. В конце концов, Рита такая не одна. Даже главный раввин Рима, доктор Золли, крестился в сорок пятом году… – Ферелли пощелкал пальцами:

– Счет, пожалуйста. С Микеле все отлично, – он улыбнулся, – на выходных молодежь, под его предводительством, отправляется в горный поход. Они будут жить в палатках, ловить рыбу, разводить костры… – Черный Князь откинулся в кресле:

– Замечательное времяпровождение. Я сам улетаю на Сицилию, встретимся после каникул… – он не намеревался платить свою долю:

– Ферелли и так от меня много получает. Это деньги движения, но все равно, пусть потрясет мошной. Он торгаш, как все флорентинцы. У него, кстати, может быть еврейская кровь. Во Флоренции всегда привечали жидов. Даже если жид крестился, это ничего не меняет… – Боргезе с трудом заставлял себя пожимать руку отцу Кардозо, – надеюсь, Серый Прелат, как его называют, не поднимется дальше простого священника…

Адвокат звенел монетами. Черный Князь поднялся: «Желаю вам приятного отдыха, Карло».

По приезду в Рим, Лаура, не желая обижать отца, обзвонила все телефоны из выданного ей списка дальней родни. Сидя у аппарата в келье, она рассматривала итальянские фамилии:

– Родственники моей бабушки, то есть папиной мамы, родственники его первой жены… – старшую сестру, живущую в Париже, Лаура видела только на довоенных фото:

– Она наотрез отказывается встречаться со мной или мамой… – девушка прикусила губу, – приезжая в Париж, мы останавливаемся в отеле или на рю Мобийон, а папа видится с ней в городе… – отец не хотел появляться на набережной Августинок в одиночестве:

– Вы моя семья, – коротко говорил он, – вы семья и Лауры тоже, а если она упрямится, это ее дело… – старшая Лаура не пустила к себе даже Адель:

– Генрик к ней ходил, – усмехнулась старшая сестра, – она сделала вид, что простыла. Генрику простуды не страшны, а она знала, что я берегу голос… – Адель подытожила:

– Я для нее дочь той женщины… – девушка вскинула бровь, – но не знаю, чего она боится. Я замужем, я не собираюсь соблазнять ее драгоценного Джо, выдергивать мальчика из-под материнской юбки… – Лаура робко сказала:

– Вообще он работает в Конго, а не сидит дома… – Адель фыркнула:

– Если бы он остался в Лондоне, мы бы из него сделали человека. Тетя Лаура его избаловала и Пьер у нее тоже такой. Хана ей не дочь, о ней тетя Лаура никогда не заботилась. Дядя Мишель любил Хану, однако он умер… – Лауре нравилась кузина Дате:

– Она очень красивая, – восторженно подумала девушка, – наверное, самая красивая в семье, если не считать Евы… – по дороге к замку Святого Ангела, забежав в газетный киоск, она купила новый номер американского Vogue. В общежитие светские журналы не допускались, но сумочки девушек не обыскивали:

– Потом спрячу журнал под матрац, – решила Лаура, – Даниэла, наверняка, никогда такого не видела в своей Польше…

Лаура одевалась скромно, однако отец не жалел денег на ее содержание. Она получила свой банковский счет в Coutts & Co. В следующем году, после совершеннолетия, банкиры должны были перевести ей трастовый фонд, основанный отцом после ее рождения:

– Папа обещал мне скутер, тоже к совершеннолетию, – весело подумала Лаура, – он… отец Симон, отлично управляется с мотоциклом. Водить я умею… – тетя Марта и дядя Максим сажали детей за руль в двенадцать лет, – получу итальянские права и буду ездить по Риму… – к восемнадцати годам Лаура надеялась принести монашеские обеты:

– Кармелитки поймут, что я серьезная девушка, и не откажут мне. Даниэла постригается через год… – соседке было двадцать лет:

– Ей засчитали три курса ее университета в Кракове… – Даниэла тоже занималась русским языком, – хотя сейчас ей надо зубрить итальянский и латынь… – Лаура собиралась посвятить себя именно латыни. Профессор в университете Вознесения Святой Девы Марии похвалил ее знания:

– Девушки редко выбирают этот предмет, синьорина, но у вас большие задатки… – он почесал растрепанную, седую шевелюру, – вы сможете изучать историю церкви, как ваш отец, профессор ди Амальфи… – имя Лауры до сих пор открывало многие двери в Риме:

– Мой дед представлял интересы Британии при святом престоле, моя бабушка из аристократической семьи… – остановившись перед кафе, Лаура спрятала журнал на дно сумки, – мне будет легче пробиться на самые верхи Ватикана, оказаться ближе к нему… – она слышала прозвище отца Кардозо:

– О нем говорят, что он станет епископом и кардиналом, – Лаура победно улыбнулась, – а я всегда останусь рядом…

Почти все наряды с фотографий в журнале Лауре не подходили из соображений скромности, однако она отметила по дороге некоторые платья и блузки:

– Отец Симон говорил, что Ева сейчас в городе, пролетом из Африки… – девушка наткнулась на фотографии кузины, снятые на Манхэттене, – такое платье я носить не смогу… – платье едва прикрывало бедра, – но другие мне пойдут. Я бы позвонила ей, но она опять снимается, она занята… – серебряный католический крестик Лауры лежал поверх глухого ворота ее шелковой блузы:

– Он, кстати, не носит распятие… – Лаура заметила на террасе темноволосую голову синьора Ферелли, Микеле, – хотя к мессе он ходит. Его родители много занимаются благотворительностью. Его отец приближен к курии, такое знакомство может пригодиться…

Родственники отца и его первой жены оказались скучнейшими людьми. На обедах Лаура, скрывая зевоту, пыталась поддерживать беседы о виллах на Сардинии и папских приемах. Дома, в Хэмпстеде, она привыкла к другим разговорам:

– Инге рассказывает о ядерной физике, Сабина о звездах Голливуда, Адель и Генрик говорят о музыке, Аарон и Тиква о театре… – здесь никто не слышал имени Беккета, не знал о битлах и не интересовался освоением космоса:

– Они словно все живут в прошлом веке, – усмехнулась девушка, – но Микеле не такой…

С сыном адвоката Ферелли она познакомилась на приеме в унылом палаццо неподалеку от площади Цветов:

– Семейная мебель вся наполеоновских времен, а картины так потемнели, что невозможно разобрать, где их хваленый Рафаэль, а где мазня прошлого века… – стоя с чашкой кофе под пресловутым Рафаэлем, Микеле с разгона предложил Лауре выкурить косячок:

– Здесь отличный балкон, – заметил парень, – заодно полюбуемся скульптурой Джордано Бруно. Он бы нас не осудил, – подмигнул ей Микеле, – я уверен, что он и сам баловался гашишем. В те времена у них больше ничего под рукой не было… – от косячка Лаура отказалась, но телефон парню оставила:

– Он позвонил на третий день, – хмыкнула девушка, – набивает себе цену. Ладно, выпью с ним кофе, это меня ни к чему не обязывает…

Оценив свое отражение в зеркальном окне, она взбежала по ступеням террасы.

Ленивая августовская оса жужжала над мраморным столиком, примериваясь к лужице растаявшего фисташкового мороженого. Итальянские триколоры над мощными стенами замка Святого Ангела лениво повисли в полуденной жаре. Коричневый Тибр сверкал под солнцем. На мосту скопилась отчаянно гудящая пробка. Микеле кинул взгляд в сторону реки. Отец велел ему появиться в конторе на виа Венето не позднее двух дня:

– В двенадцать я заканчиваю встречу с клиентом, потом обедаю… – Микеле прервал его:

– С другим клиентом. Но у меня дела, я могу опоздать… – отец смерил его недоверчивым взглядом:

– Ты на каникулах, что у тебя за дела… – юноша вывернулся, отговорившись необходимостью посетить магазин туристического снаряжения:

– Ребята приедут с палатками и спальными мешками, – объяснил он отцу, – но я хочу быть уверен, что у нас найдется запас вещей на случай непредвиденных обстоятельств… – отец любил, когда с ним говорили, как выражался юноша, в приличной манере. Карло Ферелли не терпел американских словечек:

– Итальянский язык прямой наследник латыни, – напыщенно замечал адвокат, – нельзя забывать, что мы колыбель европейской цивилизации… – Микеле преуспевал в латыни, но считал, что надо оставить прошлое прошлому:

– В любом случае, скоро старому миру придет конец, – усмехнулся он, – и мы приложим к этому руку… – в разговоре с отцом он объяснил, что хочет успеть в магазины до закрытия:

– Пятница короткий день, – добавил юноша, – но ты не беспокойся, я доберусь до Остии на поезде и сяду на автобус… – отец считал, что в семнадцать лет Микеле еще рано разъезжать на семейном лимузине:

– Ладно, пусть папа торчит в пробке, – хмыкнул юноша, – весь Рим устремился к морю… – он ехал в Остию только вечером. Через два часа на вокзале Микеле встречал миланский поезд:

– Я должен ждать гостя в зале прибытия, под табло… – он старался справиться с волнением, – с букетом красных роз… – он только знал, что инструктор приезжает из Сирии:

– Его зовут Абу Аммар, он борец за свободу палестинского народа. Он обучит нас взрывному делу и стрельбе… – гость проводил ночь в скромном пансионе неподалеку от вокзала. Группа выходила с виллы в семь утра:

– То есть я, Герберт и Альбер, – поправил себя Микеле, – остальные ребята присоединятся к нам в Риме… – из столицы они отправлялись на поезде в городишко Риети, откуда было рукой подать до горной цепи Монти Реатини:

– Всего сто километров от Рима, но это настоящая глушь, – заметил Микеле приятелям, – нам никто не помешает… – посланец из Сирии появился в Риме благодаря связям Микеле с арабскими студентами в университете:

– Почти все они отправляются с нами в поход, – понял юноша, – стоило мне обмолвиться, что мы хотим научиться стрельбе, как мне немедленно пообещали инструктора… – Микеле получил номер телефона в Дамаске. Абу Аммар говорил на хорошем английском языке:

– Но итальянского я не знаю, – предупредил его араб. Микеле отозвался:

– Ничего страшного. Я переведу в случае нужды, ваши соотечественники тоже помогут… – вспомнив, что Альбер встречается с одним из арабских студентов, Микеле скрыл улыбку:

– Его мамашу и отчима хватит удар, если они о таком узнают… – бельгийский посол при Святом Престоле и его супруга сбежали от жары в Остенде, – но я его предупредил, что во время похода этим заниматься нельзя. Девушек в группе нет, это не развлекательная экскурсия…

Микеле, тем не менее, очень хотелось пригласить в горы синьорину ди Амальфи. На ее губах блестели капельки мороженого, девушка облизала ложку:

– Вы правы, синьор Микеле, – темные глаза весело блестели, – здесь самое вкусное мороженое в Риме. Вы заказали фисташковое, мое любимое… – юноша раскрыл перед синьориной портсигар, она помотала головой:

– Спасибо, но я не курю… – Микеле нравился ее скромный наряд:

– Она умная девушка, с ней есть о чем поговорить. Она была послушницей, но это ерунда. Она не захочет приносить обеты, зачем ей удаляться от мира… – Микеле тянуло к серьезным девушкам:

– Разъезжать в короткой юбке на скутере и курить травку может любая, но для нашей борьбы не нужны пустышки… – он наклонился к девушке:

– На приеме вы сказали, что предпочитаете именно фисташковое мороженое. Я все запомнил, синьорина… – Лаура нежно покраснела, – например, вы знаете то ли пять, то ли шесть языков… – Микеле внезапно решил:

– Ерунда. Я по ее глазам вижу, что я ей нравлюсь. В обители, то есть университете, она всегда отговорится поездкой по Италии. То есть, мы действительно отправляемся на экскурсию… – он вытянул из холщовой сумки с портретом Че Гевары карту:

– Я вас не просто так пригласил на кофе, – смешливо сказал юноша, – хотите присоединиться к моей туристической группе? Мы завтра отправляемся в поход на две недели, по диким местам. Такие еще остались вокруг Рима… – на карте он отметил красными чернилами маршрут:

– Мы доезжаем до Риети, а потом бродим пешком по горам. Вы в группе будете единственной девушкой, – добавил Микеле, – не волнуйтесь, мы понесем ваши вещи… – она дрогнула длинными ресницами:

– Видите, а я не все о вас знаю. Вы не говорили, что увлекаетесь туризмом… – Микеле подмигнул ей:

– У меня есть удостоверение инструктора. Я с двенадцати лет в походах, я даже поднимался на вершины в наших Альпах. Но все равно, я не знаю столько языков, сколько вы, синьорина Лаура… – девушка изящно отпила кофе:

– Не так много, на самом деле. Латынь не считаем… – Микеле кивнул: «Не считаем». Приняв от него карту, Лаура посчитала на пальцах:

– Всего шесть. Английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и иврит. Русский я только учу, я не знаю скандинавских языков, или арабского. Но я хочу им заняться, он очень важен для лингвистики… – Микеле горячо сказал:

– Но не только. Если мы поддерживаем борьбу палестинского народа за свое государство, надо говорить на их языке. Но зачем вам иврит, язык торгашей и оккупантов, лишивших палестинцев их родной земли… – ее глаза заледенели. Скомкав карту, девушка кинула ее в сумку:

– Моя мать еврейка, – отчеканила Лаура, – мою бабушку застрелили арабы в сорок восьмом году. Моя старшая сестра год провела в Сирии, в плену. Она ползла через горы, чтобы добраться до нашей страны, до Израиля. Я католичка, – девушка поднялась, – но я никогда не забуду о своих корнях. Вы обыкновенный антисемит, синьор Ферелли. Такие, как вы, убивали евреев в Италии еще двадцать лет назад. Мне противно говорить с вами, прощайте…

С размаха швырнув на стол мелочь, Лаура вышла из кафе.

Электрическую плитку водрузили на шаткий стол, разлохмаченный шнур торчал из пыльной розетки. За грязным окном, выходящим на задворки вокзала Термини, грохотали поезда. В комнатке было жарко, под потолком медленно вращался погнутый вентилятор.

Данута сидела на подоконнике, выпуская сизый дым в раскрытые створки. Безопасная квартира советской разведки располагалась в самом паршивом районе Рима, напомнившем ей кварталы вокруг метро Маркаде-Пуассонье в Париже. Хлопотавший над плиткой мужчина средних лет, подпоясавшийся затрепанным полотенцем, весело сказал:

– Зато здесь безопасно, уважаемая синьорина… – он ухмыльнулся, – давайте, не ленитесь, переходите на итальянский язык… – итальянский у него был безупречным. Данута боялась визита Скорпиона, как он себя называл, однако появившись на безопасной квартире, обнаружила там неизвестного ей русского:

– Я даже не знаю, русский ли он, – поправила себя девушка, – он может быть испанцем или итальянцем… – пропуская девушку в захламленную переднюю, он оскалил белые зубы:

– Вы Монахиня, а я Падре, – усмехнулся мужчина, – мы с вами одного поля ягоды… – он говорил с Данутой по-русски, иногда переходя на итальянский язык:

– Русский у него без акцента, – Данута исподтишка рассматривала смуглое, потное лицо, – кажется, он не собирается тащить меня в постель… – именно поэтому она опасалась визита Скорпиона, товарища Матвеева:

– Он бы не преминул воспользоваться бонусами своего положения, – брезгливо подумала девушка, – хватит и того, что мне надо соблазнить отца Кардозо. Но Джо ничего не узнает, и вообще, мы с ним обведем СССР вокруг пальца…

По приезду в Рим, воспользовавшись протекцией прелата, Данута получила временное удостоверение, подтверждающее ее ватиканское гражданство:

– Польский паспорт можете выкинуть, – усмехнулся отец Кардозо, – все равно вы туда больше не вернетесь… – Данута помотала головой:

– Искренне надеюсь, что нет. Но если церковь решит послать меня в страну, я подчинюсь такому требованию… – торопливо добавила девушка. Отец Симон задумался:

– Посмотрим, как дело пойдет. Пока вам надо учиться, готовиться к пострижению… – предъявив удостоверение, Данута сняла абонентский ящик на центральном почтамте Рима. В ее записной книжке значился местный телефон. С советскими резидентами девушка связалась из городской будки:

– Позавчера мне пришла открытка с адресом этой квартиры, одновременно с весточкой от Джо… – она не могла не появиться у вокзала Термини. Русские знали, где учится Данута. Девушка была уверена, что они не преминули выяснить и имя ее соседки по общежитию:

– Так и оказалось, русский завел разговор именно о ней и о Джо… – Падре повернулся к девушке:

– Еще немного и соус будет готов. Помидоры в самом соку… – он прищелкнул языком, – накормлю вас настоящими неаполитанскими спагетти. Немного каперсов, немного терпения… – он улыбался, – и вас ждет чудо на тарелке…

Падре приехал в Италию из Мексики, с документами испанского дельца. Скорпион и Странница благополучно миновали границу США, трясясь в грузовике, набитом нелегаль-

ными сельскохозяйственными рабочими. Вернувшись в столицу, он дождался телеграммы из Техаса:

– С ними все в порядке, они встретились с нашими резидентами, обзавелись местными бумагами. Теперь надо начать операцию в Италии… – итальянский гамбит, по выражению товарища Котова, пока разыгрывался, как по нотам:

– То есть сицилианский, – хохотнул наставник, – но мы туда не отправимся… – Стэнли, обретающийся в Дамаске, поддерживал близкие связи с фидаинами, как себя называли палестинские боевики. Именно через него на Лубянке узнали имя синьора Микеле Ферелли:

– Избалованный сынок богатых родителей хочет пощекотать себе нервы, – презрительно сказал товарищ Котов, – но итальянские коммунисты сообщают, что он действительно член партии, с прошлого года. Нам надо внедрить своего человека в их среду… – он ткнул пальцем в сделанную Скорпионом в Париже фотографию:

– Его отец был агентом СССР, его отчим был коммунистом, все отлично укладывается в схему. Он инженер, обладает техническими навыками, арабы и леваки немедленно за него уцепятся… – Падре поднял бровь:

– Но эта публика подозрительная, я имею в виду палестинцев. Абу Аммар, то есть Арафат, вряд ли обрадуется незваному гостю в их маленьком тренировочном лагере… – товарищ Котов взялся за ручку:

– Нам нужна соседка Монахини по общежитию. Я уверен, что она знает Ферелли. Ты говорил, что его отец ведет дела половины Ватикана. Они вращаются в одних кругах, они должны были столкнуться… – в раскрытой сумочке Дануты виднелась карта Кастель-Гандольфо, проштампованные контролем билеты на местный поезд и открытка с портретом Его Святейшества:

– Видите, – добродушно сказал Падре, – комар носа не подточит. Можете не волноваться, милочка, мы вас всегда прикроем… – он ловко снял с огня вторую кастрюльку:

– Никогда не обливайте пасту холодной водой, – наставительно заметил Падре, – это варварство. Хорошо, что вы выросли в приюте, что обретаетесь в общежитии. У вас есть навыки ведения хозяйства. Вы станете отличной экономкой у нашего Серого Прелата, то есть отца Кардозо… – Падре вывалил спагетти в медленно кипящий соус:

– Когда, вы говорите, прилетает ваш ухажер, месье Дракон… – Данута безучастно смотрела на зеленые вагоны пригородного поезда:

– Бесполезно что-то скрывать, они следят за мной. Они знают, с кем я делю келью, когда я хожу на мессу. Они бы поняли, что Джо в Риме, от них не скроешься… – девушка коротко отозвалась: «Завтра».

– Он, наверняка, собирается жить не на виа Венето… – утвердительно заметил Падре, – он не захочет вас компрометировать… – Джо, как значилось в открытке, действительно заказал номер в дешевом пансионе, в Трастевере:

– Молодец, – Падре взялся за кусок пармезана, – вам незачем появляться в дорогих отелях, куда могут заглянуть ваши ватиканские знакомцы… – поставив тарелки на стол, он вытянул из кармана сделанное местными резидентами фото синьора Микеле Ферелли:

– Берите вилку, ешьте спагетти, запоминайте, что вам надо сделать, синьора Монахиня. Вернее, не столько вам, сколько вашему кавалеру… – Данута на мгновение закрыла глаза:

– Броситься бы вниз с подоконника, – тоскливо подумала девушка, – но здесь второй этаж, я только переломаю ноги. Я от них никогда в жизни не отвяжусь… – Данута разозлилась:

– Не смей, соберись. Мы с Джо их обманем, чего бы это ни стоило… – заставив себя спокойно присесть к столу, она кивнула: «Я слушаю».

Из раскрытой сумки, мягкой кожи цвета спелых ягод, с золоченым росчерком: «Сабина», торчал потрепанный номер «Трудов Королевского Общества Гигиены и Тропической Меди-

цины». Над чашками эспрессо поднимался легкий дымок. На табло прилета выскочили буквы: «Париж». Шмуэль взглянул на хронометр:

– Твой рейс следующий, через четверть часа объявят посадку на лондонский самолет… – Ева делала остановку в Британии по дороге в Нью-Йорк:

– Каникулы еще продолжаются, – заметила девушка, – я поеду в Мейденхед, пусть парни тети Марты катают меня на лодке… – она лукаво улыбнулась:

– Она старше Маленького Джона и Максима, – бессильно подумал Шмуэль, – но ведь они взрослые ребята. Максим начинает курс в Кембридже, наследный герцог идет в военную академию. О чем это я… – каждый раз, думая о Еве, он заливался румянцем, – видно, что Иосиф за ней тоже ухаживает. Парням тети Марты, думаю, не важна разница в возрасте… – вчера Иосиф улетел в Каир:

– Оттуда он отправляется дальше, но куда, он не сказал, – вздохнул священник, – только бы он был осторожен… – они с братом избегали появляться вместе в людных местах:

– Разумеется, кому надо узнать, что мы близнецы, тот узнает, – сварливо сказал Иосиф, – но не стоит светить нашим сходством по всей Европе… – по словам брата, встреча с Черным Князем и Ферелли прошла впустую:

– Мы выпили кофе и поболтали о ерунде, – заметил Иосиф за ранним завтраком в обители, – эта парочка тебе не доверяет, мой дорогой Серый Прелат… – Шмуэль пожал плечами:

– Боргезе не скрывает своего антисемитизма, а я не скрываю того, что родился евреем… – Иосиф выругался по-арабски:

– Я еще отправлю мерзавца именно туда, – сочно пообещал брат, – не будь я Фельдшер, то есть капитан Кардозо… – Иосиф о таком не распространялся, но Шмуэль подозревал, что Моссад проводит, как выражались в армии, точечные удары:

– Эйхмана судили открытым процессом, но, наверняка, Моссад уничтожает бывших нацистов и тайным образом. Может быть, Иосиф отправился именно на такую миссию… – Шмуэль всегда молился за брата:

– Он еврей, но еще одна молитва не помешает, – думал отец Кардозо, – только бы он не погиб, только бы остался в живых. Пусть женится на Еве, – он почувствовал, как заныло сердце, – пусть у папы появятся внуки, а у меня племянники… – Шмуэль, разумеется, не спрашивал у брата о Еве:

– Это их дело, они сами разберутся, но Ева провожала Иосифа в аэропорту… – словно услышав его, девушка заметила:

– Я много летаю, кузен. Я знаю, как важно, чтобы тебя провожали и встречали близкие люди… – Шмуэль отозвался:

– В Хитроу тебя тоже будут ждать… – Ева повела дымящейся сигаретой:

– Маленький Джон. Мы с ним близко сошлись в Марокко. Приеду в Мейденхед, попарюсь в знаменитой русской бане тети Марты… – вытянув ноги в эспадрильях, Ева устроила их на докторском саквояже, – а потом буду лежать в шезлонге на террасе и пить ее квас…

Ева напомнила себе, что в Нью-Йорке она должна позвонить Дате:

– «Эсквайр» ее снимал на океанском побережье… – Ева тоже наткнулась на фото кузины в журнале, – наверное, под Бостоном, где она отдыхала. Надо встретиться с ней до начала театрального сезона, потом я утону в университетских лекциях, семинарах и дежурствах… – она допила эспрессо:

– Передавай привет Лауре… – девушка развела руками, – жаль, что мы не увиделись, но у меня за три дня было три съемки. Но в Лондоне я ничего не делаю, – Ева озорно усмехнулась, – меня ждет настоящий отпуск… – она показала Шмуэлю свою статью в «Журнале тропической медицины»:

– Это пятая, – деловито сказала Ева, – не считая двух в соавторстве с Маргаритой. Мне нельзя от нее отставать, она защитила докторат… – Шмуэль ожидал, что сестра рано или поздно вернется в Европу:

– Она начнет преподавать, станет доцентом, потом профессором. С Джо у нее не сложилось, но она обязательно выйдет замуж… – Шмуэль, духовник кузена, не собирался расспрашивать его о личной жизни:

– На исповеди он ничего не говорит, но не дело священника лезть туда, куда его не звали… – поинтересовавшись у Евы Виллемом, он не услышал ничего того, чего уже не знал:

– Джо рассказал бы больше, – заметила девушка, – он на юге, а мы на севере. Но Виллем посылает письма Маргарите. У него своя компания, он ищет полезные ископаемые… – Иосиф считал сведения о занятиях кузена дымовой завесой:

– Я уверен, что он работает на военных, – заметил брат, – в тех местах до сих пор неспокойно, а у Виллема есть армейский опыт. Западные державы не выпустят из рук богатства Конго. Он, скорее всего, ищет контрабандистов и ликвидирует отряды левых повстанцев. Никто не хочет, чтобы страну прибрал к рукам Советский Союз… – Шмуэль отозвался:

– Настолько не хочет, что избавился от законного премьер-министра… – Иосиф вскинул бровь:

– Лумумба погиб от рук шальной банды… – отец Кардозо хмыкнул:

– В таком случае, я папа римский. Лумумбу уничтожили американцы, с позволения бельгийцев… – брат внимательно посмотрел на него:

– Ты не папа римский, – утвердительно сказал Иосиф, – но все еще впереди… – Шмуэль лишь что-то пробормотал.

Ева рассматривала взлетное поле:

– Взгляни-ка, – велела она Шмуэлю, – тебе не кажется, что это… – девушка понизила голос, – Боргезе, то есть Черный Князь… – у частного на вид самолета стоял лимузин. Шмуэль прищурился:

– Точно он… – Боргезе взбежал по трапу, – узнать бы, куда он отправляется. Может быть, на Сицилию, пьянствовать с приятелями, а может быть… – священник поднялся: «Я сейчас». Ева проводила глазами крепкую спину в отлично скроенном сером пиджаке:

– Он так похож на Иосифа, что у меня даже кружится голова. Но характер у него совсем другой… – девушка все время напоминала себе, что перед ней священник:

– Он родственник, друг, кузен… – Ева потушила сигарету, – между нами ничего не случится. И с Иосифом тоже… – она разобрала в итальянской скороговорке из динамика слово «Лондон», – я его не люблю и никогда не полюблю… – на нее повеяло ароматом миндаля и ванили:

– Погрызешь в самолете, – отец Кардозо держал бумажный пакет, – сейчас стали хуже кормить пассажиров. Пластиковые тарелки и безвкусная еда, время икры и шампанского прошло… – он вручил Еве печенье:

– Что касается нашего знакомца… – Шмуэль поправил пасторский воротничок рубашки, – мой сан и здесь пригодился. Диспетчер смены узнал меня по фотографиям в газетах… – Шмуэль приблизил губы к скрытому прядью темных волос уху девушки:

– Передай тете Марте, – неслышно шепнул он, – что частный рейс прилетел из Цюриха и направляется в Гану. Кому принадлежит самолет, ребята, к сожалению, не знают… – Ева кивнула:

– Я все запомню. Думаешь, Иосиф сейчас тоже в Гане… – забрав ее докторский саквояж, Шмуэль мимолетно коснулся руки девушки. Священник вздрогнул:

– Скорее всего. Хорошего тебе полета, Ева… – он хотел добавить: «Пиши мне», но оборвал себя:

– Я даже не близкий родственник, как Аарон или Маленький Джон. Я дальний кузен… – Ева скользнула горячими губами по его щеке:

– Я тебе напишу из Нью-Йорка. Увидимся в Африке, Шмуэль… – он донес саквояж до ворот, выходящих на взлетное поле:

– Дальше я сама, – она протянула контролеру картонный талончик, – спасибо тебе за все…

Священник следил за ее стройными плечами в летнем платье, а потом она потерялась в толпе пассажиров.

Самолет «Аль-Италии», оторвавшись от земли, превратился в темную точку на горизонте. Незаметно перекрестив расплывающийся в небе белый след, Шмуэль пошел на остановку городского автобуса.

Пилот личного самолета господина Ритберга фон Теттау разрешил на время стоянки открыть окна в кокпите. Жаркий воздух вливался в кабину, шевелил коротко стриженые, белокурые волосы Адольфа. Парень изучал карту полета. Из салона приятно пахло поджаренными ржаными тостами. Стюарды готовили легкий обед:

– Дядя Юнио примирился с тем, что у нас сухой закон, – весело подумал подросток, – он сказал, что подождет до Ганы… – по прибытию они обедали в компании президента страны, Кваме Нкрумы, главы местной летной школы, героини рейха, Ганны Рейч и личного врача президента, штурмбанфюрера Шумана. Дядя заранее озаботился продлением каникул для Адольфа:

– Получишь в Гане летную лицензию, – обещал Максимилиан, – фрау Рейч и майор Хартманн обо всем позаботятся, обучат тебя управлению самолетом…

Лучший ас Люфтваффе Хартманн командовал в звании полковника эскадрильей JG 71 Рихтгоффен, однако Феникс наотрез отказывался употреблять новые названия, принятые в армии ФРГ:

– Рейх есть рейх, вермахт есть вермахт, а люфтваффе есть люфтваффе, – сварливо замечал дядя, – в новой Германии мы вернемся к исконным словам нашего языка… – карандаш майора Хартманна, прочертил на планшете Адольфа прямую линию:

– Все просто, – заметил дядя Эрих, как называл его подросток, – перелетаем Средиземное море и движемся на юго-запад над Сахарой… – Адольф поинтересовался:

– Вы ведь здесь не сражались, дядя Эрих… – Хартманн помотал почти не поседевшей головой:

– Нет. Двадцать лет назад, мой милый, как раз в это время, я приехал лейтенантом на Северный Кавказ, в пятьдесят вторую истребительную эскадрилью… – Адольф кивнул:

– Лучшее боевое соединение Люфтваффе… – голубые глаза Хартманна немного затуманились:

– Именно. Ведущим у меня стал нынешний майор Крупински, командующий тридцать третьей истребительно-бомбардировочной эскадрильей. Ты его знаешь, он тоже бывает в гостях у твоего дяди… – Адольф спросил:

– Крупински прозвал вас Малышом, да… – Малыш Хартманн усмехнулся:

– Он самый. Я небольшого роста, что хорошо в авиации… – он окинул взглядом парня:

– Адольф пошел в породу фон Рабе. Фюрер тоже был невысоким. Но для его миссии это лучше, парень образец арийца… – приближенные к Фениксу бывшие асы Люфтваффе знали о происхождении мальчика:

– Приехал, – хмыкнул Хартманн, – и через две недели сбил первого русского. Потом все пошло, как по маслу… – он проверил показания приборов, – но больше всего я горжусь не тремя сотнями самолетов противника… – Адольф прервал его: «Тремя с половиной сотнями». Хартманн отмахнулся:

– Кто считает? Важно, что за годы войны я не потерял ни одного ведомого… – обернувшись, он крикнул:

– Юнио, поторопи твоих соотечественников. Я не хочу тащиться над Сахарой в темноте… – Черный Князь, выйдя на трап, затрещал по-итальянски с механиками аэропорта. Хартманн понизил голос:

– Ленивые твари. У них всегда так. Либо итальянцы настоящие герои и воины, как Юнио, – я летал с такими ребятами, – либо их надо подгонять палкой. Под Сталинградом они сдавались первыми, в них нет стойкости арийского духа… – Хартманн отхлебнул из фляжки крепкого кофе:

– С твоим дядей, милый мой, я познакомился, вернее, поругался, в марте сорок четвертого года, в Берлине. К тому времени я успел побывать в русском плену и бежать оттуда, чуть не заработав пулю от своих ребят… – в конце лета сорок третьего истребитель Хартманна получил в бою повреждения. Летчику пришлось пойти на вынужденную посадку за линией фронта:

– Увидев русских, я разыграл раненого, – смешливо сказал он Адольфу, – меня уложили на носилки и даже нашли какого-то врача. Жида, судя по лицу. В их штаб меня везли в кузове грузовика, но над шоссе начался очередной воздушный бой. Русские отвлеклись, я выдернул у солдата винтовку, открыл огонь и был таков. Правда, когда я добрался до расположения наших войск, меня едва не подстрелили, не поверив, что перед ними летчик… – Боргезе заглянул в кокпит:

– Все готово. Извини, Малыш, – он развел руками, – парни думают только о вечерних танцах в Остии. Каникулы, сам понимаешь… – Хартманн вздохнул:

– Что с вами делать, дорогой Черный Князь… – командир наклонился к динамику:

– Экипаж, занять свои места. Пятиминутная готовность, взлетаем после лондонского самолета «Аль-Италии» … – он щелкнул зажигалкой:

– В марте сорок четвертого меня и еще пару ребят из эскадрильи вызвали в Берлин для вручения дубовых листьев к рыцарским крестам. Не буду скрывать, в поезде мы выпили, – Малыш Хартманн ухмыльнулся, – и довольно много. Нас встречали машины из рейхсканцелярии, протрезветь на воздухе мы не успели. В общем, мы еле держались на ногах. Полковник фон Белов, адъютант фюрера от Люфтваффе, велел нам сначала прийти в себя. Он сварил нам кофе и оставил в передней. На вешалке висела фуражка, я ее примерил, и здесь открывается дверь и входит твой дядя… – Хартманн положил руку на штурвал, – в форме, с кинжалом, с железными крестами, с нашивкой старого бойца. Он тогда был штандартенфюрером, а я едва получил звание капитана… – самолет разгонялся, – как он на меня орал…

Хартманн потушил сигарету:

– Я, мой милый, сам того не зная, примерил фуражку фюрера, твоего покойного отца. Потом мы с твоим дядей сдружились, я обедал на вашей семейной вилле, с другими асами. Твой дед консультировал люфтваффе, был лучшим приятелем маршала Геринга. Жаль, что он и твой дядя Генрих погибли… – о предательстве деда и дяди Адольфа знали только немногие члены братства СС:

– Остальным об этом слышать не след, – холодно сказал Максимилиан, – как и о том, что твой кузен выжил. Твой старший брат тоже не должен стать предметом досужих разговоров… – Хартманн добавил:

– Твоему кузену, тоже Адольфу, тогда и двух лет не исполнилось. Забавный был мальчишка, – летчик помолчал, – жаль, что он погиб в Патагонии. Графиня Марта сделала правильный выбор… – официально считалось что вдова дяди Генриха отравилась в мае сорок пятого, – но мальчик остался сиротой. Выживи бы он сейчас, он бы стал твоим верным соратником… – дядя подозревал, что вдова дяди Генриха обосновалась в Лондоне:

– Мой кузен, наверняка, такой же враг рейха, как и мой брат, – Адольф незаметно поморщился, – но я уверен, что их можно склонить на нашу сторону… – он не почувствовал, как самолет оторвался от бетонки:

– Вы волшебник, дядя Эрих… – восторженно сказал подросток, – словно мы на магическом ковре, как в арабских сказках… – Хартманн подмигнул ему:

– Погоду дали отличную, грозовых фронтов не ожидается. Прибудем в Гану на закате, полюбуешься панорамой океана… – дядя заметил Адольфу:

– Доктор поселит тебя в отдельных комнатах, в коттедже на территории президентского дворца. Он займется твоим досугом, у него под рукой есть проверенные девушки. Обезьяны дорвались до своего… – Максимилиан брезгливо скривился, – заполучили белых женщин… – из слов дяди Адольф понял, что Доктор обеспечивает развлечения членам правительства Ганы и самому президенту:

– Она, наверное, будет меня старше, – подумал подросток, – но это неважно. В конце концов, у меня есть опыт… – выровняв самолет, Хартманн включил автопилот. Закинув руки за голову, Малыш потянулся:

– Время для тостов и каспийской икры. Под Сталинградом было отличное снабжение, в летных частях подавали икру, вина и сыры, гусиный паштет. Говорят, у Нкрумы тоже отменный повар, вроде бы из Франции. Оценим его стряпню… – летчик позвонил стюардам:

– Сервируйте обед. В русских лагерях меня десять лет держали на одной баланде, – Хартманн откинулся на спинку кресла, – я соскучился по изысканной кухне… – под крылом сверкнуло Средиземное море. Командир взглянул на часы:

– Идем точно по расписанию. Посадка в Гане в восемь вечера по местному времени… – машина пропала в раскаленном августовском небе.

Пустая бутылка зеленого стекла, с ободранной этикеткой, закатилась под покосившуюся кровать. На щербатой тарелке подсыхали куски салями и сыра. Рядом валялась пожелтевшая сердцевина обгрызенного яблока. Сквозь щели в жалюзи светило заходящее солнце. На узкой улице внизу тарахтели старые скутеры.

Джо не знал итальянского языка, но, прислушавшись к диктору в бубнящем на верху пыльного шкафа репродукторе, он разобрал, что речь идет о покушении на президента Франции де Голля:

– Нет, – Джо склонил черноволосую, потную голову, – вроде бы президент жив, никто не пострадал… – Джо был уверен, что покушение опять организовали противники независимости Алжира:

– Они один раз стреляли в президента, в прошлом году. Оасовцы не успокоятся, пока де Голль их всех не отправит на эшафот…

Джо не хотелось сейчас думать о де Голле, Кеннеди, Хрущеве или о помятой карте, испещренной пометками, расстеленной у него на коленях. Взяв с пола початую бутылку теплого орвието, он сделал несколько жадных глотков:

– О Шмуэле я тоже не хочу думать, то есть вспоминать, – сказал себе Джо, – на исповедь к нему я не пойду. Вообще никто, кроме Даниэлы, не знает, что я в Риме. Даниэлы и посланцев с Лубянки… – он поморщился. Мать считала, что он улетел на Корсику, по приглашению бывшего соученика из Горной Школы:

– Мы загораем, купаемся и выходим в море на яхте, – хмыкнул Джо, – впрочем, без загара я, действительно не обойдусь…

В комнате стояла липкая жара, он откинул влажную простыню. Даниэла дремала, уткнув лицо в сгиб локтя. Джо рассеянно погладил горячую спину девушки. Нежные плечи испещрили следы его поцелуев:

– Придется ей носить блузки с закрытым воротом, – усмехнулся он, – впрочем, в ее университете скромно одеваются… – Даниэла не стала ничего от него скрывать. Он узнал о ее жизни в СССР, о бывшей работе на польскую службу госбезопасности, о задании, полученном ей на Лубянке:

– Я должна соблазнить отца Кардозо, – девушка не отрывалась от его губ, – должна принять обеты, стать его экономкой, сообщать о его планах русским… – девушка всхлипнула:

– Но я не хочу, милый. Послушай меня… – зашептала она, – мы сможем всех обмануть. Я придумала, как это сделать. Не бросай меня, Джо… – девушка с неожиданной силой обняла его за шею, – я люблю тебя. Только вдвоем мы сможем им противостоять…

Джо боролся с желанием одеться и дойти до ближайшего почтового отделения:

– Тетя Марта должна узнать о месье Вербье, то есть товарище Матвееве, о проклятой девке, которая меня соблазнила… – услышав описание Светы, комитетской куклы, как ее презрительно называла Даниэла, Джо понял, о ком идет речь, – она должна услышать о Микеле Ферелли и об остальных планах русских… – показав ему фотографию итальянца, Даниэла заметила:

– Мне даже не пришлось ничего спрашивать у твоей кузины, то есть Лауры. Она сама мне все рассказала… – Данута вспомнила гневный голос девушки:

– Твоя мама была еврейка, ты меня поймешь. Он антисемит, невежественный фашист и поклонник Муссолини. Он посмел пригласить меня в какой-то поход… – Лаура ловко метнула скомканную карту в корзину для бумаг, – наверняка, собирает своих мерзких дружков… – вызвавшись вынести мусор, Данута аккуратно спрятала расправленную карту в бюстгальтер:

– Но я не могу… – Джо потер лицо руками, – я не могу в таком признаться ни тете Марте, ни маме. Они героини, они сражались с нацистами, бежали от русских, а я грязный шпион, купленный с потрохами… – Джо не мог разочаровать мать. Лаура вернулась из поездки отдохнувшей, с веселыми глазами:

– Мама даже отправилась со мной и Пьером на несколько дней к морю, – вспомнил Джо, – она купалась, мы брали лодку напрокат, обедали в ресторанах… – Джо почувствовал, что мать избавилась от какого-то груза:

– Что бы ее ни тяготило, теперь все в прошлом, – понял Джо, – я не позволю, чтобы она опять заболела… – подняв голову, Данута нырнула к его боку:

– Все просто, – ее дыхание щекотало ухо Джо, – ты наткнешься на поход якобы случайно. Русский все объяснил, послушай, с кем ты будешь иметь дело… – Джо потер обросший темной щетиной подбородок:

– То есть мне надо подобраться ближе к арабу, втереться в его доверие… – Даниэла закивала:

– Именно. Но мы всех обведем вокруг пальца. Ты говорил, что брат отца Кардозо работает на израильскую службу безопасности… – Джо передал ей бутылку:

– На Моссад. Иосиф его близнец… – вино потекло по шее, девушка жадно облизала губы:

– Моя мать была еврейка, она погибла в восставшем варшавском гетто. Я обо всем узнала в Мон-Сен-Мартене. Там на смертном одре лежала монахиня, бывшая глава моего приюта в Кракове. Она все рассказала, у меня есть ее заверенный аффидавит…

Даниэла потянула его к себе:

– Израиль не бросит меня в беде, – всхлипнула девушка, – то есть и тебя тоже. У тебя появятся сведения о планах арабов, Израиль нас примет и защитит. Русские до нас никогда не дотянутся… – от нее пахло солнечным днем. Джо крепко удерживал ее, девушка металась по сбитой постели, сдерживая стон. Он и сам едва не закричал, вцепившись зубами в ее плечо:

– Я сделаю, – тяжело продышал Джо, – сделаю все, что надо. Ты права, мы спасемся, только оставшись вместе… – она сбросила на щелястый пол подушку:

– Я люблю тебя, люблю… – девушка задохнулась, – пожалуйста, не бросай меня, Джо… – он уткнулся лицом в ее спутанные волосы: «Никогда не брошу».

На вилле Ферелли держали прислугу, однако женщины поднялись на рассвете, чтобы приготовить завтрак сыновьям:

– Потом поедим в тишине и покое, – смешливо сказала Рита, – к тому времени и мужчины встанут… – постучав в спальню сына, она услышала шум воды. Микеле отозвался:

– Мы скоро придем, мамочка… – вернувшись на блистающую американской техникой кухню, Рита застала синьору Штрайбль с ножом в руке. Супруга адвоката делала бутерброды с немецкой тщательностью:

– Словно по линейке режет, – поняла Рита, – хотя до войны она работала медсестрой… – Матильда добавляла:

– Недолго, всего пять лет. В двадцать семь меня судили и отправили в Равенсбрюк. Гитлер украл у меня лучшие годы жизни… – по словам фрау Штрайбль, она протестовала против увольнения врачей, евреев, расклеивая в госпиталях самодельные листовки:

– Тогда еще стояло вегетарианское время… – вздыхала она, – в военные годы меня бы за такое гильотинировали…

Матильда ничем не рисковала. Клиника Шарите, где она работала до тридцать четвертого года, теперь находилась на территории ГДР. Насколько она знала, СС успело сжечь папки заключенных в Равенсбрюке женщин:

– Даже если и не успело, то все документы тоже попали в восточную зону, – думала она, – тем более, что у меня другая фамилия… – она понятия не имела, где сейчас обретается бывшая надзирательница и работница их маленького предприятия в Нюрнберге, Гертруда Моллер:

– Союзники забрали ее с девчонкой в тюрьму, откуда она не вернулась… – Матильда задумалась, – но в отчетах о процессах ее имени мне не попадалось. Она узнала в нашем посетителе высокопоставленного нациста, предала его и, скорее всего, получила новые документы…

Она не знала и о судьбе Греты, бывшей капо медицинского барака, о шварце или сестре Каритас:

– Шварце вернулась в Америку, здесь опасности нет, – заметила она мужу, – а Грета уголовница. Должно быть, она и после войны не миновала кривой дорожки и тюрьмы… – пользуясь знакомствами адвоката Ферелли, герр Штрайбль выяснил, что сестра Каритас давно отправилась в Восточный Берлин:

– И там проповедует, праведница, – усмехнулась Матильда, – мало она в лагерной тюрьме отсидела за незаконные молитвенные собрания. Ничего, коммунисты ей еще добавят…

Матильда не беспокоилась о прошлом:

– Что было, то быльем поросло. Мы уважаемые люди, Герберт давно мог пройти в бундестаг… – муж не хотел менять юриспруденцию на кресло депутата:

– Денег в Бонне меньше, а хлопот больше, – заявлял адвокат Штрайбль, – лучше я буду поддерживать христианских социалистов в Баварии… – Матильда занималась благотворительностью, помогая престарелым и больным людям:

– Фрау Ферелли тоже славится христианским милосердием… – она искоса взглянула на хлопочущую у стола женщину, – она говорила, что росла в набожной семье… – родители фрау Ферелли умерли в начале войны:

– Мы с Карло жили в одном доме, ходили в одну школу, – говорила женщина, – когда я осталась сиротой, мы еще больше сдружились. У нас, можно сказать, случился студенческий роман… – Матильда вспомнила:

– Она выскочила замуж в двадцать лет, хотя в Италии рано венчаются. Ей и сейчас всего тридцать восемь. Она молодец, не располнела, как многие южные женщины… – даже в половине седьмого утра фрау Ферелли щеголяла аккуратно уложенными, черными волосами:

– Она успела накрасить ресницы, переоделась в платье, – одобрительно хмыкнула Матильда, – она себя не распускает… – поинтересовавшись однажды, почему Ферелли не завели еще детей, она услышала грустный голос женщины:

– После войны я потеряла ребенка, – Рита осенила себя крестным знамением, – беременность прервалась. Я едва не умерла, – она поежилась, – Карло меня спас, отдал кровь для переливания. Врачи запретили мне дальнейшие попытки… – в разговоре с мужем Матильда заметила:

– Его Святейшество разрешает естественные методы… – она повела рукой, – кроме того, Ватикан не заглядывает в супружеские спальни. Я уверена, что в Италии пользуются теми же средствами, что и в Германии… – Штрайбль весело отозвался:

– Но в ватиканской аптеке такого не продают. Ферелли водил меня туда, там все лекарства с большой скидкой… – у адвоката имелся особый пропуск для аптеки:

– Заведение обслуживает только граждан Ватикана, – объяснил синьор Ферелли, – но римлянам, приближенным к Его Святейшеству, тоже разрешают пользоваться аптекой… – связи Карло обеспечивали Штрайблям и ежегодную аудиенцию с Его Святейшеством. Матильда завела черную кружевную мантилью. Она показывала гостям мюнхенских апартаментов снимки из резиденции папы римского:

– Надо, чтобы Герберт получил орден от святого престола, – решила она, – синьору Ферелли обещали такой. Для репутации конторы это хорошо, мальчик будет гордиться отцом… – ловко заворачивая бутерброды в папиросную бумагу, она спросила:

– Вы думали насчет невесты для Микеле, фрау Ферелли… – Матильда не знала итальянского языка, Рита не владела немецким. Женщины говорили по-английски:

– Я выучила английский в Нюрнберге, – незаметно усмехнулась Матильда, – ради бизнеса, как выражались американцы, а фрау Ферелли заканчивала факультет иностранных языков. Она, правда, никогда не работала, из-за ребенка… – Рита пожала плечами:

– Мальчику всего семнадцать, синьора Штрайбль, мы никуда не торопимся. Супруга надо выбирать по любви, как сделали мы с Карло… – Матильда хмыкнула про себя:

– Итальянцы все такие. Какая любовь, речь идет о деньгах, о положении в обществе… – она ни разу не пожалела о своем выборе:

– Если бы я вышла замуж за союзного офицера, я бы сейчас прозябала в английской или американской глуши, без поездок на альпийские озера и покупок в парижских магазинах… – подумала Матильда, – поставив на Герберта, я оказалась права. У него умная голова, недаром он в семнадцать лет начал вертеться в определенных кругах… – муж тоже не волновался о прошлом:

– В конце концов, я действительно числился студентом, – заметил он Матильде, – только в университете появлялся редко. Сейчас никто не будет разбираться в случившемся почти тридцать лет назад. Мою папку из канцелярии Дахау я лично сжег после освобождения лагеря… – уложив бутерброды в холщовую кошелку, Матильда услышала топот ног по коридору:

– Мы сейчас придем… – младший Герберт всунул влажную голову на кухню, – мы с Альбером купались, а Микеле, ленивец… – подросток хихикнул, – предпочел валяться в постели… – вилла Ферелли выходила на закрытый для посторонних пляж:

– Поторопитесь, – велела Рита парню, – ваш поезд отходит через час. Такси до станции я вызвала, но вам надо как следует поесть… – ребята поскакали на второй этаж, в спальни:

– Матушка Альбера, кажется, вовсе им не интересуется, – недовольно подумала Рита, – она из тех женщин, которым важны мужья, а не дети. Это ее второй муж, первый умер после

войны. Второй тоже богатый человек, еще и с титулом… – Рита относилась к Альберу, как к собственному сыну:

– Они с Микеле не разлей вода. Их поездка в Мон-Сен-Мартен удалась, они вернулись в хорошем настроении… – оглядывая стол, Рита спросила:

– Бывали вы в Мон-Сен-Мартене, синьора Штрайбль… – Матильда перекрестилась:

– Пока не добрались. Но надо съездить туда, в Лизье и в Лурд, к святым реликвиям… – Матильда не могла избавиться от странного чувства:

– Фрау Ферелли мне кого-то напоминает… – фрау Штрайбль знала эти черты лица, – ерунда, она итальянка, а не еврейка. Хотя ее предки могли креститься, в Берлине много евреев так делало. Ладно, какая мне разница… – налив кофе, Матильда закурила длинную сигарету в серебряном мундштуке:

– С голода они не умрут, – заметила женщина, – в Риети наверняка есть магазины и рынок… – Рита кивнула:

– В горах остались фермы, где делают такой пекорино, какой в городах не достать. Салями у них тоже домашняя, мальчишки поедят вволю. Сливы поспели, персики в самом соку… – смахнув невидимые крошки с мраморного стола, Рита крикнула: «Мальчики, завтрак готов!».

Огонь костра уходил гудящим столбом в усеянное крупными звездами небо, освещая брезент легких палаток. Накинув на плечи армейское одеяло, Микеле подвинул бревно ближе к центру пламени:

– Не волнуйся, – мягко сказал Абу Аммар, – мы не замерзнем. Видишь, – он пошевелил угли палкой, – здесь три головни. Две бы сгорели, а три согреют нас до самого рассвета…

Ладони Микеле пахли порохом, тело разламывала сладкая, знакомая по походам усталость. Он мимолетно вспомнил синьорину Лауру:

– Дурак я был, что пытался ее сюда пригласить, – усмехнулся юноша, – она бы и часа не продержалась. И она бы не пришлась ко двору, Абу Аммар ненавидит евреев… – в перерыве между стрельбами инструктор рассказывал им о борьбе палестинцев за свою землю:

– Я ненавижу не евреев, – поправил он Микеле, – а израильтян. Именно они отняли у нас страну предков. Но евреи поддерживают друг друга, – его глаза блеснули холодом, – даже евреям, живущим в Европе или Америке, нельзя доверять. Они всегда останутся на стороне израильских захватчиков… – подумав о Лауре, Микеле кивнул: «Именно так». Он прикурил от уголька:

– И вообще, девчонкам рядом с нами не место. Настоящим подругам мы рады, но синьорина ди Амальфи никогда бы не разделила наши идеи…

Микеле и ребята с Ближнего Востока переводили лекции и распоряжения Абу Аммара. Сойдя с поезда в Риети, за день они сделали пешком больше двадцати километров, миновав по дороге всего одну ферму:

– Отличное место, – Абу Аммар одобрительно оглядел заросшее соснами уединенное ущелье, – здесь никто не услышит ни выстрелов, ни взрывов… – взрывами они собирались заняться завтра. К стволам сосен прикрепили испещренные следами от пуль, грубо нарисованные, самодельные мишени:

– Герберт меткий парень, – весело подумал Микеле, – Альбер от него тоже не отстает. Но Абу Аммар больше всех хвалил именно меня… – Микеле гордился, что инструктор выделяет его из остальных ребят. За обедом, с кусками деревенского хлеба, с помидорами и оливками, они слушали лекцию араба о Катастрофе, как он называл изгнание палестинцев со своих земель:

– Евреи трясут перед миром своими якобы страданиями во время войны… – Абу Аммар поднял палец, – однако они замалчивают тот факт, что именно их стараниями, мой народ превратился в гонимое ветром перекати-поле… – араб говорил страстно, расхаживая перед замер-

шим кружком парней, – евреи заставили нас бросить дома и сады, а теперь они пользуются плодами нашего труда. Они все капиталисты… – Абу Аммар остановился, – даже не капиталисты, а рабовладельцы. Для них мы хуже скота, в сорок восьмом году они вырезали всех палестинцев без разбора, от стариков до грудных младенцев…

Поверх походной куртки Абу Аммар наматывал арабский, черно-белый платок, куфию. У Микеле тоже появился такой, вместе со значком с изображением палестинского флага. Он незаметно взглянул на инструктора. Абу Аммар пристраивал на ломоть хлеба кусок соленого сыра пекорино:

– Оливки у вас хорошие, – он облизал пальцы, – но с нашими все равно не сравнить. Но сыр похож, хотя он у нас мягкий и белый… – Микеле кивнул:

– У нас тоже такой есть, рикотта. Надо достать мяса, ты не ешь салями… – Абу Аммар откусил сразу половину ломтя:

– Если встретится на пути еще одна ферма, можно купить куриц. Я зарежу птицу, это просто, и вас тоже научу… – в ущелье они отыскали чистый родник. Абу Аммар варил кофе на арабский манер, в закопченном медном кувшинчике, с толикой специй:

– Вкус дома, – ласково улыбнулся он, – в скитаниях очень важно носить с собой часть утерянной родины, пусть даже если это только кофе… – араб не упоминал о том, где сейчас живет его семья:

– Он набожный, молится с нашими студентами из Северной Африки, из Сирии… – подумал Микеле, – наверное, у него есть жена и дети… – словно услышав его, Абу Аммар заметил:

– У многих такой родиной становятся близкие люди, но я женат на нашей борьбе за свободу, Микаэль… – Абу Аммар называл всех ребят по-арабски, – я поклялся не заводить семью, пока наш народ скитается по миру, не имея своего угла… – Микеле подпер крепкий подбородок кулаком:

– И ты никогда не… – он смешался:

– Прости, это личное, я не должен был спрашивать… – Абу Аммар вздохнул:

– Я люблю одну женщину, всегда буду любить, однако она замужем и счастлива… – он видел это на газетных фотографиях, – должно быть, Аллах приготовил мне другую судьбу…

Со времен их встречи в Швейцарии, мисс Адель, как ее про себя называл Арафат, еще больше похорошела. Он следил за жизнью девушки по интервью и статьям:

– Мне не надо ей писать, – говорил себе Арафат, – не надо, чтобы она писала. Никому не надо знать о ней, ни моим товарищам, ни Аль-Кору… – на Ближнем Востоке господина Ритберга фон Теттау назвали именно так. Арафат сразу согласился на его просьбу:

– Ребята нужны всем, – усмехнулся он про себя, – они молоды, они горят жаждой действия. Они левые, но это ерунда, в юности каждый должен переболеть таким. Потом они присоединятся к нашим силам или к гвардии Аль-Кора… – Арафат всегда уважительно отзывался о соратниках Феникса:

– Они знают, чего хотят, и они этого добьются. У нас есть общий враг, Израиль и его подпевалы, мировое еврейство. Отправив евреев в новые печи, мы вернемся на свою землю… – передав мальчику кофе, он тоже закурил:

– Но у тебя появится настоящая подруга, – Абу Аммар помолчал, – верная соратница, а не пустоголовая девчонка. Ты хороший парень, Микаэль. Ты достоин, как говорится в священном Коране, такой женщины, которую надо почитать…

Сзади послышался шорох, Микеле насторожился. Высокий, смуглый парень, тоже в походной куртке, с рюкзаком за плечами, ступил в освещенный костром круг:

– Извините… – он пощелкал пальцами, подбирая итальянские слова, – я турист, я… – Микеле положил руку на пистолет в кармане куртки:

– Видно, что у него есть азиатская кровь. Какого черта он сюда забрел… – Абу Аммар поднялся:

– Если вам удобнее говорить по-английски… – парень обрадовался:

– Спасибо. Я из Франции, я путешествую в отпуске. Я, кажется, сбился с пути, я иду из Риети к вершине Монте Терминило, – так назывался самый высокий пик местных гор, – может быть, вы мне укажете верную дорогу. Меня зовут Жозеф, Джузеппе, по-итальянски… – Микеле буркнул:

– Вы на правильной тропе, осталось километров тридцать… – инструктор снял с его плеч одеяло:

– Садитесь, Юсуф… – пригласил он незнакомца, – меня зовут Абу Аммар, я из Сирии, руководитель группы. Это Микаэль, Микеле, он сварит нам кофе… – Абу Аммар протянул парню краюху хлеба:

– У нас есть оливки, овечий сыр, помидоры. Отдохните, разделите с нами трапезу… – парень достал из мешка бумажный пакет:

– Держите финики, инжир, шоколад… – предложил он, – угощайтесь, пожалуйста. Я с удовольствием устроюсь у костра… – насыпая в кувшинчик кофе, Микеле недовольно взглянул на инструктора. Абу Аммар улыбался:

– Пророк учил нас: «Пусть не ждет добра тот, что не оказывает гостям должного приема».

В темноте послышалось уханье совы, кофе зашипел, переливаясь через край кувшинчика. Арафат взял легкую кружку парня: «Добро пожаловать, Юсуф, мы вам рады».

– Смотрите сюда… – длинные пальцы Юсуфа, как его называл Абу Аммар, порхали над переплетением проводов, – расположение цветов могут выучить даже юристы и философы…

Кто-то из парней громко хихикнул. В пещере было сыро, на низких сводах повисли капли воды. Заряды они расположили у входа, однако француз все равно подсвечивал себе фонариком:

– Его отец из Японии, – Микеле рассматривал спокойное лицо гостя, – Япония была союзником Германии во время войны…

За общим завтраком они доели финики и шоколад парня. Юсуф рассказал, что закончил Горную Школу в Париже и сейчас работает на юге Конго:

– Я занимаюсь алмазами, – небрежно сказал он, – я инженер на руднике компании «Де Бирс» … – Микеле оценил неброское, но дорогое снаряжение парня:

– Видно, что у него водятся деньги, – решил Ферелли, – с оружием он тоже управляется отменно… – Юсуф с легкостью попадал прямо в яблочко на мишенях:

– В Конго до сих пор неспокойно, – он пожал плечами, – все инженеры обязаны иметь при себе пистолеты при выезде за пределы охраняемой территории… – кто-то из парней поинтересовался:

– Ты, наверное, тоже участвовал в стычках… – Джо вспомнил выжженную саванну, обгорелые остатки шатров, холодные глаза русского, месье Вербье:

– Разные вещи случались, – коротко сказал он, – лучше показывайте, что у вас за взрывчатка…

Джо понял, что взрывчатку привез в Италию Абу Аммар:

– То есть Ясир Арафат, – поправил он себя, – русские передали Даниэле его досье… – Джо знал, с кем он имеет дело:

– Такую взрывчатку не купишь в магазинах, это армейский товар, его используют войска НАТО. Ферелли и остальным юнцам эти вещи взять негде… – разбирая с ребятами устройство схемы, Джо заметил:

– Надо знать, как обходиться собственными силами. Достаточно мощную взрывчатку можно сделать самим, пользуясь товаром из аптек и химических магазинов. Запоминайте или записывайте… – велел он. Рассказывая об аммиачной селитре, Джо ловил на себе пристальный взгляд Арафата:

– Он знает, что мой отец работал на Советский Союз… – понял граф Дате, – я не скрываю своего имени, а история с казнью папы настолько известна, что про него слышали даже на Ближнем Востоке… – у костра Джо рассказал Арафату, что путешествует по Европе:

– Я почти безвылазно сижу в Африке… – он попивал кофе, – а в отпуске предпочитаю побыть один… – он повел рукой в сторону темных очертаний гор, – в Африке, с обретением независимости, сейчас свободней, чем в душном капиталистическом мире… – Джо добавил:

– Европа прогнила и нуждается в генеральной уборке, Абу Аммар. Надо избавить наш континент и весь мир от гнета капиталистов. Пока я на них работаю, – он помрачнел, – но я уверен, что придет время, когда африканцы потребуют свои природные богатства, как палестинцы требуют свою землю… – Джо не мог не признать, что на Лубянке написали отличный сценарий:

– Немного экзистенциализма и разочарования в настоящем, немного коммунизма и надежды на будущее, поддержка Африки, Кубы и Палестины, и детский сад смотрит мне в рот, как смотрят они в рот Арафату… – Джо претил антисемитизм. Даже сейчас он не мог заставить себя обличать евреев:

– Хотя мне это и не требуется… – он велел парням выйти из пещеры, – Абу Аммар отлично справляется сам… – скривив губы в брезгливой улыбке, Джо вытер влажное от пещерного тумана лицо:

– Все давно используют заряды на радиоуправлении, – сказал он парням, – однако пока надо научиться работать хотя бы с такой техникой… – Джо показал группе кончик бикфордова шнура:

– Здесь сто граммов в тротиловом эквиваленте, – он махнул на вход в пещеру, – здание такая порция не разнесет, но, заложив ее в квартире, вы почти наверняка избавитесь от обитателей апартаментов… – кто-то пробурчал: «Буржуазных свиней». Джо запоминал имена и лица парней:

– Альбер, бельгиец, тоже юрист. Ровесник Микеле, родился в год победы. Герберт, немец, он самый молодой среди них, еще школьник… – фотографировать ребят было бы подозрительно, однако Джо повторял про себя их описания:

– Даниэла права, – он поджег бикфордов шнур, – у меня появятся сведения о мальчишках… – Джо очень скептически относился к левым идеям, – но, что важнее, я попробую завоевать доверие Арафата. Лубянка хочет держать палестинцев под присмотром, но палестинцами интересуется и Израиль. Они примут нас с Даниэлой, защитят от Москвы… – кто-то из парней кинулся на землю, прикрыв голову руками. Джо лениво улыбнулся:

– Нет никакой нужды. Мы стоим за двадцать метров от пещеры, когда свод рухнет, в нашу сторону не полетит ни одного осколка. Но, взрывая апартаменты или машину, – наставительно добавил граф Дате, – постарайтесь отбежать как можно дальше. Такие взрывы несут за собой большое количество разрушений. Для увеличения числа жертв можно начинить бомбу болтами или гайками, как делали русские революционеры в начале борьбы с царским режимом…

Огонек на бикфордовом шнуре дополз до пачек взрывчатки, камни с грохотом покатились вниз. Джо даже не зажал уши руками. Белое облачко пыли окутало вход в пещеру, ребята зааплодировали. Джо поднял руку:

– Сейчас мы разберем завал и каждый потренируется в установке зарядов. Вперед, принимаемся за работу… – парни ринулись к груде камней.

Крепкая рука араба легла на плечо Джо:

– Мне надо с вами поговорить, Юсуф, – спокойно сказал Абу Аммар.

Интерлюдия

Гана, сентябрь 1962

Аккра

Соленый, напоенный влагой ветер с Гвинейского залива еле шевелил гирлянду трехцветных красно-зелено-желтых флажков, с черной пятиконечной звездой. С перил покосившейся террасы свисало старое знамя, тоже с зеленой полосой. Указывая на белые и оранжевые цвета Кот д» Ивуара, месье Этьен, владелец гаража, смешливо говорил: «Почти Ирландия, только полосы перепутаны местами».

Для пущей красоты, как замечал механик, двор гаража украсили еще десятком африканских и европейских флагов. Американские клиенты месье Этьена, журналисты, притащили звездно полосатое знамя. На воротах висела табличка: «Говорим по-английски и по-французски, добро пожаловать». Снизу хозяин гаража приписал от руки красной краской: «Akɔaba».

Никто не ожидал, что француз, переехавший в Гану, бывший Золотой Берег, из Абиджана, столицы бывшего Берега Слоновой Кости, будет знать местный диалект, однако за лето месье Этьен нахватался словечек на ашанти. По-английски он говорил бойко, но с сильным акцентом. Его помощник, месье Жозеф, появившийся в гараже в конце августа, языком владел гораздо лучше. Молодой человек знал и немецкий. Месье Этьен представлял месье Жозефа, как племянника, сына покойной сестры:

– Знаем мы этих племянников, – заявил однажды местный пропойца, дядюшка Мартин, – он выписал парня для постельных дел… – завсегдатаи дешевого бара в глубине рынка, шумевшего у стен бывшего датского форта Кристиансборг, возмутились:

– Ерунда это… – хозяйка навалилась необъятной грудью на стойку, – спроси хоть Викторию… – Виктория, хорошенькая девчонка лет шестнадцати, торговала с ручной тележки арахисовым супом, кашей из маниоки и жареной рыбой. В обеденное время она бегала с судками по рыночным мастерским. Виктория ловко плюнула на пол ореховой скорлупой:

– Все у него в порядке, дядюшка Мартин, – громко заявила девица, – я Жозефа имею в виду. Я сама все проверила и не один раз…

Помощник месье Этьена обретался на узкой койке, на террасе гаража, однако к услугам местных парней и девиц всегда был пустынный пляж белого песка. Раскаленное солнце опускалось в залив, черные точки рыбацких лодок медленно двигались к берегу. На рынке зажигали огни. Продавцы протяжно кричали: «Скидки, скидки, вечерние скидки!».

Стрекотали швейные машинки в тесных закутках при лавках, ветер раздувал яркие полотнища хлопка для женских платьев. На расстеленной шкуре старик продавец разложил медные амулеты. По соседству торговали крестами и ладанками, засушенными головами обезьян, слоновой костью, попадавшей сюда из Восточной Африки. В мутных банках темнели деревенские снадобья. Полный меняла, обладатель единственного на рынке переносного транзистора, восседал в лавке, под засаленным объявлением:

– Лучший курс в стране. Обналичиваем чеки, делаем международные переводы… – через менялу можно было получить деньги из Британии и даже Нью-Йорка. Транзистор, выставленный в узкий проход, хрипел с облупленной табуретки о советских и американских ракетах. Президент Кеннеди обещал в конце десятилетия отправить человека на Луну, но на рынке больше интересовались футбольными трансляциями:

– И вообще, – подытожила хозяйка, – нечего возводить поклеп на приличных людей. Месье Этьен хороший человек, он детворе бесплатно чинит велосипеды. Жозеф к нему при-

ехал, потому что у него много немцев в клиентах… – дядюшка Мартин пробормотал что-то нелестное в адрес немцев. На рынке знали, что, напившись виски, старик часто отправляется к морю. Двадцать лет назад немецкая торпеда отправила на дно Гвинейского залива торговое судно, где служил матросом его единственный сын:

– Тела экипажа не нашли, – вздохнула хозяйка бара в разговоре с месье Этьеном, – бедняга надеется, что его сын жив. Он бродит в прибое, зовет мальчика… – негритянке показалось, что темные глаза механика блеснули:

– Плачет он, что ли… – женщина пригляделась, – он ничего о себе не говорит. Приехал в конце весны, купил развалюху, но руки у него нужным концом приделаны. Теперь в гараж заглядывают даже министры… – она решила, что месье Этьен, наверное, вдовец:

– Может быть, он потерял жену и ребенка в Абиджане и решил начать все сначала. Жозеф из Парижа, и он сам, наверное, тоже оттуда. Хотя по нему видно, что он долго живет в Африке… – хозяйка велела Виктории не развешивать уши:

– Ты моя племянница, – сварливо сказала она, – твоя мать умерла, я за тебя в ответе… – девчонка пожала плечами:

– Жозеф на мне не женится, – она сморщила изящный нос, – но язык у него хорошо подвешен, тетушка. Мне охота послушать про Париж, про Францию…

Месье Этьен словоохотливостью не отличался. В баре он появлялся только субботним вечером:

– Берет виски, соленые орешки, и пьет молча, – одобрительно подумала женщина, – правильный он мужик. Он еще не старый, ему чуть за сорок…

С клиентами месье Этьен обращался вежливо, но без угодливости. Дипломаты к нему не ездили, пользуясь услугами своих техников, но в гараже появлялись и журналисты, западные дельцы и даже государственные чиновники.

Засаленные карты шлепнулись на стол, Иосиф выдохнул сизоватый дымок:

– Но тот, кого мы ждем, все не приходит, хотя Механик объяснил, что Августину не так просто выбраться с территории президентского дворца… – пока Иосиф не видел ни Доктора, ни Черного Князя. О приезде в Гану итальянца ему сообщил месье Механик:

– Весточка тебя обогнала, – усмехнулся француз, – пока ты тащился сюда из Каира, мне успели сообщить, что Боргезе собрался в Аккру… – передатчик Механик держал в подвале, в отлично замаскированном закутке:

– Но сидеть в эфире не след, – предупредил он Иосифа, – не забывай, что мы подвизаемся с фальшивыми документами на территории суверенного государства. Если нас арестуют, то ни Набережная, ни Бюро Документации, ни даже твоя альма-матер, – он подмигнул Иосифу, – просто не успеют нас спасти. Нам пустят пулю в затылок и зароют на безымянной свалке, как беднягу Лумумбу… – Механик выходил в эфир пятничными вечерами:

– Местная служба безопасности в это время отдыхает, – объяснил он, – парни на дежурстве слушают футбол и попивают пиво… – пока ни Боргезе, ни Доктор в гараже не появлялись, не заглядывала сюда и глава местной летной школы, фрау Ганна Рейч:

– Августин обычно пару раз в месяц выбирается в город… – Механик отхлебнул пива, – ты только недавно прилетел, ты его еще увидишь… – месье Этьен поскреб в подернутых сединой, темных волосах:

– Пики козыри, твой ход, дорогой племянник… – жестяные ворота гаража скрипнули. Кто-то осведомился по-французски:

– Вы еще работаете, месье? У моей прокатной машины, кажется, непорядок с карбюратором. Я инженер, но лучше, чтобы на двигатель взглянул специалист… – голос показался Иосифу знакомым. Обернувшись, он замер. Рядом с потрепанным белым фордом, стоял кузен Виллем, в походном хаки, с бритой наголо головой и отросшей, рыже-золотой бородкой. Перехватив взгляд Иосифа, Механик поднялся:

– Посмотрим, месье, отчего бы не посмотреть… – коротко бросив Иосифу: «Открывай ворота», месье Этьен сбежал по ступеням террасы во двор.

Кухня в президентском дворце, бывшей резиденции британского губернатора Золотого Берега, выходила на служебный двор с воротами для машин и калиткой для персонала. Еще десять лет назад невозможно было представить, что повара, горничные и официанты, обслуживавшие последнего генерала-губернатора Ганы, графа Листоуэла, воспользуются парадным входом, тяжелыми дверями мореного дуба, среди белых дорических колонн портика.

Сэм Берри сидел на ступенях черного хода, с первым утренним эспрессо:

– Впрочем, они и сейчас не пользуются… – он затянулся сигаретой, – рабочие лошадки, то есть мы, не разъезжают на лимузинах…

Блестящие лимузины членов правительства и дипломатов парковали на парадной стороне дома, среди аккуратно подстриженных газонов, фигурной живой изгороди и отделанных мрамором фонтанов. Нкрума, как выражался Сэм, жил на широкую ногу. Последний губернатор Ганы, не желая возиться с упаковкой мебели, выехав из особняка, оставил первому президенту всю обстановку, от тяжеловесных викторианских столов и стульев, до персидских ковров, скучных собраний колониальных отчетов и расстроенного рояля.

Рояль привели в порядок, к коврам прибавились яркие тканые дорожки. По стенам развесили деревянные маски деревенской работы.

Сэм жил в пристройке для слуг, унылом флигеле с тесными комнатками. Разговора о том, чтобы снимать квартиру в городе, даже не шло. Резиденция стояла в бывшем закрытом районе, где до обретения страной независимости жили британские чиновники. Колониальная администрация построила для себя даже крикетный стадион и теннисные корты.

Доктор Шуман, как уважительно звали личного врача президента, скрипуче заметил:

– В Викторияборге только частные особняки. Чтобы добраться сюда из города, вам придется тратить время. У президента семья, надо кормить завтраком детей. Они не собираются ждать, пока вы явитесь на работу… – Сэм не стал спорить:

– В конце концов, кому еще в семнадцать лет доверяют частную кухню такого размаха, – хмыкнул он, – с приемами почти каждый день. Это отличная школа. Папа был прав, когда сказал, что я не только помогу Британии, но и наберусь опыта… – не желая вызывать подозрений доктора, Сэм не просил о выходных каждую неделю:

– Два раза в месяц, – он аккуратно потушил окурок, – и то, Доктор недоволен, что я вообще выхожу за пределы резиденции… – Сэм резонно заметил, что ему, как повару, надо хотя бы побывать на рынке:

– Здесь другие овощи, другие приправы, герр Шуман… – они говорили по-немецки, – господин президент настаивает на национальной кухне для торжественных обедов… – в кругу семьи Нкрума, долго живший в Америке и Британии, отлично обходился оладьями с кленовым сиропом, сосисками и беконом:

– Но на приемах мы всегда подаем арахисовый суп и маниоку, – весело подумал Сэм, – хорошо, что на кухне стоит электрическая мельница… – в рыночных забегаловках маниоку толкли руками. Доктор, покривившись, отозвался:

– Имейте в виду, что выходные мы вам оплачивать не собираемся… – Сэм кивнул: «Нет проблем». Центральноафриканская Республика оказалась только остановкой:

– Шуман меня встретил, привез в Аккру, – он допил эспрессо, – но я успел позвонить месье Механику, сообщить, куда мы едем… – Сэм не сомневался, что Доктор пускает за ним слежку. Охрана президентского дворца была местной, однако по городу ходили слухи, что в службе безопасности работают и белые:

– Вроде Черного Князя, – брезгливо подумал Сэм, – или племянника господина Ритберга фон Теттау… – первого он узнал по фотографии, а второго по описанию из досье тети Марты.

Выходных из-за визита гостей пока не ожидалось. Сэм не мог сообщить о приезде приятелей Доктора:

– Они обедали с президентом, – юноша поднялся, – кажется, они здесь надолго, недели на две, а то и больше… – гости жили в уютном коттедже, тоже с колоннами и портиком, рядом с небольшим прудом, где последний губернатор развел китайских карпов и золотых рыбок:

– Доктор, кстати, обретается в городе, – вспомнил Сэм, – ему нужен доступ к порту и аэродрому… – Сэм считал врачебные занятия Шумана дымовой завесой:

– Он надзирает за нелегальными операциями бизнеса господина Ритберга фон Теттау. Недаром в Гану явился его наследник, Адольф… – парень был вежлив и немногословен, однако Сэм не мог избавиться от неприятного чувства:

– Вблизи я его не видел… – повару незачем было посещать обеды и приемы, – но даже издалека заметно, какие у него холодные глаза. Он, кажется, не моргает, словно змея…

С Механиком Сэм обычно встречался в баре, торчащем у стен полуразрушенного датского форта колониальных времен. Не рискуя слежкой, Сэм не ходил на почтамт, чтобы позвонить домой:

– Доктор знает, где живут мои близкие, – мрачно думал юноша, – лучше не ставить маму, папу и дедушку под удар… – приехав в Аккру, дождавшись первого выходного, Сэм все-таки заглянул на почтамт, чтобы набрать парижский номер:

– Гараж Этьена у городского рынка, – сообщил ему незнакомец, обслуживающий телефон, – месье Механик на месте… – Механик передавал Сэму весточки из Плимута. Юноша сразу сжигал письма:

– Не думай, что твои вещи не обыскивают, – сварливо сказал куратор, – тебе еще надо вернуться домой, милый Августин… – Сэм удивился:

– Но Шуман знает, что я из Плимута, знает, кто мои родители. Они… – Сэм чуть не сказал: «Луиза», – могут посылать письма открыто… – Механик вздохнул:

– Мы не хотим излишнего внимания Шумана, а значит и господина Ритберга, к твоей семье. Придется обойтись таким способом связи… – конверты приходили на абонентский ящик Механика на местном почтамте:

– Но Луиза мне не напишет, – грустно подумал Сэм, – а я так по ней скучаю…

В раскрытые для поставщиков ворота въехал разбитый грузовичок с отчаянно квохчущими курицами в деревянных клетках:

– В отеле «Риц» никто сам птицу не режет, – ухмыльнулся Сэм, – но я деревенский парень и все умею… – свежего мяса в Аккре взять было неоткуда:

– Можно купить на рынке, но тамошнему товару доверять нельзя, особенно свинине. Она вся кишит паразитами, как и здешняя вода… – за грузовичком тащился черный мерседес-кабриолет Доктора. Отвернув затемненное стекло, Шуман крикнул:

– Берри, у нас будет деловой завтрак! Пять человек, включая его превосходительство президента… – машина обогнула дом. Пробормотав: «И вам доброго утра», Сэм пошел на кухню.

Карбюратор в прокатном форде Виллема оказался дырявым. Месье Этьен вытер руки тряпкой:

– По-хорошему, тебе надо вернуться в контору и предъявить претензии, но, во-первых, лавочка закрылась… – Виллем кивнул: «На дворе почти девять вечера». Механик прислонился к ободранному капоту:

– Во-вторых, тебя, наверное, где-то кто-то ждет… – он со значением посмотрел на юношу:

– Впрочем, он стал совсем мужчиной, – подумал Иосиф, – он младше нас со Шмуэлем на два года, но кажется, что ему не двадцать четыре, а все тридцать…

Серые глаза кузена окружали легкие морщинки. Под тропической курткой хаки Виллем носил яркую, распахнутую на груди рубашку. Иосиф заметил среди светлых волосков татуированные шрамы. Перехватив его взгляд, Виллем щелкнул самодельной, судя по виду, зажигалкой:

– Это из саванны, – коротко сказал он, – я братался с ребятами в отряде, обменивался с ними кровью… – скрывать что-то от месье Механика, профессионала, было бесполезно и даже опасно:

– Я не сомневаюсь, что ты понятия не имел о нашем маленьком гешефте, как говорит месье Жозеф, – Механик включил электрическую плитку, – ты заглянул сюда случайно. Произошло совпадение, так бывает. Ты уверен, что за тобой не следили, начиная с аэропорта, и вообще с Леопольдвиля…

Кузен прилетел в Аккру коммерческим рейсом. Виллем помотал загорелой до черноты головой:

– Я даже не навещал мою кузину Маргариту, по соображениям осторожности… – месье Этьен кивнул: «Правильно», – не думаю, что Доктор… – Виллем дернул заросшей щетиной щекой, – пустил за мной хвост. Он знает, с кем он имеет дело, о Грешнике слышали в Конго…

Об отряде, или, как выражались в газетах, банде Грешника слышал и Иосиф:

– Он вроде тамошнего Робин Гуда, защитник прав обездоленных, борец с корпорациями и военными. Журналисты писали, что он всегда ходит в маске… – маска покоилась на дне брезентовой сумки кузена. Рядом, в искусно сделанном тайнике, лежал небольшой, но мощный бельгийский пистолет. Виллем натянул черную шерстяную шапку, прочно скрывающую лицо:

– На встрече я появлюсь в обычном обличье, Доктор меня никогда в жизни не видел и не увидит. И президент Нкрума тоже, буде меня к нему пригласят… – Доктор вышел на Грешника, как выразился Виллем, через старые связи:

– В Катанге шалят все, кому не лень, – хмуро сказал кузен, – Доктор подвизается здесь, но его старые бойцы разбежались по другим соединениям… – Виллему передали, что для Грешника есть интересная и хорошо оплачиваемая работа в Гане:

– Их предложения я принимать не собираюсь, – отрубил кузен, – однако я хотел узнать, чем на самом деле занимается Шуман… – Механик снял с плитки шипевший кувшинчик кофе:

– Шуман организовывает перевалочный пункт для транспортировки в Европу ворованных алмазов из твоего Конго и наркотиков из Южной Америки. Что они хотят поручить тебе, я понятия не имею, но хорошо, что ты приехал. У нас появятся дополнительные сведения из этого змеиного гнезда… – приняв стальную кружку, Виллем утвердительно сказал:

– У вас там сидит агент… – Механик кинул окурок в консервную банку:

– Во многих знаниях многие печали, дорогой Грешник. Ты его все равно не увидишь, не надо тебе знать, кто он такой. Когда тебе назначили встречу… – Виллем отер пот со лба:

– У вас жарче, то есть влажнее. В одиннадцать вечера, в моем пансионе, в паршивой дыре по соседству. Думаю, я увижу самого Шумана… – русская буква «В» на сильной руке кузена только немного поблекла:

– Ты жил в России, – хмыкнул Механик, – мадам М о тебе рассказывала. Ладно, – он взялся за сварочный аппарат, – дырку мы тебе заделаем, и ожидаем тебя завтра с новостями… – Виллем замялся:

– Вообще я не хочу, чтобы там… – он махнул рукой на север, – знали, что Грешник именно я… – Механик надвинул на глаза защитные очки:

– Не понимаю, о чем ты… – Иосиф уловил в его голосе усмешку, – мы починили неисправность в машине неизвестного парня. Что и как мы узнали, совершенно другой разговор, мой милый… – Иосиф удивился:

– Обычно Механик настаивает на соблюдении правил. Но здесь другой случай. Не надо болтать в эфире о том, кто такой Грешник, иначе он из Аккры живым не уедет… – придерживая капот машины, Иосиф добавил:

– На встречу может прийти не только Шуман, но и Черный Князь, Боргезе, еще один фашистский мерзавец. Он сейчас в стране, подсел в Риме на самолет, следовавший из Цюриха. Может быть, и сам Ритберг фон Теттау, то есть фон Рабе, сюда явился… – Виллем стащил маску:

– Моего лица они не увидят, только будут знать, что я белый, но это и так известно. Может быть… – он взглянул на Механика, – кто-то из вас придет в пансион, проследит за встречей… – месье Этьен захлопнул капот:

– Все готово. Нет, дорогой мой, – он покачал головой, – Жозеф не может показываться на глаза Боргезе, по понятным причинам, да и вообще, – Механик помолчал, – будет подозрительно, если в такое время в холле кто-то появится. Мы в городе надолго, по крайней мере я… – он похлопал Иосифа по плечу, – не след рисковать нашим положением. Но дырку я тебе заделал тяп-ляп, – усмехнулся Механик, – у тебя появится причина еще раз навестить гараж…

Грязноватый форд исчез в темноте тропической ночи. Прислонившись к открытым воротам, попыхивая сигаретой, Иосиф проводил глазами красные огоньки:

– Никогда бы не подумал, что Грешник именно он… – месье Этьен выбросил окурок в заросшую травой канаву:

– Хороший парень, – ласково сказал Механик, – впрочем, у вас в семье все такие… – подумав о брате, Иосиф кивнул:

– Да. Главное, чтобы Виллем… – Иосиф вздохнул, – то есть Грешник, вел себя аккуратно. Мой кузен раньше не славился деликатным поведением… – Механик поднял бровь:

– Люди меняются, дорогой племянник. Ты тоже не всегда был таким, каким стал сейчас… – Иосиф понял:

– Это из-за Евы. Рядом с ней мне хочется быть лучше, хочется быть достойным ее. Хорошо, что с Михаэлем все прекратилось, впрочем, с ним ничего и не было. В плену тоже ничего не случалось и больше никогда не случится. Механик прав, я другой человек… – щеколда ворот лязгнула. Иосиф серьезно отозвался:

– Не всегда, это верно. Спасибо, дядя Этьен… – потушив свет в гараже, они вернулись в дом.

Холеные руки перелистывали страницы фотографического альбома. Переплет обтянули итальянской замшей. Доктор весело сказал:

– Партайгеноссе Рауфф знает свое дело. Он подготовил настоящие досье, претендентки обязаны представить медицинские справки. Речь идет о рабочей визе, они понимают, что таковы консульские правила… – девушки приносили разные фотографии. Доктор склонился над плечом Адольфа:

– В зависимости от вакансии… – объяснил он, – мы, то есть партайгеноссе Рауфф, объясняет, что есть позиции секретарш и переводчиц, а есть творческие профессии, куда требуется снимок в полный рост, желательно в купальнике. Но и для конторского персонала он, разумеется, отбирает только достойных претенденток. Остальным… – Доктор покрутил рукой, – сообщают, что они не прошли… – инициатива Феникса сработала отменно:

– Это первая партия, – Шуман стоял с чашкой кофе, – контора пока работает только в Буэнос-Айресе, но Фауст… – так они между собой называли Менгеле, – займется предприятием в Бразилии… – Фауст отвечал за медицинскую часть дела. Операций девушкам, разумеется, не проводили:

– Это вызвало бы законные подозрения, – хмыкнул Доктор, – к тому же, я уверен, что многие обезьяны захотят наследников с белой кровью. Что касается белых содержанок, то понятно, что африканцы выстроятся за ними в очередь…

В столице Аргентины, в элегантном офисе, как выражались в Америке, сидела пожилая, приятная дама. Пенсне в золотой оправе, вязание и ухоженная кошка сразу располагали к себе посетительниц. Аргентину лихорадил экономический кризис, по улицам шатались толпы безработной молодежи. Объявление в газетах сообщало, что «Международное Бюро Трудоустройства» готово подыскать образованным девушкам хорошие вакансии в новых государствах Африки:

– Секретари, переводчицы, учительницы для детей… – Доктор загибал пальцы, – певицы и танцовщицы… – успешным претенденткам оплачивали морской путь до Аккры и билеты до места будущей работы:

– Им даже обещают подъемные, – широко улыбнулся Доктор, – консул Ганы в Аргентине, по распоряжению Нкрумы, выдает визы за один день… – он взглянул на часы:

– После нашего делового завтрака я поеду в порт… – Шуман, в качестве представителя «Бюро по Трудоустройству», встречал корабль, на котором девушки добирались до Ганы:

– Мы откроем филиал и в Рио, – сказал он Адольфу, – Фауст живет в Бразилии, ему и карты в руки. Страна тоже не вылезает из нищеты, девчонки там красивые… – взгляд Адольфа задержался на одной из черно-белых фотографий. В Буэнос-Айресе конторой ведала вдова одного из членов братства СС, недавно скончавшегося на своей эстансии:

– Продав землю, она перебралась в столицу, ближе к сыну, – объяснил доктор, – у наших соискательниц женщина вызывает больше доверия… – он присел рядом с Адольфом:

– Здесь я отбираю у них паспорта, якобы для оформления разрешения на работу, а в остальном, – он усмехнулся, – после аукциона их судьбой займется Грешник… – аукцион устраивали закрытым. Девушки понятия не имели, что за ними будут наблюдать:

– Не аукцион, а деловое собрание, – расхохотался Доктор, – я выступлю перед ними, расскажу о правилах гигиены в тропиках, о местных болезнях… – пока аукцион обещал быть небольшим:

– Только для Ганы и близлежащих стран, – партайгеноссе Шуман открыл перед Адольфом золотой портсигар, – через неделю мы ожидаем гостей из Кот д» Ивуара, из Верхней Вольты, из Гвинеи… – Грешник должен был отвечать за транспортировку девушек к местам будущей работы:

– Он белый, однако он знает Африку, – подумал Шуман, – маски он вчера так и не снял… – Доктор приехал в пансион вместе с Боргезе, – но на завтраке, при президенте, он не посмеет сидеть с шапкой на голове… – Боргезе забирал Грешника из его пансиона:

– Если все пройдет удачно, – заметил Доктор Адольфу, – то мы организуем и второй канал для азиатского направления. Узкоглазые тоже обрели вкус к женщинам европейской внешности. Что касается этих… – он махнул в сторону альбома, – нам заплатят хорошие деньги, а остальное нас не волнует… – без паспортов, в неспокойных местах, девушки не посмели бы никуда бежать:

– В конце концов, их покупают обеспеченные люди, – усмехнулся Феникс еще в Швейцарии, – министры, высокопоставленные чиновник, – Шуман кивнул.

– Вожди племен, пересевшие с ослов на мерседесы. Но ты прав, жаловаться нашим подопечным будет не на что, – в альбоме фамилии девушек не упоминались, но на обитом бархатом диване лежал полный список группы, аккуратно отпечатанный дамой в Буэнос-Айресе.

– Всего десять человек, – Шуман передал бумагу Адольфу, – от девятнадцати до двадцати трех лет… – юноша хмыкнул:

– Судя по фамилиям, здесь есть еврейки, а судя по фото, полукровки с индейскими корнями. Я навещал Южную Америку, я в таком разбираюсь… – Шуман пожал плечами:

– Обезьянам все равно, но на ближайшую неделю мы выберем себе подходящих женщин… – он указал на альбом:

– У тебя право первой ночи, потом я и Боргезе. Мы все обставим красиво, девчонки ни о чем не догадаются. Я поведу их на ужин в хороший отель, где появитесь вы… – он подмигнул Адольфу, – дальнейшее дело техники… – девушек селили в приведенном в порядок бывшем частном особняке в Викторияборге:

– Пока в здании местная охрана, – заметил Доктор, – но потом вопросами безопасности займется Грешник. Он тоже, разумеется, получит бонус… – Шуман оскалил зубы в ухмылке, – вообще девчонкам нечего предъявлять претензии, они здесь будут как сыр в масле кататься. Нечего, да и, в общем, некому… – он поинтересовался:

– Выбрал ты кого-нибудь… – Адольф упер палец в деловое фото: «Да». Шуман сверился со списком:

– Она русская, – предупредил Доктор парня, – ее родители так испугались большевиков, что после их революции дотащились до самого Буэнос-Айреса. Они тогда еще были детьми, эта… – он произнес по складам, – Наташа, знает язык, но, разумеется, и ногой не ступала в СССР и вообще в Европу. Славянка… – он скривился, – ты уверен… – Адольф потянулся:

– Всего на неделю, партайгеноссе. И она единственная блондинка… – Шуман захлопнул альбом:

– Ты прав. Обезьяны за нее передерутся. Пошли… – он подхватил портфель крокодиловой кожи, – Берри делает отменные яйца бенедикт. Нкруму русские снабжают икрой. Выпьем шампанского за успех нашего предприятия… – заперев дверь коттеджа, Шуман потрепал уши большой овчарки, поднявшейся с гранитных плит террасы:

– Я сам вышколил свору, – гордо сказал он, – особняк, куда мы селим девушек, тоже будет под их охраной. Овчарки ваших кровей, с псарни на вилле… – Феникс нашел потомков собак, служивших в концлагерях:

– Твой покойный дядя Отто отлично управлялся с псами… – сказал Доктор Адольфу, – я до сих пор помню его доберманов в Дахау…

Овчарка затрусила за ними по усыпанной мраморной крошкой тропинке, ведущей к парадному входу виллы президента.

Адольф не отводил глаз от больших, поросших светлыми волосками, рук Грешника.

Бандит, как его приватно назвал партайгеноссе Шуман, явился на завтрак к президенту Нкруме в затрепанном хаки, не сняв с головы черной шерстяной шапки с прорезями для глаз и рта.

Нкрума, не поведя бровью, усадил Грешника на почетное место справа от себя.

Шуман и Боргезе обменялись быстрыми взглядами. Встретив машину Черного Князя у парадного входа, Шуман недовольно сказал Грешнику:

– Вчера мы терпели ваше… – он прищелкнул пальцами, – стремление к детским играм, но сейчас речь идет о встрече с государственным деятелем, главой независимой страны… – Грешник независимо засунул руки в карманы куртки:

– Не вы мне нужны, а я вам… – он явственно фыркнул, – значит и вы, и господин президент подчинитесь моим правилам… – Адольф разбирал русские буквы:

– В, – подумал подросток, – Власов, что ли? Он может быть бойцом армии Власова. После трагедии рейха… – дядя Максимилиан отказывался говорить о поражении Германии в войне, – после трагедии многие из них остались в Европе. Они завербовались в Иностранный Легион или стали наемниками… – некоторые бывшие власовцы служили и в охране дяди:

– Моя мать была замужем за одним их них, – вспомнил Адольф, – разумеется, номинально. Для славянина огромная честь даже приблизиться к арийцам. Они всегда будут слу-

жить нам, это естественный порядок вещей… – славянское происхождение выбранной им девушки Адольфа не волновало:

– Это всего лишь на неделю… – напомнил себе юноша, – она меня старше… – девушке было двадцать два года, – но возраст тоже не имеет значения. Я в себе не сомневаюсь… – он победно улыбнулся. Буква В могла быть и первой буквой настоящего имени Грешника:

– Однако по-английски он говорит без акцента, – прислушался Адольф, – а немецкий у него вообще безукоризненный… – с Шуманом и Черным Князем незнакомец объяснялся именно по-немецки. На ступенях портика Шуман предупредил Грешника:

– Его превосходительство президент считает, что наша инициатива действительно связана с трудоустройством… – Доктор тонко улыбнулся, – не думаю, что ему интересны подробности дела… – Грешник глухо рассмеялся:

– За спиной покровителя вы занимаетесь сутенерством… – он отвел рукой протянутый портсигар Доктора, – благодарю, я предпочитаю свои сигареты, то есть табак… – Грешник курил вонючие самокрутки самого дешевого пошиба:

– Я ничем не отличаюсь от бойцов моего отряда, – хмуро сказал он, – я делю с ними палатки и пищу. Я белый… – он повертел перед носом Доктора натруженными руками, – однако я считаю, что нет никакой разницы между белыми и черными… – они не могли обратиться к вожаку черной банды:

– Обезьяна украдет девушек и перепродаст их дальше, – вздохнул Шуман, – а белому человеку можно доверять, пусть и с оглядкой… – услышав требование Шумана и Боргезе разоружиться перед встречей с президентом, Грешник отозвался:

– Я не брал пистолет, – он распахнул полы куртки, – здесь он мне ни к чему… – по настороженным глазам Шумана Адольф понял, что бандит вызывает у него сомнения:

– Если он русский, – подумал Адольф, – он мог соврать насчет оружия. Славяне ленивые лгуны, их надо держать в узде арийской силы и воли… – дядя Максимилиан по тайным каналам скупал у букинистов сохранившиеся издания трудов доктора Геббельса, экземпляры «Сигнала» и партийных журналов, брошюры общества «Лебенсборн». Адольф проводил выходные дни за чтением статей покойного дяди Отто о величии арийской расы:

– Фредерика станет мне достойной подругой, – думал подросток, – она отринет жидовский кагал, вернется к своей нации, в мои объятья… – поступив в университет, Адольф намеревался поехать в Палестину. Дядя не употреблял еврейского названия государства:

– Жидам недолго осталось пользоваться ворованной у палестинцев землей, – уверенно говорил Феникс, – наши друзья под предводительством Абу Аммара, с нашей помощью вернутся на свою родину… – для бывшего власовца Грешник на редкость ловко управлялся со столовыми приборами:

– У него военная осанка, – понял Адольф, – и вообще, он ведет себя так, словно это его не первый прием в компании президента… – манеры здорового мужика в цветастой рубашке оказались самыми изысканными. За кофе партайгеноссе Шуман откашлялся:

– Господин Грешник… – к бандиту обращались уважительно, – я считаю, что в узком кругу друзей… – Адольфа и Боргезе представили посланниками европейского главы предприятия, как выражался Шуман, – вы можете открыть лицо… – Грешник невозмутимо отпил эспрессо:

– Кофе не хуже, чем в Риме, – Черному Князю показалось, что серые глаза бандита пристально смотрят на него, – я могу оценить работу повара, ваше превосходительство… – он слегка поклонился президенту, – у вас трудится мастер своего дела… – Шуман резко повторил:

– Мы должны знать, что вы за человек… – Грешник пожал широкими плечами:

– Человек. Создание Божье, как и все мы. Раса и цвет кожи не имеют значения… – посеребренная чашка казалась наперстком в его грубых пальцах, – вы знаете, что я белый, а остальное пусть вас не заботит… – Шуман со звоном опустил ложку на блюдце:

– Боюсь, что иначе мы не можем… – президент Нкрума, промокнув губы салфеткой, поднялся:

– Можем. Придется вам мирится с требованиями нашего гостя, господин Шуман, господин Боргезе… – он помолчал, – я уважаю ваш выбор, господин Грешник. Пойдемте… – он повел рукой в сторону распахнутых слугами дверей, – я угощу вас лучшими кубинскими сигарами… – Доктор раздраженно бросил на стол смятую салфетку:

– Проклятая обезьяна, – сказал он одними губами, – но приходится плясать под его дудку… – партайгеноссе Шуман встал: «Покурим и мы, господа, а потом мне надо ехать в порт».

Грешнику в этот день пришлось позавтракать дважды.

Электрическая плитка стояла на террасе по соседству с аккуратно задернутой холщовой занавеской койкой Иосифа. Домик был маленьким. Внутри, кроме комнаты, где обретался Механик, ребята устроили кладовую для банок с краской, канистр машинного масла и запчастей:

– Когда в гараже стоит автомобиль, мы вдвоем еле поворачиваемся, – объяснил месье Этьен, – приобретать бизнес, как говорят американцы, с большим размахом, было бы подозрительно. Кухня у нас летняя, впрочем, мы в стране вечного лета… – Виллем принял жестяную миску с дымящейся кашей из маниоки и кусками жареной рыбы:

– Шампанского с икрой у нас не жди… – Механик прислонился к перилам террасы, – значит, в порт ты за ним не поехал… – Иосиф хмыкнул:

– И правильно сделал. Наверняка, за тобой пустили слежку… – Виллем пробормотал:

– В лагере мы готовим на костре. Слежку бы я заметил, – Грешник вздохнул, – и вообще, они бы на такое не осмелились. Они меня боятся. Нкрума предлагал мне перейти в его личную охрану… – юноша издевательски улыбнулся, – но я ответил, что не сотрудничаю с государственными структурами… – Механик не стал делиться с Иосифом своими подозрениями:

– Бывший Виллем де ла Марк не просто так превратился в Грешника, – понял он, – у него в Конго что-то случилось. Понятно, что он ничего не расскажет, это дело прошлое. Сейчас надо думать, что нам предпринять… – до визита Грешника он успел заглянуть на почтамт. Августина, неожиданно, ждало два письма:

– Это семейное, они шлют весточки через Набережную, – Механик повертел конверты, – а второе, кажется, пришло в обход мадам М… – на конверте стоял лондонский штемпель, адрес отпечатали на машинке. Механику показалось, что бумага пахнет духами:

– Флоранс мне такие конверты передавала, – он старался не вспоминать о покойной жене, – и Нина в Мюнхене всегда покупала с рук дешевые духи… – в рейхе неодобрительно относились к косметике. Девушки, работницы с востока, все равно ухитрялись достать и пудру, и помаду:

– Один патрон помады на общежитие, – подумал Механик, – они все красили губы в одинаковый цвет. Я тогда был немногим старше Августина, мне, как и Нине, едва исполнилось двадцать лет… – он сунул конверт в карман:

– Ладно, надо подождать, пока Августин до нас доберется… – поставив чашку кофе на перила, он закурил:

– Мы государственная структура, – Механик поднял бровь, – можно сказать, мы три государственные структуры, а ты сидишь и уплетаешь нашу маниоку… – Виллем отмахнулся:

– Вы семья, то есть почти. Я вам доверяю. Но месье Этьен, Жозеф… – он поднял серые глаза, – надо что-то сделать, предупредить девушек… – Иосиф хмыкнул:

– Они тебе не поверят, мой дорогой. Они приехали сюда легально, с визами, их ждут будущие работодатели. Остальное… – он повел рукой, – дело личное. Мы не можем влезать в предприятие господина Шумана, то есть Ритберга фон Теттау, ставить под удар наше поло-

жение… – Механик поскреб чисто выбритый с утра подбородок. Формально его помощник был прав.

По словам Виллема, кроме Черного Князя, Боргезе, в страну прилетел и наследник господина Ритберга фон Теттау:

– Его представили только Адольфом, – угрюмо сказал парень, – но моя кузина, Маргарита, его описывала. Это точно он… – Грешник дернул головой на север, – Шуман и Боргезе смотрят ему в рот… – Механик кивнул:

– Его племянник. Парень подросток, но, судя по всему, его готовят к большим делам… – Виллем мрачно жевал маниоку:

– Не понимаю, почему вы… – он упер палец в Иосифа, – то есть твоя структура, не появитесь на вилле господина Ритберга и не привезете его в Израиль для открытого суда, как вы сделали с Эйхманом? Над мерзавцем висит смертный приговор из Нюрнберга, а он пьет шампанское и разъезжает по миру на частном самолете… – Иосиф буркнул:

– Над Барбье висит два смертных приговора, а он сидит в южноамериканских джунглях на содержании от ЦРУ. Американцы больше боятся Че Гевары, чем беглых нацистов. Половина Африки получает деньги от СССР. Америке хватило Кубы. Скоро советские ракеты появятся в ста километрах от Флориды. В таких обстоятельствах они наняли бы и Гиммлера, если бы он выжил… – чилийцы наотрез отказывались экстрадировать Рауффа:

– Коротышка правильно сказал, наши запросы они отправляют в мусорную корзину. Сеньор Гутьеррес уважаемый человек, владелец консервного завода, оплот католической церкви. Ничего, я обещал Еве, что он сдохнет, так и случится. Шумана с Черным Князем мы тоже призовем к ответу… – Механик свернул для Грешника самокрутку:

– Милый мой, на вилле господина Ритберга, где бы она ни находилась, могут появиться хоть все государственные структуры, вместе взятые. Какие обвинения мы ему предъявим… – Механик пожал плечами, – он нисколько не похож на свои фото военных лет. Он рассмеется нам в лицо и позвонит своим адвокатам. Если говорить о неофициальной операции… – он почесал голову, – то я уверен, что его вилла охраняется лучше Белого Дома… – месье Этьен добавил:

– Что касается сутенерских делишек этой компании… – он помолчал, – то я согласен с Жозефом. Если мы вмешаемся, может полететь в тартарары наша нынешняя операция. Мы обеспечиваем связь для важного агента и не можем рисковать арестом… – Виллем вытер миску куском лепешки:

– Я понимаю, месье Этьен, но разрешите мне этим заняться… – Виллем не мог позволить себе стоять в стороне:

– Пусть девушки мне не поверят, но я должен их предупредить, – сказал себе Грешник, – не сейчас, а когда я буду их сопровождать. Сейчас было бы удобнее, из Аккры легче выбраться. Но Шуман заберет у них паспорта, якобы для оформления нужных разрешений. Надо заставить его вернуть бумаги… – Виллем чувствовал ответственность за девушек:

– Папа бы тоже так поступил, – сказал себе он, – на их месте могла оказаться Маргарита или покойная Клэр… – ему еще было больно думать о девушке. Он мог завести деревенскую подружку, как делали многие бойцы в отряде, но Виллем давно дал зарок дождаться любви:

– Пусть не такой, какая случилась у меня и Клэр, но я не хочу размениваться по мелочам. Я плохой католик… – Виллем не ходил на исповедь, – но я верующий человек. Я обязан выполнить свой долг, помочь девушкам… – Механик поставил на плиту кувшинчик с кофе:

– Запретить я тебе ничего не могу… – он усмехнулся, – ты вольный стрелок, как выражаются в наших кругах. Забирай форд… – машина торчала посреди двора, – поезжай по делам, но будь осторожен… – ворота скрипнули, до них донесся юношеский голос:

– Месье Этьен, добрый день. Я решил заглянуть к вам по дороге с рынка, поздороваться… – парнишка в джинсах и легкой рубашке тащил авоськи с овощами, – как ваши дела… – Иосиф неслышно шепнул Виллему:

– Это, кажется, Августин. Я его еще не встречал… – парень выглядел учеником старших классов:

– Он что, работает с беглыми нацистами… – удивленно спросил Виллем, – он вроде еще не бреется… – месье Этьен отозвался:

– Ты вовремя. Поднимайся к нам, я варю кофе… – кинув авоськи на ступеньки, юноша засучил рукава:

– Месье Этьен, позвольте мне. Это ваш помощник, да… – Механик отозвался: «Жозеф». Юноша деловито велел:

– Жозеф, достаньте из сумки пальмовый сахар и пряности, а вы… – он окинул взглядом Виллема, – помойте посуду. Я сделаю фрукты в карамели… – он застучал ножом по деревянной доске, – это очень быстрый десерт… – Виллем собрал грязные миски:

– Возраст возрастом, но видно, что он привык распоряжаться… – удерживая посуду, Грешник отправился на улицу, к чугунной колонке.

Не желая обременять горничных, Сэм справлялся с уборкой своей комнатушки сам.

В швейцарском колледже даже будущих поваров обучали устройству номерной службы в роскошных отелях:

– На кухне есть свой персонал, – говорил им наставник, – горничные занимаются только обслуживанием постояльцев, но вы должны знать, как работает весь механизм… – он поднимал палец, – от котельной до крыши, от бассейна до казино…

Бывший генерал-губернатор Ганы не увлекался игрой в рулетку, но бассейн на территории устроили. Стоя босиком, в подвернутых штанах, на ступеньках служебного коттеджа, Сэм вгляделся в отсветы факелов:

– У них приватная вечеринка, – зло подумал он, – Нкрума понятия не имеет, что творится за его спиной… – после разговора в гараже месье Этьена Сэм не удивился короткому распоряжению от Доктора. Утром Шуман пощелкал пальцами:

– Берри, сегодня мы устраиваем небольшой прием у бассейна. Его Превосходительство посещает провинцию… – Нкрума с семьей отправился на север страны, – придет шесть человек, из них три дамы… – Доктор улыбался, – позаботьтесь о закусках и десертах… – о каше из маниоки речь, конечно, не шла. На кухне генерал-губернатора имелась даже американская машинка для мороженого:

– Тропические фрукты с ванильным сорбетом, – Сэм стер пот со лба, – ананасовый мусс, запеченные бананы с медом… – судя по взвившемуся в шатре пламени, Доктор облил бананы ромом:

– Крем-карамель, кофе и французские сыры… – подытожил Сэм, – понятно, кого они сюда привезли… – Сэм не имел права вмешиваться в развлечения Шумана и его дружков:

– Верно сказал месье Этьен, мне надо только держать глаза и уши открытыми… – юноша вздохнул, – но Грешник тоже прав, нельзя позволять им торговать бедными девушками. Ладно, он человек с опытом, он постарается помочь…

Полученное третьего дня письмо жгло карман его рабочих брюк. Обычно Сэм избавлялся от семейных конвертов по дороге на президентскую виллу. Ему было жаль рвать на клочки бумагу со знакомым вензелем «Золотого ворона», с крупным почерком отца, с аккуратной, французской скорописью мамы, с неряшливыми строчками деда. Старый Берри покинул школу в двенадцать лет:

– Сейчас у всех дипломы, – усмехался дед, – а я отправился на кухню десятилетним парнем, когда наступил нынешний век. Тогда еще царствовала королева Виктория, папаша меня возил на ее похороны в Лондон… – Сэм впервые понял, что его дедушке за семьдесят лет:

– Он дождался полета человека в космос… – юноша улыбнулся, – он обещал, что дождется и моего возвращения домой… – дед покуривал трубку на скамейке у пристройки, где размещался авиационный музей. Ветер с моря носил по двору лепестки яблоневого цвета. Старый Берри щурил глаза под весенним солнцем:

– Поезжай, милый, – ласково сказал дед, – я тебя здесь встречу… – он повел рукой в сторону золоченой вывески отеля, – я не умру, не увидев правнуков… – Сэм покраснел. Старик добавил:

– Ерунда это, насчет сверчка и шестка. Я молодым на твоей бабушке женился, до первой войны, однако когда я был в твоих годах, в нашей гостинице часто жили милорды, с женами, с дочерями… – дед говорил с уютным западным акцентом, – юные леди на меня тоже смотрели, а бывало, и не только смотрели… – старый Берри подмигнул внуку, – тем более, сейчас другое время… – Сэм присел на скамейку:

– Ты только папе не говори, – юноша помолчал, – он не верит, что мы поженимся, а мы с Луизой друг другу дали слово, на Рождество… – дед хмыкнул:

– Слово Берри вещь крепкая. Езжай, – повторил он, – как вернешься, кольцо ей подаришь и свадьбу сыграем… – Сэм вздохнул:

– Но мистер Бромли, дедушка? Вряд ли он обрадуется… – дед посчитал на пальцах:

– Мистер Бромли меня на пять лет старше… – старый Берри выпятил губу, – хотя, зная его, он тоже не умрет, пока не поведет Луизу под венец. Все устроится, милый… – пообещал дед. Открыв отпечатанный на машинке изящный конверт, Сэм сначала не поверил своим глазам:

– Милый, все благодаря Маленькому Джону… – читал он твердый почерк Луизы, – он выяснил обиняком адрес твоего почтового ящика… – Сэм пообещал себе взять наследного герцога в шаферы, – но велел мне не посылать много писем, иначе это вызовет подозрения у того, кто их забирает… – Сэм не сомневался, что месье Этьена не волнует его переписка:

– Хотя Луиза права, надо соблюдать осторожность… – она писала о Квинс-Колледже:

– Здесь остались только я и Полина. С мальчиками тети Марты все хорошо. Маленький Джон поступил в Сандхерст, Максим едет в Кембридж, юный Ворон теперь кадет. Он выбил себе разрешение отправиться осенью в Америку, на целый месяц…

Наотрез отказавшись возвращаться в школу Вестминстер, следуя примеру Маленького Джона, баронет перевелся в колледж Уэльбек, где учеников готовили к военной карьере:

– В Америку везут парней из старшего класса, но, услышав, что группа посетит центр НАСА в Хьюстоне, Ворон дошел чуть ли не до ее величества и добился своего… – от сиреневой бумаги пахло знакомыми Сэму духами:

– Сирень, – юноша прижал бумагу к щеке, – у них в загородном доме целые заросли сирени. Я всегда именно ее приносил Луизе. У нее будет такой свадебный букет… – из конверта на ладонь Сэма выпали засушенные цветы:

– У тебя рядом, наверное, нет ничего, что напоминало бы о доме… – ее перо замедлилось, – цветы из вашего сада в Плимуте. Твой дедушка разрешил мне сорвать розы…

В цветах ничего подозрительного не было. Сэм вклеил розы в поварской ежедневник, где он собирал рецепты:

– Но письмо Луизы нельзя держать при себе… – он мог повторить письмо наизусть:

– Милый мой, я тебя люблю и буду ждать… – он услышал вздох девушки, – пожалуйста, будь осторожен. Маленький Джон не знает, где ты, у тети Марты бесполезно что-то спрашивать, а твой дедушка только разводит руками… – семья понятия не имела, где сейчас обретается Сэм:

– Люблю и буду ждать… – он щелкнул зажигалкой, – мы никогда не расстанемся, Луиза… – бумага в пепельнице занялась ярким огнем.

Сэм услышал стук женских каблуков на дорожке, ведущей от бассейна к вилле. Уверенный голос сказал по-французски:

– Разумеется, я читал «Войну и Мир», мадемуазель Натали. Любой образованный человек должен быть знаком с романом. Значит, вас назвали в честь Наташи Ростовой… – Адольф добавил:

– Мы можем говорить по-испански, я давно изучаю язык. У моего дяди есть деловые интересы в Южной Америке… – испанского Сэм не знал:

– Теперь и не разобрать, о чем они болтают… – письмо Луизы рассыпалось серым пеплом, – но вряд ли проклятый нацистский позер скажет ей что-то важное…

Вылив грязную воду из ведра, Сэм вернулся в дом.

Деловой, как выразился фотограф, портрет, Наташа принесла в агентство, следуя совету бывшей товарки по университету:

– Поверь моему опыту, – наставительно сказала Кармен, – только фотография помогла мне найти работу, пусть и за пишущей машинкой… – подружка скривила намазанные помадой губы. Девушки сидели в дешевом кафе неподалеку от дома Наташи, облезлого многоквартирного особняка, торчавшего по соседству с золочеными куполами Троицкого собора, православной церкви, где в сороковом году крестили девушку:

– Пусть и секретарскую, – упрямо повторила Кармен, – учительских вакансий днем с огнем не найдешь, а я работаю и даже ухитряюсь откладывать деньги… – подруга сидела в приемной дорогого адвоката:

– Моя внешность помогла… – девушка откинула назад вороные волосы, – из всех претенденток патрон выбрал именно меня. Интервью стало формальностью. У него достойные клиенты, – Кармен сморщила нос, – а не шваль, что болтается по улицам, спуская пособие по безработице на выпивку. Может быть, я встречу богача, выйду замуж… – Наташа скептически отозвалась:

– Все приличные мужчины женаты, а парни нашего возраста себя не могут содержать, не то, что семью… – Кармен склонила голову набок:

– Ты можешь вернуться в СССР, – хмыкнула подруга, – у них, судя по газетам, нет безработицы… – Наташа забрала у нее сигарету:

– Во-первых, не вернуться, я там никогда в жизни не была… – родители девушки попали в Аргентину детьми, – а во-вторых, хотя во время войны мы и поддерживали СССР, но то время прошло… – Наташа добавила:

– Русский язык ни здесь, ни в Америке никому не нужен… – до Америки, в любом случае, надо было еще добраться, – «Международное Бюро» приличная контора и у них есть должности преподавателей. Африка… – она помолчала, – и в Африке люди живут. Там хотя бы нет такой зимы…

Июль в Аргентине выдался пронизывающе холодным. Наташа ютилась в одной комнатушке стылой квартиры, заперев оставшиеся две, навалив на диван все теплые вещи. После смерти родителей, едва поступив в университет, она вынуждена была бегать по частным урокам и заниматься переводами:

– За обучение я не платила, но мне надо было как-то жить… – она залпом допила кофе, – Кармен права, лучше потратиться один раз, но получить хорошую работу… – строгий костюм Наташа купила в лавке подержанного товара. Приятная пожилая дама в конторе «Международного Бюро Трудоустройства» с одобрением взглянула на черно-белые фото:

– Отлично, сеньорита Мирон… – она уложила снимки в папку, – думаю, нам не составит труда подыскать место учительницы… – девушки встречались и с сеньором Гутьерресом, хозяином предприятия. Патрон владел эстансией в Патагонии, но часто прилетал в столицу:

– Будущие работодатели оплатят вам проезд в Африку, организуют транспортировку к местам работы… – он погладил холеную, с проседью бородку, – в Аккре вас встретит наш представитель, сеньор Шуман… – все именно так и случилось:

– Был очень большой конкурс, – подумала Наташа, – «Бюро» отобрало всего десять девушек… – ей обещали место преподавательницы у детей высокопоставленного чиновника:

– Может быть, самого президента, – со значением сказал сеньор Шуман на приветственном ужине в хорошем отеле, – с обретением независимости здешние государства почти лишились белого населения. Жаль, – он пожал плечами, – уехавшие, откровенно говоря, не поняли своей выгоды. Здесь требуются квалифицированные кадры… – он налил Наташе шампанского, – ваш русский язык тоже пригодится, сеньора Мирон… – по-французски сеньор Шуман говорил с заметным акцентом, – Африка собирается дружить с Советским Союзом… – в аргентинском паспорте стояла сокращенная фамилия Наташи:

– Мой дедушка стал из Миронова Мироном, – объяснила она Шуману, – испанцам так привычней. Называйте меня Татой, Наталия я только в бумагах…

Сеньор Адольфо, приятель сеньора Шумана, тоже быстро стал обращаться к ней по имени. Теплый ветер развевал подол шелкового платья девушки. Сеньор Адольфо предупредительно щелкнул зажигалкой перед ее сигаретой:

– Если бы я был вашим женихом, – смешливо сказал молодой человек, – я бы никогда в жизни не отпустил вас в Африку, сеньорита, – Тата покраснела.

– У меня нет жениха, сеньор Адольфо. Для замужества требуется приданое, а у меня есть только квартирка родителей, с протекающей крышей. Мои дедушка и бабушка бежали из России без гроша в кармане. Они жили в Екатеринодаре, дедушка преподавал языки в гимназии. Мой папа тоже учительствовал в русских классах при нашей церкви в Буэнос-Айресе. Учителя никогда не бывают обеспеченными людьми, – Тата решила, что сеньору Адольфо лет двадцать:

– По нему видно, что он из богатой семьи, он привык к роскоши… – на вечеринке подавали французское шампанское, – наверное, он наследник какого-то бизнеса… – с юношей и его старшим приятелем, сеньором Валерио, девушки познакомились на ужине в отеле:

– Потом нас привезли сюда, – Тата огляделась, – сеньор Шуман объяснил, что это резиденция главы государства… – влажный вихрь с Гвинейского залива затрещал листьями пальм, вдалеке залаяла собака:

– Она говорила, что она православная, – холодно подумал Адольф, – жениха у нее нет. Она, скорее всего, девственница, в Аргентине и сейчас строго к такому относятся. Она поняла, что я не испанец, не из Южной Америки, но я и сам сказал, что живу в Европе… – Адольф искусно избегал упоминаний о Швейцарии:

– Просто из соображений безопасности. На завтраке с бандитом, Грешником я держал рот закрытым… – при девчонках они тоже не болтали. Тата неуверенно сказала:

– Кажется, шатер опустел. Наверное, остальные пошли прогуляться… – Адольф мимолетно коснулся ее руки:

– Я покажу вам парк, Тата. Пойдемте, – он свистнул в темноту, – это безопасное место, резиденция строго охраняется.

Большая овчарка, неслышно ступив на дорожку, блеснула глазами. Тата поняла:

– У него тоже такой взгляд, – девушке внезапно стало страшно, – словно он не человек. – Он, кажется, даже не моргает, – сеньор Адольф уверенно подхватил ее под руку:

– Позвольте мне стать вашим гидом, Тата.

Каблуки девушки утонули в траве газона, Адольф повел ее под арку в живой изгороди:

– Здесь есть настоящий лабиринт, – горячее дыхание щекотало ей щеку, – посмотрим, сумеем ли мы найти выход…

Овчарка, заворчав, улеглась у входа в переплетение высоких, аккуратно подстриженных кустов.

Механик усадил за передатчик Фельдшера. Парню, по его мнению, требовалась практика:

– Чем больше ты будешь заниматься связью, – довольно сварливо сказал месье Этьен, – тем меньше сделаешь ошибок в передачах. Ты врач, а не радист, – он потрепал помощника по плечу, – но сейчас нужны твои технические навыки…

Днем в гараже появился невысокий мальчонка, в рваных шортах и застиранной майке с надписью «Coca-Cola». Почесывая одной босой ногой другую, он широко улыбнулся:

– Виктория обижается, что ты ее совсем забыл, Жозеф, – развязно сказал паренек, – а вообще вам передали записку, мистер Этьен… – мальчик держал за руль ухоженный велосипед. Разорвав конверт, Механик поинтересовался:

– Не жалуешься теперь на цепь, Джеймс… – рыночная детвора бегала в гараж, зная, что мистер Этьен никогда не откажет им в мелком ремонте. Младший брат Виктории мыл полы и убирал номера в близлежащем пансионе:

– Спасибо, – паренек блеснул белыми зубами, – машина старая, но теперь бегает отменно… – записка, как и ожидал Механик, оказалась руки Грешника. Виллем писал на французском языке:

– Правильно, – хмыкнул месье Этьен, – в случае излишнего любопытства кого-нибудь, так безопасней. Здесь бывшая британская колония, все говорят по-английски… – Грешник по собственной инициативе проверил здешнюю летную школу, которой заведовала бывшая героиня рейха, фрау Ганна Рейч:

– Поле почти не охраняется, – Механик почесал немного поседевшую голову, – Жозеф, то есть Иосиф, за штурвалом не сидит, но я справлюсь с легкой машиной… – он напомнил себе, что проверку Грешник устроил больше для порядка. Стоя у ворот гаража, под единственным тусклым фонарем, Механик затягивался полуночной сигаретой:

– Никто не собирается отсюда бежать, – он устало привалился к ограде, – Августин вне подозрений, как и мы с Жозефом. Мы сообщим в Лондон о визите мерзавцев, Боргезе и Адольфа. Может быть, Британии по дипломатическим каналам удастся нажать на Нкруму, и он выгонит отсюда бывших нацистов во главе с Шуманом… – Механик понимал, что на такое развитие событий надежды мало. Президент Ганы заигрывал с русскими, получая от них финансовую и техническую помощь:

– Британцы ему не указ, он проповедует пан-африканизм, как он это называет, – Механик выбросил окурок, – особый путь для черного континента… – Марсель настороженно относился к особым путям:

– Мао тоже им отправился, – вздохнул месье Ламбер, – Китаю не миновать, если не гражданской войны, то чисток, как случилось в СССР… – подумав о России, он вспомнил жаркую ночь в Мюнхене:

– Мы с Ниной сидели на скамейке у барака, держались за руки… – из освещенных окон доносилось лихое пение скрипки, – тем вечером отмечали еврейскую свадьбу… – мужчины и женщины, выжившие в лагерях уничтожения, вставали под хупу, едва познакомившись, – а я рассказывал Нине о нашей квартире на рю Жавель…

Навещая Париж, Механик спал на продавленном диване времен Третьей Империи, в заставленной всяким хламом гостиной:

– Папа с мамой дождались моего возвращения из Германии, но быстро умерли, – он потер лицо руками, – с тех пор я не открывал оставшиеся комнаты… – завтракал Марсель в булочной на углу:

– Я хотел привести квартиру в порядок для Флоранс и Нины… – пошарив по карманам, он зажег еще сигарету, – но Флоранс убили. Надо все-таки сделать ремонт, апартаменты достанутся девочке… – он понятия не имел, что случилось с ребенком, которого ждала Нина в Мюнхене:

– Я не знаю, жив он, или нет, не знаю, мальчик это, или девочка. Но Нина должна была сказать ему или ей, как меня зовут. Она помнила мой парижский адрес… – его сыну или дочке сейчас могло исполниться семнадцать:

– Виктор или Виктория… – Механик поморгал, – мадам М говорила, что Нина все время обо мне рассказывала. Мы еще в Мюнхене решили назвать ребенка именно так… – Марсель не ожидал, что его сын или дочь появятся в Париже:

– Советский Союз отправил Нину в тюрьму только потому, что она работала в рейхе… – он сдержал ругательство, – если она умерла родами, то малыша послали в детдом, дали ему другую фамилию. Где его теперь искать… – Механик завидовал Августину:

– Парень хотя бы получает письма из дома. Кажется, даже девушка ему весточку прислала, а нам с Жозефом такими посланиями рисковать нельзя… – они не могли брать на задание и семейные фотографии. Механик и так помнил свою девочку:

– У тети ей хорошо, – ласково подумал он, – дом стоит на реке, у них есть лодка, фруктовый сад, курятник… – весной Нина водила его посмотреть на курочек, как ласково лепетала девочка:

– Папа, держи, – она деловито хваталась за решето с кормом, – куры будут спать, и я тоже, но только с тобой… – Нина засыпала у него на коленях, свернувшись клубочком:

– Котик, – Марсель поймал себя на улыбке, – она говорила, что так спит котик… – опомнившись, он взглянул на часы:

– Двадцать минут прошло, надо заканчивать сеанс. Не стоит долго сидеть в эфире… – в липкой темноте тропической ночи блеснуло что-то белое. Марсель услышал тяжелое дыхание. В свете фонаря порванное платье казалось измазанным темными потеками:

– Но у нее не следы грязи, а кровь на подоле… – он шагнул вперед, – что это за девушка? Она похожа на Нину… – светлые волосы растрепались, она прихрамывала. Ноги запачкала пыль, на стройном колене запеклась большая ссадина:

– Мне нужен, мне нужен… – она кусала губы, – нужен месье Этьен… – девушка согнулась, словно от боли, – меня послал месье повар, с президентской виллы… – синие глаза набухли слезами, на щеке виднелся синяк, – мне надо спрятаться, меня будут искать… – Механик, не спрашивая разрешения, бесцеремонно втолкнул ее в ворота:

– Не надо, чтобы вы болтались на дороге, – тихо сказал он, – отправляйтесь в дом, но не включайте свет. Не бойтесь, мы обо всем позаботимся… – она уцепилась за его руку:

– Меня зовут Тата, я приехала из Аргентины. Мы были на вечеринке с месье Шуманом и другими, а потом… – Марсель прервал ее:

– Что было потом, потом и расскажете. Моя комната сразу за террасой. Сидите тихо, мы скоро придем… – босые ноги девушки простучали по ступеням. Механик нырнул в неприметную дверь, ведущую в подвал.

Позвонив по внутреннему телефону на кухню, Шуман распорядился принести завтрак в коттедж Адольфа:

– Персонал садится за стол позднее, – сказал он Берри, – ваши помощники справятся с едой для слуг… – положив трубку, он повернулся к парню:

– Я хочу с ним поговорить. Две другие девчонки ничего не заметили… – глубокой ночью Боргезе отвез девушек в снятый особняк, – впрочем, у них не было времени замечать, а охрана клянется, что парадные ворота оставались закрытыми… – на щеках Адольфа краснели свежие царапины. Шуман забинтовал почти прокушенную руку парня:

– Она побежала в сторону заднего двора, – хмуро сказал Адольф, – овчарка за ней погналась, но, кажется, не остановила… – Доктор пыхнул сигаретой:

– С одной стороны, хорошо, что не остановила… – Шуман не сомневался в способностях своры, – иначе мы бы сейчас имели дело с трупом, но с другой… – он прошелся по комнате, – девицу надо найти, нельзя рисковать ее болтовней… – полулежа в кресле, Адольф поморщился:

– В особняк она не вернется… – парень тоже закурил, – ее паспорт лежит в вашем сейфе, у нее при себе только дамская сумочка. Непонятно, куда ей деваться. Впрочем, она может пойти в здешнее посольство русских… – Доктор покачал головой:

– Вряд ли, она из эмигрантской семьи. К аргентинцам она тоже не отправится, не имея при себе паспорта… – Адольф вытянул ноги:

– Девица ненормальная, – зло сказал юноша, – другая на ее месте заткнулась и подчинилась бы, особенно после того, как я ее поучил кулаками, а сучка сопротивлялась, кинулась на меня, как фурия… – Шуман смотрел вдаль:

– Другая да, наверное, – задумчиво сказал Доктор, – у нас в Аушвице бывали разные случаи… – он оборвал себя:

– Неважно. Я всегда говорил, что славянки опасны и непредсказуемы. Я был против того, чтобы держать их в лагерных борделях, но немок или француженок не хватало… – Адольф мстительно отозвался:

– Во время войны я бы лично затравил собаками мерзавку. Или мы бы стерилизовали ее и отправили обслуживать уголовников. Или и то, и другое… – парень раздул ноздри, – но сейчас надо ее отыскать и навсегда заткнуть ей рот… – Шуман успел связаться с главой местной службы безопасности:

– Я объяснил, что она может быть шпионкой русских, – Доктор присел рядом с Адольфом, – Нкрума заигрывает с СССР, но не потерпит их тайного присутствия в стране. Обезьяны сейчас будут носом землю рыть, чтобы ее найти. Я отправил Черного Князя к ним на помощь, Боргезе будет их подгонять. Они ленивые твари, привыкли лежать под пальмами на солнышке… – парень ткнул сигаретой в пепельницу чеканного серебра:

– Или карабкаться по пальмам, они недалеко ушли от шимпанзе. Очень правильно, – Адольф оскалил крупные зубы, – надеюсь, что ее отправят в тюрьму и она сдохнет, валяясь под всеми здешними неграми, вместе и поодиночке. Но хорошо, что так случилось… – он взглянул на Шумана, – лучше, как говорится, прополоть дурную траву сейчас, чем потом иметь дело с обиженным клиентом…

Берри, как и обещал, появился через четверть часа, в компании тележки для завтрака. На стальной плате стояли серебряные миски с омлетом и овсянкой, в сковороде шипели бекон и сосиски:

– Хлеб свежий, – сообщил повар, – только что из печи… – желтое масло пахло сливками, он взялся за кофейник:

– Круассаны с миндалем, – Берри ловко накрывал на стол, – фруктовый салат, господин Шуман, господин Адольф… – повар и глазом не моргнул, увидев расцарапанное лицо парня. Шуман повертел накрахмаленную салфетку:

– Вы когда сегодня встали, господин Берри… – повар, с невозмутимым спокойствием, отозвался:

– В четыре, как обычно… – на часах была половина седьмого, – я каждый день поднимаюсь в это время, кроме выходных… – Доктор потыкал вилкой сосиску: «А легли?». Берри выпрямился:

– В десять вечера, когда начался прием. Я стараюсь высыпаться, господин Шуман, учитывая, что у меня всего два выходных в месяц. В отеле «Риц» персонал получает… – Доктор раздраженно прервал его:

– Здесь не отель. Вы не слышали ночью никакого шума, ничего необычного… – Берри развел руками:

– Я очень крепко сплю, господин Шуман. У бассейна, в любом случае, играла громкая музыка… – дверь за поваром захлопнулась. Доктор заметил:

– Начальник охраны сказал, что калитку вчера не закрывали… – в разговоре с Шуманом негр пожал плечами:

– У некоторых горничных был выходной. Девушки ходят в город, на танцы, возвращаются поздно. В таких случаях его превосходительство разрешает держать калитку открытой. Президент заботится о нас, место здесь безопасное… – по мнению Шумана, Нкрума был слишком либерален к своим подданным:

– Обезьяны всегда поддерживают друг друга, – недовольно подумал Доктор, – но хорошо, что они ненавидят белых. Сеньорита Мирон далеко не убежит… – пережевывая сочную сосиску, он хмыкнул:

– Берри говорит правду. Он туповатый парень, недалекий, как говорится. Хотя готовит он, действительно, отменно, очень хорошее приобретение… – городской телефон затрещал, когда они занялись круассанами. Шуман протянул руку к трубке:

– Слушаю… – он кивал, осыпая крошками пиджак, – что ты сказал? Передатчик? Пусть немедленно отправляют полицию по адресу пеленга… – Доктор покрутил головой:

– Ах, они знают только район, но не точный адрес… – Шуман ядовито добавил:

– Еще двадцать лет назад гестапо могло определить расположение передатчика с точностью до дома. Хорошо, пусть прочесывают район. Приезжай, у нас горячие круассаны… – он потрепал Адольфа по плечу:

– Кажется, мы оказали Нкруме большую услугу. Вчера вечером местная служба безопасности засекла выход в эфир незарегистрированного передатчика. Послание зашифровано, обезьянам его не взломать, но теперь понятно, что здесь делала сеньорита Мирон… – Адольф нехорошо улыбнулся:

– Пусть она имеет дело с обезьянами, партайгеноссе Шуман… – парень аккуратно налил себе кофе, – я не позавидую ее судьбе.

– Потерпите немного, мадемуазель Мирон… – мягко сказал Иосиф по-французски, – вам повезло, что собака вас не тронула… – Тата шмыгнула носом:

– Почему, месье Жозеф… – стоя на коленях, Иосиф держал в зубах фонарик. В подвале горела одна слабая лампочка. Для работы с передатчиком больше света не требовалось, однако сейчас, как он объяснил Механику, ему нужно было видеть, что он делает. На низкой скамейке он разложил свой малый хирургический набор:

– То есть не мой, а мамин, – поправил себя Иосиф, – мама с ним прошла от Карпат до израильской границы… – холодно поблескивала немецкая сталь скальпелей и пинцетов. На мягкой коже футляра читались стершиеся золоченые буквы: «Золинген». Он аккуратно приводил в порядок неприятную ссадину на боку девушки:

– Это вообще не бок, – смешливо подумал Иосиф, – а кое-что пониже. Механик молодец, деликатный человек, а по нему и не скажешь… – начальник, как он думал о месье Этьене, засел на террасе вместе с Грешником:

– Он буркнул, что я сам справлюсь и отчего-то покраснел, – вспомнил Иосиф, – хорошо, что я быстро принес одежду… – добежав до пристройки к рыночному бару, где ночевала Виктория, Иосиф застал девушку в постели. Обойдясь парой поцелуев и обещанием вернуться, он подхватил с хлипкой стенки хижины первое попавшееся под руку цветастое платье и шаль:

– Я потом все объясню, – пообещал Иосиф, – дай мне сандалии… – у девушек, на их счастье, оказался одинаковый размер ноги:

– Здесь нельзя ходить босиком, – объяснил Иосиф Тате, – по крайней мере, вам нельзя. Местные привыкли, однако в лужах на улице обретается весь учебник паразитологии… – девушка поежилась, – одна царапина или ранка и вам обеспечены очень неприятные болезни…

Закончив со ссадиной, он отозвался:

– Хорошо потому, что у меня нет сыворотки против бешенства. Противостолбнячный укол я вам вкатил… – он промазал следующую ссадину йодом, – однако за сывороткой пришлось бы ехать в больницу, где вам показываться нельзя… – в свете фонарика синяк на ее скуле играл глубоким лиловым цветом:

– Вы правда врач, месье Жозеф… – робко спросила Тата, – но что вы делаете в гараже… – Иосиф подул на йод:

– Доктор медицины, правда, диссертация у меня по патологической анатомии. Но с живыми людьми я тоже управляюсь хорошо, мадемуазель. В гараже… – он опустил подол ее платья, – считайте, что я изучаю тропические болезни. У меня творческий отпуск, я пишу статьи, а на досуге чиню автомобили… – Тата понимала, что ей все равно ничего не объяснят:

– То есть мне объяснили, – девушка незаметно прикусила губу, – что мерзавцы беглые нацисты, что нас привезли сюда как проституток, как рабынь… – Тата сначала хотела вернуться в особняк:

– Девушки должны все узнать, – горячо заявила она месье Этьену, – нельзя оставлять такие вещи безнаказанными… – ей показалось, что в темных глазах механика промелькнула грусть:

– Я не сомневался, что именно это и услышу, – сварливо ответил он, – но сейчас вам надо выбраться из Ганы в целости и сохранности, учитывая, что никаких документов у вас нет. Ваше счастье, что месье повар решил выпить полуночный кофе на террасе… – юноша, не представившийся Тате, вытолкнул ее в заднюю калитку виллы. Она помнила быстрый шепот:

– Гараж месье Этьена, у рынка. Ограда украшена флагами, вы не пропустите место. Скажите, что вы от повара на вилле… – сзади истошно лаяла овчарка. Калитка лязгнула. Тата, потерявшая туфли где-то в лабиринте, оказалась на обочине тонущего в темноте шоссе:

– Потом я добралась сюда… – она искоса взглянула на месье Иосифа, – месье Этьен пошел за еще одним их приятелем, а меня отвели в подвал… – Тата смущенно подумала:

– Хорошо, что месье Иосиф врач. С ним… с месье Этьеном, я бы чувствовала себя неловко… – она вспоминала темные, в легких морщинах, глаза механика:

– Ему лет сорок… – поняла девушка, – он, скорее всего, воевал… – по осанке мужчины она видела, что тот имеет отношение к армии:

– Что мы здесь делаем, вам знать не надо, – услышала она голос врача, – я провожу вас на террасу, вы сядете в форд месье Виллема и к утру окажетесь за пределами Ганы… – кузен согласился помочь девушке:

– Я все равно не стал бы работать на мерзавцев, – мрачно заявил Виллем, припарковав машину во дворе, – не волнуйтесь, мадемуазель Тата, – он поклонился девушке, – я доставлю вас в Леопольдвиль, столицу Конго. Моя кузина заведует отделением в госпитале, в стране есть посольство Аргентины. Побудете под ее крылом, пока вам восстановят документы и вернетесь домой. Деньгами мы вас, разумеется, снабдим… – Тата открыла рот:

– Я не хочу никуда уезжать, – подумала она, – я хочу остаться рядом с ним. Я его в первый раз увидела два часа назад, – вздохнула девушка, – но он, кажется, на меня тоже так смотрит… – механик отводил от нее глаза. Тата все равно ловила в его взгляде странную тоску.

Она заметила на большой руке месье Виллема русскую букву:

– Но вы не русский, – утвердительно сказала Тата, – то есть я не слышу вашего акцента… – месье Виллем усмехнулся:

– Я до семи лет ни слова не знал по-французски, мадемуазель, я вырос в Советском Союзе. Русский язык я помню… – выяснилось, что акцента у него нет и в русском, – я вам по дороге все расскажу, это долгая история…

Месье Иосиф собирал инструменты. Тата неловко закрутила вокруг головы шаль. Прикрыть волосы ей посоветовал месье Этьен:

– Блондинок здесь мало, если и вовсе нет… – он мимолетно улыбнулся, – скоро рассветет, незачем вам привлекать к себе излишнее внимание… – Иосиф сверился с часами:

– Четверть восьмого, – он подал девушке руку, – вам пора. Выпьем кофе на прощанье и поезжайте. Не волнуйтесь… – он взглянул в синие глаза Таты, – месье Виллем человек чести, он позаботится о вас до самого Леопольдвиля… – Тата немного покраснела:

– Но вы, – девушка замялась, – и месье Этьен останетесь здесь… – передатчик надежно прятался за сколоченной ими перегородкой:

– Останемся… – Иосиф подмигнул девушке, – будем и дальше чинить автомобили… – Тата остановилась на узкой лестнице:

– Месье Жозеф… – она крутила в пальцах край шали, – скажите, а месье Этьен… – со двора раздался глухой удар. Иосиф услышал дребезжание железа:

– Ни с места… – заорали в громкоговоритель, – это полиция! Немедленно откройте ворота… – заработал двигатель форда. Иосиф схватил Тату за руку:

– Быстро! Бегите в машину… – он протащил девушку по лестнице. За забором гаража переливались мигалки полицейских автомобилей.

– Виллем, – спокойно сказал Механик, – кажется, тебе придется идти на таран… – он достал из кармана куртки пистолет. Тата ахнула:

– У вас есть оружие… – Иосифу показалось, что Механик усмехнулся:

– У нас чего только нет, мадемуазель Мирон. Ныряйте на заднее сиденье, ложитесь на пол… – Иосиф успел толкнуть Тату на ободранные доски террасы. Пули запели над их головами. Виллем, выматерившись по-русски, схватился за бок:

– Месье Этьен, – крикнул Иосиф, – отправляйтесь за руль. Я постараюсь их задержать… – он проводил глазами седоватую голову Механика:

– У него дочке три года. Нельзя, чтобы девочка оставалась круглой сиротой… – Иосиф вытащил на свет браунинг:

– Но как полиция узнала, где Тата? Августин ничего бы им не сказал… – Иосиф был уверен в парне, – значит, они здесь не из-за Таты. Они запеленговали передатчик… – от рации ему сейчас было никак не избавиться. Виллем скорчился на заднем сиденье форда. Заметно побледневший кузен прикрывал руками голову Таты. Механик обернулся:

– Давайте, – велел ему Иосиф, – не теряйте времени, месье Этьен. Поле летной школы не охраняется, вы справитесь со штурвалом…

Форд, визжа лысыми шинами, понесся на ворота. Иосиф открыл огонь по машинам полицейских.

Озеро Босумтви

В камышах что-то шуршало, перекликалось. Над лесистыми холмами, окружающими озеро, всходила щербатая луна. Тата прищурилась:

– Рыбаки возвращаются, месье Марсель… – она услышала настоящее имя механика в самолете, – почему здесь не пользуются обычными катерами… – парни гребли стоя, искусно удерживаясь на досках:

– Это падуа, местная лодка, если можно так выразиться, – объяснил Механик, – озеро у ашанти считается священным, его не должен касаться металл…

Они с немного пришедшим в себя Виллемом на пару вытолкнули легкий самолет из мелкой воды озера на поросший травой берег. Grumman Duck, американская амфибия тридцатилетней давности, еле протянул триста километров. Механик сажал машину, как выражались в военные времена, исключительно на честном слове:

– Нам еще хватило горючего, чтобы поджечь самолет… – он не хотел оставлять за собой следов, – и хорошо, что Виллем смог добрести до деревни… – в полете Тата, разорвав шаль, кое-как перебинтовала кровоточащий бок парня. Девушка робко сказала:

– Но как же самолет, месье Марсель… – он бросил окурок в затухающий костер:

– Думаю, что местные боги нас простят… – Механик помолчал, – тем более, что от самолета остался только пепел и обгоревшее железо…

Он объяснился на ломаном ашанти и еще более ломаном английском с жителями деревни. Марсель помнил карту. До ближайшего города, Кумаси, оставалось немногим больше тридцати километров:

– Там есть госпиталь, но Виллема нельзя везти в больницу, – вздохнул Механик, – во-первых, он потерял много крови, а во-вторых, я уверен, что полиция не преминула разослать сведения о нашем побеге…

Снеся ворота гаража, форд промчался, давя кур, по пыльным улицам Аккры. Бросив машину на краю заросшего травой летного поля, Механик велел:

– Мадемуазель Тата, помогите месье Виллему. Забирайтесь в самолет с краю… – двумя выстрелами он снес замки с колпака машины. В Индокитае Марсель несколько раз сидел за штурвалом таких амфибий. Он надеялся дотянуть до границы Кот д'Ивуара:

– Там есть французское посольство, где нам помогут… – он перекрикивал шум моторов, – главное, чтобы хватило горючего… – сторож школы выскочил из будки на поле, когда амфибия, разбежавшись, оторвалась от земли:

– Но горючего было мало… – светлый локон, выбившийся из-под остатков шали, щекотал щеку девушки, – хорошо, что не пришлось идти на аварийную посадку… – засунув руки в карманы куртки, Марсель подытожил:

– В общем, в городе нам показываться не стоит. Одежду мы достали… – девушку снабдили ветхими, протертыми штанами и рубахой, – надо двигаться в путь…

У Грешника, единственного из них, нашлись какие-то деньги. Рыбаки, как и ожидал Механик, отказались от американских купюр:

– Человек ранен, – старик, глава деревни, с трудом подбирал английские слова, – это священное место, не след здесь думать о таких вещах. Пусть лежит, оправляется, я пошлю за нашим лекарем… – лекарь, еще более престарелый, по-английски не объяснялся вообще. Пошептавшись с ним, глава деревни вздохнул:

– Мой брат говорит, что сейчас ему надо спать, много спать. Он сварит снадобье, пусть ваш друг отдыхает… – рана Виллема оказалась поверхностной, пулю вынимать не пришлось:

– Он обещал вернуться в Аккру, – вспомнил Механик, – узнать, что случилось с Жозефом, то есть Иосифом. Он может появиться в городе, Шуман и остальные мерзавцы не видели его лица… – мадемуазель Мирон тоже спросила о судьбе юноши:

– Он ей понравился, – сказал себе Марсель, – он молодой парень, ненамного ее старше. Тебе скоро сорок, зачем ты ей нужен… – он старался не смотреть на девушку, но ничего не получалось:

– Нина такой была, когда мы встретились в Мюнхене, – понял Механик, – она тоже хотела стать учительницей, после войны… – мадемуазель Мирон преподавала английский и французский языки:

– Я еще знаю русский, – смущенно добавила девушка, – но он почти никому не нужен… – лежа на тощем тюфяке в рыбацкой хижине, Виллем попытался улыбнуться:

– Простите, что я ругался, мадемуазель Мирон, то есть Тата. Такие слова не для девичьих ушей… – Тата погладила его по руке:

– Ничего страшного, месье Виллем. Вы уверены, что все будет в порядке… – Виллем отдал им почти все свои доллары. Грешник кивнул:

– Не волнуйтесь. Я доберусь до Аккры, выясню, что произошло с Иосифом… – Механик избегал думать о судьбе помощника:

– Он был в плену, на Синае, но недолго. Его спас израильский десант, вытащил из-за линии фронта. Он тогда столкнулся лицом к лицу с беглыми нацистами… – Марсель понимал, что даже Израиль не пошлет десант в суверенную страну, в мирное время:

– Как говорят в нашей Службе Документации, теперь мы сами отвечаем за свою судьбу. Из Африки меня и мадемуазель Мирон вывезут, но никто не вмешается во внутренние дела Ганы, даже несмотря на делишки Шумана и его компании. И Августин теперь останется без связи… – последнее Механику нравилось меньше всего. Добравшись до Парижа, Марсель хотел, приватным образом, позвонить мадам М:

– Она дала мне домашний телефон, – он почесал голову, – надо организовать серую операцию, вернуться за Фельдшером. Это если будет за кем возвращаться… – вытащив еще одну сигарету, он отозвался:

– Насчет Жозефа не волнуйтесь, он крепкий парень. С ним все будет хорошо, посидит в тюрьме, и мы его выручим… – по глазам Таты Марсель понимал, что девушка ему не верит:

– Иосиф стрелял в полицейских, а в Гане никто не отменял смертной казни. Но его и не казнят, а пустят пулю в затылок, как американцы сделали с Лумумбой, – механик глубоко затянулся сигаретой, – моих фото они не найдут, но у них есть снимки Таты, а Иосиф может меня описать.

Марсель никогда не был в плену, но понимал, что помощник может не выдержать пыток:

– Учитывая, что Шуман имеет опыт работы в СС… – он передернулся, – нацист не преминет вмешаться в полицейское расследование… – он услышал голос девушки:

– Месье Марсель, но как полиция узнала, что я в гараже… – Механик вскинул на плечо вышитую торбу:

– Они не знали. Они приехали к нам по другой причине… – Марсель взглянул на серебристую лунную дорожку, – мы сидели в Аккре, обеспечивая работу нашего агента на президентской вилле… – Тата неслышно вскрикнула:

– Месье повар… – Марсель посоветовал ей:

– Забудьте это имя и вообще этого человека. Вы его никогда не встречали и не помните, как он выглядит. У нас в подвале стоял передатчик для связи с Парижем и Лондоном… – девушка подалась вперед, – скорее всего, местная служба безопасности его запеленговала и прочесывала район… – Марсель посмотрел на часы:

– Пойдемте. Днем передвигаться нельзя, слишком опасно. То есть можно, но только по джунглям… – нежные ноги Таты, в украшенных бисером сандалиях, колола трава, – а ночью

мы постараемся поймать попутку на шоссе и перебраться ближе к западу… – до границы Кот д'Ивуара, по расчетам Механика, им оставалось полтысячи километров:

– Здесь всего одна разбитая дорога и две большие реки без мостов. Ладно, есть паромы, есть лодки, по дороге даже иногда ходят автобусы. Правда, как я и сказал, на шоссе можно появляться только ночью… – Тата отчего-то покраснела:

– Вы бывали в джунглях, месье Марсель… – он кивнул:

– Я воевал в Индокитае после университета. И потом тоже, – он повел рукой, – случались всякие поездки… – Тата зарделась еще сильнее:

– Вы заканчивали университет… – Механик потер обросший темной щетиной подбородок:

– Высшую Политехническую Школу в Париже. Я вообще инженер, собирался вернуться на заводы Ситроена, где я начинал механиком, но вышло по-другому… – он забрал у Таты мешок с лепешками и жареной рыбой:

– Кофе нас снабдили, – Марсель сунул в торбу флягу, – табаком тоже, пусть и местного производства, – он усмехнулся, – с Виллемом мы попрощались. Пора отправляться в путь, мадемуазель Мирон… – неслышно ступая, он раздвинул перед Татой высокие камыши:

– Местные сказали, что тропа ведет прямо на шоссе… – Механик пропустил девушку вперед, – держите меня за руку, – он смутился, – и не сходите с дорожки…

В тихой воде озера переливались крупные звезды. Темноволосая голова Механика, замотанные цветастой шалью светлые локоны Таты пропали в стене камышей.

Достав из торбы стальную миску, Механик велел:

– Давайте шаль. Перчатки в таком климате ни к чему, а посудину надо удерживать над костром… – лианы зашевелились. Тата ахнула:

– Месье Марсель, смотрите, обезьяна… – изящный черный зверек с пышным белоснежным плюмажем на шее выглянул на поляну. Пощелкав языком, Марсель бросил обезьянке кусочек лепешки:

– Капуцин. Их так назвали из-за воротников, словно у монахов. Они совершенно безобидны, – Механик улыбнулся, – видите, они совсем маленькие… – ловкая лапка протянулась к плетеной корзинке. Капуцин отскочил в заросли лиан:

– Воришка, – возмутилась Тата, – он украл наше яйцо… – метнув в траву высосанную скорлупу, капуцин припустил вверх по стволу дерева.

Яйца они купили ранним утром, сойдя с автобуса в придорожной деревне. Рынок раскладывался, тетушка в просторном цветастом платье не стала торговаться. Марсель повернулся к Тате:

– Возьмем еще лепешек и сыра… – соленый сыр продавали из глиняных горшков, – и надо найти кофе… – теперь в его торбе лежал кожаный мешочек с грубо помолотым порошком. Обмотав руку шалью, Марсель пристроил будущий омлет над огнем:

– Правда, миска у нас всего одна… – он усмехнулся, – придется есть пальцами и по очереди. Или вместе… – он почувствовал румянец смущения на заросших седоватой щетиной щеках:

– Пока мы доберемся до границы, у меня отрастет борода, – недовольно подумал Механик, – вряд ли на триста километров впереди найдется хоть одна парикмахерская. Мадемуазель Мирон поймет, что я старик… – ему отчего-то этого совсем не хотелось:

– Манго он тоже придет воровать, – Марсель поболтал миску над костром, – они здесь вроде сорок, тащат все, что плохо лежит…

Манго он сорвал с первого попавшегося на окраине деревни дерева. Проголосовав на шоссе, они сделали за ночь почти двести километров, на разбитом грузовике и раннем рейсовом автобусе. На рынке Марсель купил выточенную из тыквы флягу:

– Для воды, – объяснил он Тате, – родников в джунглях мало, а обеззараживающих таблеток у меня нет… – воду из здешних рек и озерец было опасно пить даже после кипячения:

– Я никогда не бывала в джунглях… – сбросив сандалии, девушка с наслаждением вытянула ноги, – в Аргентине они есть только на севере, на границе с Бразилией. Там живут индейцы… – она оглянулась, – а здесь тоже в лесах есть люди… – передав ей миску, Марсель покачал головой:

– Нет, пигмеи обретаются южнее, в Конго и Анголе, а местные предпочитают деревни… – Тата быстро прожевала пару горстей омлета:

– Берите, – смущенно сказала девушка, – вы мужчина, вам надо много есть… – Механик весело согласился:

– Надо. Жаль, что мы не севернее, в саванне, где водятся антилопы. Хотя вряд ли бы мне удалось подстрелить антилопу из вальтера… – он коснулся лежащего на траве пистолета, – тем более, что патроны надо беречь… – Тата оглядывалась, прислушиваясь к шорохам в лианах:

– Никто сюда не явится, – успокоил ее Марсель, – во-первых, джунгли оживают ночью, все звери сейчас спят… – капуцин укоризненно протрещал что-то сверху. Марсель кинул ему еще кусочек лепешки:

– Кроме тебя, воришка… – Тата хихикнула, – а во-вторых… – он вытер миску хлебом, – мы на самом краю джунглей. Кроме речных свиней и обезьян больше здесь ждать некого, леопарды не подходят так близко к людям. Здесь водятся змеи… – Тата поджала ноги, – но не бойтесь, днем они тоже отдыхают… – Марсель хотел сварить кофе и поспать до заката:

– Дневка, как мы говорили в Индокитае, – заметил он, – если все пойдет удачно, как сегодня, то послезавтра мы окажемся на западной границе страны. Правда, еще надо переправиться через две реки… – он подмигнул девушке, – с крокодилами и бегемотами…

Тата завернула кусок сыра в лепешку:

– Поешьте еще, месье Марсель, – она упорно отводила глаза от его смуглого лица, – поешьте и отдыхайте, я все приберу… – плеснув в миску воды из фляги, Тата попросила:

– Отдайте мне шаль. Вы курите, а я сварю кофе…

В комнатке барака для перемещенных лиц, которую Марсель делил с Ниной, стояла старая электрическая плитка:

– Я купил вещицу на толкучке, после победы, и привел в порядок. Нина утром жарила блины, варила кофе… – склоняясь над плиткой, она напевала что-то по-русски. Светлые волосы выбивались из-под завязанной на голове косынки:

– Она садилась на койку, я ее кормил блинами, наливал ей в кофе молоко. Мы получали американскую сгущенку, как помощь беженцам. Я клал руку ей на живот, а она смеялась, что ребенок слишком маленький. Я все равно настаивал, что Виктор или Виктория меня слышат… – светлый локон Таты спускался на белую шею, приоткрытую воротом рыбацкой рубахи. Склонившись над костром, девушка помешивала кофе.

Марсель затянулся самокруткой, завернутой в лист неизвестно как попавшей на рынок The Times, почти месячной давности:

– Арест южноафриканского политика Нельсона Манделы, – прочел он, – обвиняемого в попытке государственного переворота… – буквы пропали в огне, он выпустил сизоватый дымок:

– Я не знаю русского языка… – Марсель смотрел на ее раскрасневшуюся щеку, – скажите что-нибудь, мадемуазель Тата, мне интересно… – девушка незаметно прикусила губу:

– Он все равно ничего не поймет, какая разница… – синие, припухшие от усталости глаза взглянули на него:

– Я тебя люблю, – тихо сказала Тата, – люблю… – она услышала глухой, с акцентом голос:

– Я тоже… – отозвался Механик по-русски, – тоже, милая…

Плеснув за край миски, кофе хлынул в костер.

Река Черная Вольта

Жаркий ветер гонял по речной пристани мусор, завевал вихри окурков и пыли. Над бурой рекой повисла раскаленная дымка. Ржавый паром, прикрученный канатом к ободранному дебаркадеру, мотался из стороны в сторону.

Держа Тату за руку, Механик крикнул негру, покуривавшему на корме: «Когда отправление?». Здоровый парень пожал плечами:

– Через час, два… – он зевнул, – когда народ соберется… – Тата боялась пограничного контроля, однако, судя по всему, в деревеньке Гбенше пока не озаботились официальным пропускным пунктом:

– Все будет хорошо, – Марсель поцеловал ее куда-то в ухо, – не волнуйся, ни у Ганы, ни у соседних стран нет денег на содержание пограничников, – он усмехнулся, – местные привыкли к свободе передвижения с колониальных времен…

Черная Вольта терялась в туманном мареве полудня:

– Дальше на север Верхняя Вольта, – вспомнил Механик, – где тоже говорят по-французски, но это мусульманская страна…

В Гбенше они появились рано утром, сойдя с очередного разбитого рейсового автобуса. Ночью Тата дремала, смешно посапывая, устроив замотанную платком голову на его плече. Марсель обнимал ее, придерживая на особенно глубоких ямах. Автобус подскакивал, квохтали куры в клетках, по проходу проезжал потрепанный чемодан или набитая барахлом корзина. Тата что-то недовольно бормотала по-русски. Марсель улыбался:

– Надо подождать, – он заправлял под платок светлый локон, – все должно быть правильно… – он не хотел торопить девушку:

– Может быть, она вообще решит, что я ей не нужен, – вздыхал Механик, – она сказала, что любит меня, но мы сейчас в опасности. В такое время часто совершаешь необдуманные поступки. Мы доберемся до французского посольства, окажемся в Париже, где станет ясно, что делать…

Тата, тем не менее, настаивала, что ей все понятно:

– Мы поедем к твоей сестре, привезем Нину в Париж, – ласково сказала девушка, – я буду обустраиваться в городе, а ты… – Тата помолчала, – ты займешься своим делом… – Марсель угрюмо отозвался:

– Пока что мое дело, как можно быстрее вывезти тебя из Ганы, любовь моя… – он привлек девушку к себе, – я не успокоюсь, пока мы не пересечем границу… – Тата хихикнула:

– Теперь я знаю, что ты понимаешь русский язык. Но притворялся ты очень искусно… – Марсель потерся носом о ее щеку:

– Я почти не притворялся. Нина… – он рассказал Тате о девушке, – научила меня кое-каким словам. Остарбайтеры тоже помогли, – добавил он, – на нашем заводе работало много ребят из России… – Тата тоже считала, что Нины и ее ребенка нет в живых:

– После войны в Аргентину приехало много русских, – заметила девушка, – кое-кто раньше был власовцем, – она скривилась, – но были и сидевшие в лагерях, сражавшиеся в партизанах. Они не хотели возвращаться в Советский Союз, где бы их тоже ждала тюрьма… – Тата поцеловала Марселя в щеку:

– Мне очень жаль, милый мой. Но теперь я знаю, что у тебя была русская девушка… – он нежно отозвался:

– Вы с Ниной похожи. Когда я тебя увидел, я сразу подумал о ней… – он хмыкнул:

– Добравшись до посольства, я первым делом навещу парикмахерскую. С бородой я смахиваю на старого разбойника или пирата… – Тата погладила седоватую щетину:

– Мне все равно, – шепнула она, – ты мне таким даже больше нравишься… – Марсель видел, что в здешних местах не привыкли к белым. Он ловил на себе настороженные, оценивающие взгляды:

– Ладно я, – поправил он себя, – хуже, что они смотрят на Тату. Но здесь нет мусульман, никто из женщин не закрывает лицо. Будет подозрительно, если она так сделает… – Марсель надеялся на обыкновенное любопытство:

– Мы в самой глуши, – объяснил он девушке, – в Аккре привыкли к белым, а здесь, если выражаться, по-вашему, пампа, то есть саванна… – на рассвете автобус проторчал час на окраине шоссе, ожидая, пока пастухи перегонят стадо:

– На пароме, тоже перевозят скот… – по утоптанному берегу реки бродили овцы, – ладно, переправа займет всего четверть часа… – Механик был рад, что они, наконец, покидают Гану. Гбенше оказалась унылейшим местом, в деревне даже не торговал базар:

– О кафе тоже речь не идет, – хмуро заметил Марсель, – единственная лавка на переправе и больше ничего нет… – на севере никто не говорил на ашанти. Объяснившись с продавцом на ломаном английском, он купил два стаканчика кофе:

– Здесь другие языки, – объяснил Марсель Тате, – я имею в виду, местные. Но по-французски здесь многие говорят, рядом бывшие колонии Франции… – продавец тоже смотрел на него, как подумал Марсель, оценивающе. Механику особенно не понравилось, как парень уставился на доллары:

– Я все себе придумываю, – успокоил себя Марсель, – они редко видят американскую валюту… – негр на пароме, впрочем, невозмутимо принял от Механика две истертые купюры:

– Отправление через пять минут, – закричал парень, – торопитесь, иначе придется ждать до вечера… – Тата хмыкнула:

– Смотри, здесь даже есть расписание… – на фанерной табличке, прикрученной к перилам пристани, значилось: «Утро. Вечер». Марсель развеселился:

– В Африке всегда так. Они никуда не торопятся, любовь моя… – парень на пароме, тем не менее, подгонял скопившуюся на пристани толпу. Плакал ребенок, недовольно блеяли овцы. Они с Татой нашли местечко поближе к краю судна:

– Хотя бы будет не так жарко… – девушка вгляделась в мутную воду Вольты, – в Аккре рядом океан, там легче дышится… – Марсель кивнул:

– В Алжире тоже так… – они говорили тихим шепотом, – все живут на севере, у Средиземного моря. В горах, и, тем более, в пустыне, можно встретить только кочевников… – он рассказал Тате и о гибели жены:

– Малышка ее не помнит, – признался Марсель, – но я показываю ей фотографии, говорю с ней о Флоранс… – он добавил:

– Оасовцы, мерзавцы, не успокаиваются, пару недель назад они опять устроили покушение на де Голля… – он мог попросить о переводе в президентскую охрану:

– Хотя вряд ли получится, – понял Марсель, – каждый хочет сидеть в Париже или летать в Америку, а не болтаться по задворкам цивилизованного мира, среди беглых нацистов или местных бандитов… – Тата незаметно коснулась его руки:

– Я знаю, о чем ты думаешь… – одним дыханием сказала девушка, – но это твое дело, а мое дело… – синие глаза улыбались, – ждать, пока ты вернешься, милый… – переполненный паром, наконец, отвалил от пристани. Грязная Вольта бурлила под винтом, судно тащилось к середине реки. Марсель краем глаза заметил движение в толпе:

– Это мне совсем не нравится, – спокойно подумал он, – кажется, у парней есть при себе оружие.

Вальтер и десяток оставшихся патронов лежали в вышитой торбе, вскинутой на его плечо. Он не выпускал мягкой ладони Таты:

– Мы на пароме единственные белые… – это ему нравилось еще меньше, – в здешних местах можно наткнуться на каких угодно подонков… – затрещали автоматные выстрелы, пули хлестнули по речной воде. Паром резко остановился. Парни распоряжались на местном языке, но Марсель и так все понимал:

– Банда берет заложников. То есть не заложников, а пленников… – он почти до боли сжал руку Таты:

– Молчи, – велел ей Механик, – не смотри им в глаза, опусти голову. Говорить буду я, здесь так принято. Надвинь шаль на лицо, – глаза девушки расширились.

– Марсель, – она побледнела, – что им надо?

Тата едва сдержала крик. Парни вытолкали из замершей, поднявшей руки толпы, какого-то старика. Крепкий негр, с наголо бритой головой, в хороших ботинках, щелкнул пальцами:

– Главарь, – понял Марсель, – такая обувь здесь только у чиновников или бандитов… – старик, истошно вопя, пытался уцепиться за перила парома. Раздался плеск воды, Тата закрыла глаза:

– Им нужны здоровые молодые люди, – мрачно ответил ей Марсель, – они будут торговать рабами на севере… – ее рука похолодела:

– Но сейчас новый век, невозможно, чтобы… – Тата напомнила себе, что она сама именно так попала в Африку:

– Не волнуйся, – услышала она голос Марселя, – я с ними объяснюсь, так или иначе… – заскрипели ботинки. Он взглянул в бесстрастное, лоснящееся от пота лицо негра:

– Ты кто, – коротко спросил главарь по-французски, – что ты здесь делаешь… – Марсель показал ему пустые ладони:

– Нельзя, чтобы меня обыскали, – напомнил себе он, – если бандиты найдут оружие, меня пристрелят, а Тату… – он взглянул в темные глаза негра:

– Я инженер, месье Этьен, – Механик выпрямился, – я работал в Гане, а сейчас возвращаюсь в Кот д'Ивуар. Это моя жена… – Тата, как он и просил, уперлась взглядом в заплеванный пол парома, – ее зовут мадам Натали… – Марсель видел, что негр колеблется:

– Он думает, убить ли меня или сохранить мне жизнь, – Механик добавил:

– У меня есть опыт работы со взрывчаткой, с оружием… – негр смерил его долгим взглядом:

– Пока оставайтесь вместе… – он кивнул в сторону Таты, – потом я решу, что с вами делать… – бандиты стреляли по барахтающимся вокруг судна старикам. Кто-то из парней, выхватив у женщины младенца, тоже швырнул его в реку. Негритянка, оттолкнув бандита, бросилась к перилам. Главарь, почти не целясь, прошил очередью ее голову. Женщина рухнула ничком, из разбитого черепа хлестала темная кровь.

Большая рука легла на трясущиеся губы Таты:

– Молчи, – попросил ее Марсель, – молчи, пожалуйста. Не бойся, любовь моя, я рядом, я с тобой… – подняв автомат, главарь что-то заорал. Заработали машины, паром пошел на север, вверх по реке.

Аккра

Соленый ветер шевелил листы свежего The Times. Газету небрежно бросили на крахмальную скатерть, рядом с пустой чашкой эспрессо. Братья Мантини, с довоенных времен торговавшие конфекционом на площади рядом с городским почтамтом, весной открыли в соседнем с магазином доме итальянскую кофейню:

– Англичан здесь больше нет, – усмехались предприниматели, – Гана независимая страна и не обязана больше пить колониальный чай. Мы уверены, что заведение ждет успех…

Так оно и случилось. Белые террасы элегантного особняка наполняли парни в костюмах от лондонских портных, американских джинсах и цветастых рубахах. У многих на запястьях виднелись золотые часы. Патроны приезжали на ухоженных автомобилях.

Виллем, с его отличным зрением, мог издалека прочесть заголовки в газете:

– Туда мне хода нет, – он с тоской взглянул на чашку, – я соскучился по хорошему кофе, такому, как подавали у президента. Августин очень сильно рискует, особенно с арестом Иосифа… – к гаражу месье Этьена Грешник пробрался ночью. Виллем подсвечивал себе купленным за гроши на барахолке фонариком:

– Прошло две недели со времени нашего побега, вряд ли у заведения еще пасутся полицейские… – он вовремя заметил отблески мигалок:

– Нет, никуда они не делись… – Виллем перемахнул через какой-то забор, – ясно, что Иосифа арестовали, если вообще не убили в перестрелке…

Он разобрал, что в газете сообщают о стычках на индийско-китайской границе и о гражданской войне в Йемене. Черный заголовок кричал:

– Русские размещают ракеты на Кубе! США получили точные сведения о советских военных базах… – Виллем сомневался, что сведения были действительно точными:

– Сейчас на Карибах сезон ураганов, – вспомнил он, – самолеты, наверняка, не поднимаются в воздух… – он сидел на расшатанной скамейке, торчащей посреди запыленной травы городского сквера. Часы на белокаменной башне возведенного англичанами почтамта показывали половину десятого утра:

– Час разницы во времени с Лондоном, – вспомнил Виллем, – сегодня суббота, тетя Марта может поехать в Мейденхед, но надо рискнуть… – он не собирался объяснять, что он делает в Аккре. Виллем был уверен, что тетя и не станет таким интересоваться:

– Она профессионал и не будет терять времени. В здешнее британское посольство меня не пустят… – передав бельгийский паспорт Маргарите, Виллем давно пользовался фальшивыми документами, – а в Леопольдвиль звонить тоже бесполезно… – кузина могла уехать в провинцию с врачебной миссией:

– В общем, тетя Марта должна все знать… – выбросив окурок, Виллем решительно поднялся, – на международный дают звонок три минуты, но больше мне и не надо… – у него в карманах болтались последние доллары, но он всегда мог попросить Маргариту перевести ему деньги:

– Оружие у меня при себе… – револьвер лежал во внутреннем кармане куртки, – ладно, делай, что должен и будь, что будет… – Виллем успел проверить особняк, который, по словам Таты, Шуман снял для девушек. Как он и ожидал, здание пустовало:

– Они давно переселились к работодателям, то есть покупателям, – Грешник дернул щекой, – теперь ничего с этим не сделать…

Среди беленых стен почтамта гулял свежий ветерок. На выложенном плиткой полу валялись банановые шкурки, фруктовые косточки, обертки от дешевых сладостей. Чернокожая очередь гомонила, обмахиваясь веерами, босые тетушки торговали манго из плетеных корзин. Продавец вращал ручку старинной машинки для сахарной ваты:

– В Мон-Сен-Мартене всегда ставят такую машинку на ярмарках, – Виллем переминался с ноги на ногу, ожидая вызова в кабинку, – мы с Жюлем съедали по несколько порций и от леденцов с вафлями тоже не отказывались. Счастливчик Жюль, он мой ровесник, а у него двое ребятишек… – Виллем понятия не имел, когда он вернется домой:

– Сначала мне надо искупить вину перед Африкой, – напомнил он себе, – я не смогу смотреть в глаза шахтерам и дяде Эмилю с таким грехом на душе… – хорошенькая девчонка с копной мелко вьющихся волос прокричала:

– Лондон, седьмая кабина… – Виллем порадовался счастливому числу:

– Но это ерунда… – он шагнул внутрь, – главное, чтобы тетя Марта оказалась дома. Или хоть кто-нибудь, Волк и парни ей все передадут… – придерживая дверь, он слушал гудки. Трубку сняли на четвертом. Виллем всегда удивлялся аристократическому акценту тети:

– У бабушки Анны американский говор, а тетя Марта звучит так, словно она родилась в Букингемском дворце… – он не успел ничего сказать. Кто-то открыл дверь снаружи, Виллем зажал трубку рукой:

– Какого черта… – повернувшись, он увидел холодные, голубые глаза. Адольф Ритберг фон Теттау, в изысканно помятом льняном костюме, со значением смотрел на его татуировку:

– Здравствуйте, господин Грешник, – вежливо сказал юноша, – а мы вас обыскались… – швырнув трубку на рычаг, оттолкнув парня, Виллем ринулся к выходу.

Звонок застал Марту на подвальной кухне особняка Кроу, в компании младшего сына.

Уезжая в начале сентября в Кембридж, Максим почти торжественно вручил Питеру потрепанный холщовый фартук:

– Дальше он не отправится… – заметил подросток брату, – Ник и Полина ровесники, а больше детей у нас не ожидается. Последней наседкой будешь именно ты… – Максим подтолкнул его в плечо. Питер смешливо отозвался:

– До Пауля мне не дотянуться, он настоящая наседка… – Пауль сообщал всем гостям хэмпстедского дома, что он ждет племянников. Пауль считал на пальцах:

– Девочка, мальчик, еще девочка и еще… – задумываясь, он мотал лысеющей головой, – в общем, восемь племянников, или десять. Много, – добавлял он. Не выучив умножение с делением, Пауль предпочитал обходиться двумя математическими действиями:

– Деньги он тоже не умеет считать, – вздохнул Питер, – ему помогают домашние… – подпоясавшись фартуком, подросток следил за омлетом в большой сковороде:

– Маленький Джон с Вороном теперь на казенных харчах… – так, весело, говорил отчим, – Густи в Москве, Максим в Кембридже. Вроде мы должны меньше денег тратить на продукты, но Ник и Полина еще растут, им всего двенадцать… – о Теодоре-Генрихе они старались не упоминать. Питер видел тоску в зеленых глазах матери. Марта не скрывала от старших детей задание, как выражалась она, Теодора-Генриха:

– Сначала он жил в Восточном Берлине, – Питер вспомнил спокойный голос, – потом его отправили учиться в Москву, – Марта прервалась. – Но в начале лета случилось восстание рабочих в Новочеркасске, старший брат некоторое время выходил в эфир с подпольной радиостанции.

– С июня о нем ничего не известно, в Москве он не появлялся… – в случае опасности брат должен был связаться с британским посольством, – его могли арестовать и расстрелять… – мать не обсуждала дома служебные дела, а они, разумеется, ничего не спрашивали.

Питер водрузил на омлет крышку. Щелкнул тостер, по кухне разлился аромат поджаренного хлеба:

– Инге говорит, что Максим обустроился в своих комнатах, – услышал он озабоченный голос матери, – но надо съездить, проверить, как он питается… – Питер отхлебнул первый утренний кофе:

– Он один объест весь Кембридж, мама, – фыркнул подросток, – он никогда не жаловался на аппетит. Не волнуйся, пожалуйста… – убавив огонь, он обнял стройные плечи в домашнем платье. Марта резала петрушку для масла:

– Питер только немногим выше меня… – сердце заныло, – Теодор-Генрих тоже был такой… – Марта твердо сказала себе:

– Есть. Я уверена, он выберется из СССР. Может быть, он даже найдет Машу или девочек дяди Эмиля и Павла Юдина, то есть Левина. Хотя мальчик, Пенг, был ребенком, он мог перепутать фамилии. Никаких весточек от него не приходило, мы не знаем, виделся ли он с Павлом в Москве…

Понимая, что старший сын сначала свяжется с ней по телефону, она все равно ждала звонка в парадную дверь. Оставляя перчатки и сумочку на выложенном мозаикой столике в вестибюле, она поворачивалась к зеркалу. Тонкие морщины пересекали высокий лоб, разбегались вокруг больших глаз:

– Мама говорит, что нельзя терять надежды… – Марта устало опиралась о столик, – я знаю, что мой мальчик вернется….

Вопреки правилам безопасности, она не уничтожила открытки, полученные от сына из Восточного Берлина:

– Так я хотя бы вижу его почерк, – думала Марта, – Ватикан не может связаться с сестрой Каритас, курия боится, что ее арестовали… – следуя распоряжению святого престола, монахиня должна была покинуть ГДР, однако судьба ее оставалась неизвестной:

– Грета в Швеции тоже ничего не знает… – открытки Марта держала в сейфе, – сестра Каритас пожилая женщина, она может не перенести тюрьмы… – увидев китайский комод в кабинете, Ева заметила:

– Конго теперь здесь тоже есть. Тетя Марта… – девушка коснулась ее руки, – может быть, рядом с Римом и Нью-Йорком появится и Москва… – женщина вздохнула:

– Вряд ли при нашей жизни, милая… – взбивая масло, она отозвалась:

– Ничего, через два года ты присоединишься к брату… – Питер тоже собирался досрочно закончить школу Вестминстер, – будете на пару объедать тамошние магазины… – Марта взглянула на часы:

– У Волка сегодня встреча с клиентами… – муж представлял интересы лондонского профсоюза работников транспорта, – Ник с Полиной идут на дневное представление в Королевскую Академию Драматического Искусства… – театры еще не ожили после каникул, но Аарон пригласил всех на прогон студенческого спектакля, где играла Тиква. Ковент-Гарден увешали афишами нового сезона:

– Адель поет в постановке «Аиды» – хмыкнула Марта, – в конце месяца они возвращаются из Америки… – вторая поездка Тупицы в СССР, по его словам, прошла без приключений:

– Я сидел в Москве, участвовал в конкурсе и давал мастер-классы, тетя Марта, – заявил Генрик, – фальшивой Доры, как вы ее называете, я не видел… – Марта получила от Инге полное описание девушки:

– На вечеринке она сказала, что родилась в тюрьме. Ее мать якобы была заключенной, а отец охранником, но это может быть слезливой сказкой. Она напоминала покойную Розу, но это тоже может оказаться совпадением. КГБ ее использовало, чтобы подобраться к Инге, однако они не на того напали. Странно, – хмыкнула Марта, – после Норвегии они должны были выучить свой урок… – она решила, что, потерпев неудачу с Генриком, Комитет решил еще раз, как называла это Марта, попробовать воду с доктором Эйриксеном:

– Но тетрадка не подложная, – тетрадка Марты Журавлевой тоже лежала в сейфе, – ясно, что в Новосибирск блокнот привез сам Журавлев. Он не мог отказать девочке, хотя он сильно рисковал… – Нику пока ничего не говорили:

– Нечего говорить, – отрезала Марта на совещании, на Набережной, – сведения отрывочны и неполны. Ник мой сын, пусть и приемный. Я не хочу, чтобы мальчик питал ложные надежды. Он и так считает, что его мать жива… – Ник упрямо повторял:

– Жива, тетя Марта. Маму похитили русские, но я ее обязательно найду… – Ник с Полиной, полуночники, как их называли в семье, пока спали:

– Волк обедает с клиентами, полуночников покормит Сабина после театра, а с Питером надо что-то придумать… – Марта поинтересовалась:

– У тебя какие планы? Если хочешь, я тебе накрою холодный обед. Я еду в Сент-Джонс-Вуд, с тетей Кларой, помочь миссис Вере. Мы сводим детей в зоопарк, а она поспит… – сын изумленно отозвался: «Днем?». Ставя посуду на поднос, Марта сухо ответила:

– У нее погодки, Чарли три, а Эмилии два. Когда у тебя появятся погодки, ты тоже будешь спать днем, едва выпадет возможность… – Марта подмигнула сыну:

– Так оставить тебе еду… – Питер взялся за поднос:

– Я иду в библиотеку Британского музея, перекушу в городе… – это было не совсем правдой. Подросток утешил себя тем, что библиотека и музей почти одно и то же:

– Луиза живет в Сен-Джонс-Вуде, – напомнил себе Питер, – но мама поедет на машине, а не на метро… – он встречался с девушкой у метро, – и вообще, что я волнуюсь? Никто не запрещает нам с Луизой ходить в музей… – резко зазвонил висящий на стене телефон. Марта сняла трубку:

– Слушаю… – номер нигде не печатали, его знала только семья:

– Семья и Набережная… – поправила себя Марта, – может быть, Теодор-Генрих вышел на связь… – до нее донесся отдаленный голос, в ухо ударили короткие гудки. Марта не записывала личные разговоры:

– Но это похоже на междугородный звонок… – она попросила сына:

– Поставь завтрак в лифт… – кухню оборудовали подъемником, – и буди всех, милый, пора садиться за стол… – подождав, пока сын окажется в коридоре, она набрала знакомый номер:

– Звонили из Аккры, – технический отдел Набережной не подвел, – с центрального почтамта. Боргезе сейчас в Аккре, вместе с Адольфом, – Марта поморщилась, – Механик и Фельдшер сообщили о визите две недели назад. Сегодня они должны появиться в эфире… – еще раз сняв трубку, Марта велела:

– Соедините меня с Парижем и Тель-Авивом, прямо сейчас.

Календаря ему не давали, молчаливые охранники держали рот на замке, но Иосиф знал, что его арестовали две недели назад.

Он не мог, как Робинзон Крузо, делать отметки на стене камеры. Окошко в двери круглые сутки держали открытым. Иосиф навещал израильские тюрьмы:

– Арабы, отбывающие сроки, давно бы возмутились такими условиями содержания, – мрачно думал он, – здесь даже не завели ширмы для отправления естественных надобностей, как выразился бы Шмуэль… – Фельдшер запрещал себе думать о брате, о Еве и вообще о семье:

– Чем меньше я буду о них вспоминать, тем меньше шансов, что я проговорюсь о том, кто я такой… – дернув за цепочку, застегнувшись, он вернулся на койку, – пока я вообще ни слова ни сказал следователю… – он в который раз порадовался, что покойный мамзер, как Иосиф называл отца, запретил делать им со Шмуэлем обрезание:

– На Синае египтяне понимали, что мы евреи… – за решеткой в двери блестели глаза охранника, – но здесь они могут принять меня за европейца или даже русского… – о Синае он тоже старался не думать:

– Ничего не случится, – уверял себя Иосиф, – африканцы на такое не способны. Гана почти цивилизованная страна, бывшая английская колония… – тюрьму, где его держали,

построили по-британски основательно. Иосиф предполагал, что его посадили в особое крыло. Он спокойно разглядывал выкрашенную серой эмалью стену:

– То есть это подвал, – хмыкнул Фельдшер, – где я единственный постоялец… – его неплохо кормили и раз в три дня водили в душ, где из кранов даже текла горячая вода. У него забрали джинсы и рубашку, непоправимо испорченные в перестрелке на террасе гаража.

Иосиф разгуливал в местном тюремном костюме, штанах и куртке в темную полоску.

Аккуратно, не привлекая внимания охранника, Иосиф выдернул очередную ниточку из разлохмаченного манжета куртки:

– Сегодня четырнадцатая, – он складывал нитки под матрац, – за две недели все остальные успели покинуть Гану. Пусть они ищут, пусть хоть обыщутся… – Иосиф усмехался, – никто, кроме нас не знает, как выглядит Грешник. Правда, у них есть снимки Таты, а Механика им мог описать весь рынок, от старых до малых… – сам Иосиф, разумеется, не собирался никто описывать:

– Вообще-то, – он зевнул, – у них нет никаких улик против меня. Да, я стрелял… – с этим Фельдшеру было никак не поспорить, – но здесь тоже бывает неспокойно. Оружие в стране разрешено, а что касается полицейских машин, то любой может купить на барахолке мигалку… – Иосиф спустил затекшие ноги с койки, – решив, что в гараж явились бандиты, я защищал свою жизнь…

Он не сомневался, что хороший адвокат, вроде дяди Максима, не оставит и камня на камне от здешнего прокурора. Фельдшер, впрочем, понимал, что прокурора ему ждать не стоит:

– Не случится никакого процесса, – он прошелся по крохотной камере, – меня выведут в еще более дальний коридор и пустят пулю в затылок… – Иосиф оборвал себя:

– Не смей терять надежду. На передатчике не стоит ни одного клейма. Я понятия не имел, чем занимается мой дядя, хозяин гаража… – больше всего Иосиф боялся встретиться на очередном допросе с Черным Князем:

– Тогда они сразу поймут, кто я такой, – вздохнул Фельдшер, – и можно забыть о дальнейшей работе среди беглых нацистов и вообще работе Моссада в Африке… – пока на немногих допросах он видел только местных работников службы безопасности. Остановившись, Иосиф поднял наголо обритую голову. Невозмутимо взглянув на застывшего за дверью охранника, Фельдшер незаметно сжал кулак в кармане куртки:

– Меня выручат, – сказал он себе, – Механик с Татой доберутся до французского посольства, Виллем позвонит тете Марте. Меня обязательно вытащат отсюда, надо только подождать… – выпрямив спину, он опять закружил по камере.

Устрицы для президента Ганы привозили прямым рейсом из Парижа. Крупные раковины лежали на льду, в деревянных ящиках.

Сэм Берри сам встречал ранний самолет. Взлетное поле погрузилось в серую дымку. Стоя рядом со служебным виллисом охраны, он прислушался к звуку моторов:

– Мерзавцы, Боргезе и Адольф, сегодня улетают… – он услышал об отъезде гостей за вчерашним обедом, – непонятно куда и непонятно, что случилось с Механиком, Фельдшером и русской девушкой…

Получив выходной, навестив рынок, Сэм, как обычно, направился к гаражу месье Этьена. Увидев на заросшей травой обочине полицейскую машину, юноша вовремя дал задний ход:

– Все ясно, – Сэм отдышался только через две улицы, – но, скорее всего, полиция торчит здесь не из-за Таты. Нет, они запеленговали передатчик… – он примерно представлял себе судьбу Механика и Фельдшера:

– Грешника тоже могли арестовать, вместе с девушкой… – Сэм передернулся, – теперь мне никак не связаться с тетей Мартой… – зная, что Шуман может пустить за ним слежку,

юноша не рисковал международными звонками с почтамта. Ящики с устрицами сгрузили на бетонку. Сэм придирчиво проверял раковины:

– Ключ от абонентского ящика оставался у Механика… – пальцы застыли, он заставил себя успокоиться, – но я уверен, что Механик ничего не скажет… – пока ему требовалось подумать о восстановлении канала связи с Лондоном:

– Надо сообщить тете Марте, что их арестовали… – Сэм бросил взгляд на клеймо, украшавшее ящик, – мы получаем устрицы от поставщика, работающего с Aux Charpentiers… – он решил послать телеграмму в Париж:

– Объясню Шуману, что я недоволен качеством последней партии… – Сэм выпрямился, – скажу, что мне надо посоветоваться с дядей насчет замены поставщика. Он знает, что дядя Анри владеет рестораном, ничего подозрительного здесь нет. Ради Бога, пусть слушает наш телефонный разговор… – Сэм не сомневался, что дядя его поймет:

– Он позвонит тете Марте и на Набережной что-нибудь придумают…

Устрицы он подал к приватному обеду на вилле:

– Только президент и Шуман… – юноша болтался с тележкой у закрытой двери малой столовой, – жаль, что отсюда мне не услышать, о чем они говорят…

Над накрахмаленной скатертью витал острый запах моря. Шуман промокнул губы салфеткой:

– Берри утверждает, что ему не нравится качество, но, по-моему, он придирается, – весело сказал Шуман Нкруме, – нет никаких причин менять поставщика… – президент кивнул:

– Устрицы отличные. Вы правы, он хочет получить процент от нового партнера, – усмехнулся Нкрума, – не надо позволять ему тратить деньги направо и налево… – Шуман аккуратно отложил пустую раковину:

– Проклятая обезьяна, – недовольно подумал Доктор, – уперся и хоть кол ему на голове теши… – Нкрума наотрез отказался допускать Шумана или Боргезе в тюрьму:

– Мы сами со всем разберемся, – холодно сказал президент, – занимайтесь вашими врачебными делами и трудоустройством… – аукцион прошел гладко, девушки разъехались к будущим работодателям:

– Кроме русской мерзавки, – вздохнул Доктор, – но теперь понятно, что русские пытались организовать здесь большую операцию… – на это указывала и русская буква на руке сбежавшего с почтамта Грешника:

– Гнаться за ним было бесполезно, – Шуман отодвинул от тарелку, – а Адольф видел его только мимолетно. Мы так и не знаем, как он выглядит… – несмотря на скудость описания, он все равно отправил данные о так называемом Грешнике в Швейцарию, партайгеноссе фон Рабе. У Шумана не было доступа к данным местной службы безопасности. Он не мог присовокупить к материалу описания фальшивых владельцев гаража:

– Я только знаю, что по этому адресу произвели арест, – бессильно понял он, – я не могу выяснить, куда пытался позвонить Грешник… – на почтамте непременно потребовали бы судебный ордер, которого у Доктора не было. Он решил сделать еще одну попытку:

– Мой друг, господин Юнио, перед отлетом жалел, что он не продолжил сотрудничество с вашей полицией, – осторожно сказал Доктор, – мы можем помочь в ведущемся силами безопасности расследовании по поводу передатчика… – Нкрума спокойно взглянул на него:

– Господин Шуман, – президент щелкнул зажигалкой, – вы врач, а ваш друг, насколько я понимаю, бизнесмен… – Шуман открыл рот. Президент добавил:

– Я не сомневаюсь, что вы оба обладаете большим опытом подобной работы… – Нкрума тонко улыбнулся, – однако вы мне нужны в профессиональном, если так можно выразиться, качестве… – Шуман все не сдавался:

– Но, господин президент, как вы знаете, господин Ритберг видел бандита, Грешника, на почтамте… – Адольф зашел на почтамт за открытками для соучеников, – он бежал, мы не могли его остановить, но я больше, чем уверен, что он русский… – Нкрума не сказал Шуману, что судебный ордер ни к чему не привел:

– Грешник звонил в Лондон… – номер отправили в посольство Ганы в Великобритании, – но там не нашли, кому принадлежит телефон. Такого номера просто не существует… – Нкрума напомнил себе, что русские могли засесть и в Лондоне:

– Ладно, у нас есть описание так называемого месье Этьена… – владелец гаража, угнав легкий самолет, словно провалился сквозь землю, – а месье Жозефа мы сломаем, рано или поздно. Но мы сами займемся следствием, я не доверяю белым… – президент отпил кофе:

– Может быть, – бесстрастно отозвался он, – однако, как я говорил, я не люблю постороннего вмешательства во внутренние дела моего государства. Занимайтесь непосредственными обязанностями, господин Шуман, оставьте кесарю кесарево…

Отвернувшись от него, Нкрума подозвал официанта: «Скажите Берри, пусть подает десерт».

Часть первая

США, осень 1962

Нью-Йорк

Рыжая листва деревьев в Центральном Парке золотилась под ярким солнцем. Лучи заиграли в тиснении на папке итальянской кожи:

– Донован, Ньютон, Лежер и Ирвин. Мистер Лео Циммерман, старший партнер… – из папки в беспорядке торчали куски желтой бумаги, вырванные из юридических блокнотов, визитные карточки, клочки записей.

Леон курил, привалившись к стене. Сбросив измятый пиджак от Brooks Brothers, он закатал рукава пропотевшей рубашки:

– Езжайте домой, мистер Циммерман, – мягко сказал лечащий врач, – выспитесь, пожалуйста. Несколько часов ничего не изменят. Миссис Циммерман без сознания и вряд ли она придет в себя… – доктор замялся. Леон вздохнул:

– Вы хотите сказать, что мою жену накачали наркотиками… – врач неожиданно жестко ответил:

– Вы предпочитаете, чтобы она кричала от боли, мистер Циммерман? У нее последняя стадия рака молочной железы, с метастазами в позвоночник и гортань. Она не может ходить, она почти потеряла голос. Дайте ей возможность закончить жизнь в покое… – Леон не мог поверить, что Ривка умирает:

– На бар-мицве Джошуа мы танцевали, она весь праздник провела на ногах… – совершеннолетие сына отметили пышно, в Центральной Синагоге на Лексингтон-авеню, куда Циммерманы заглядывали только по праздникам. Ривка зажигала свечи в шабат. Домой, в пентхауз с видом на Гудзон, не допускалась свинина или устрицы, а в остальном, как говорил Леон, его деньги кормили хороших евреев:

– Я еврей плохой, – смешливо разводил он руками, – я даже Израиль навещал всего один раз… – Ривка согласилась на поездку два года назад, когда, по уверению Леона, в стране все успокоилось:

– После возвращения все и началось, – сглотнул Леон, – сначала ей вырезали родинку… – врачи утверждали, что операция сделана только из предосторожности, – потом у нее оказался плохой анализ… – следующая операция проходила в гинекологическом отделении:

– Ей посоветовали пройти курс радиотерапии, выписали таблетки, но все оказалось тщетно… – прошлой Ханукой Ривка легла в Маунт-Синай на радикальную операцию:

– Она не боялась, она у меня вообще смелая… – Леон не чувствовал слез, текущих по лицу, – ей удалили грудь, но и это не помогло… – на бар-мицве сына Ривка носила протез:

– Протез и парик, – он вспомнил веселый голос жены, – хорошо, что в моем родном Бруклине парики ходовой товар… – парик был роскошным, из натуральных, вороных волос. Стоя перед зеркалом, Ривка огладила шелковый костюм от Сен-Лорана:

– Седину закрашивать не придется, – она подмигнула Леону, – я могу и тюрбан надеть… – тюрбан прилагался к вечернему наряду. Леон ткнулся губами в мягкую, пахнущую ванилью, белую шею:

– Надень. Отправляясь под хупу, я рассчитывал на скромную жену… – Ривка хихикнула:

– Не такая я и скромница, что я тебе докажу, мой дорогой старший партнер… – Леон закрыл глаза:

– Она была в ремиссии. Врачи надеялись, что рак не вернется, но, на всякий случай, посоветовали оперировать и вторую грудь. Ривка не хотела, я ее убеждал, что мне все равно… – ему, действительно, было все равно:

– Я ее люблю, – Леон вытер лицо рукавом рубашки, – то есть полюбил, а ведь я и не думал, что так получится… – он только хотел попрощаться с женой:

– Я все это ей говорю, но я даже не знаю, слышит ли она меня… – бледные, сухие губы были сомкнуты:

– Весной она смеялась, что протезы протезами, а у других дам в ее возрасте еще и вставные зубы… – Ривка подмигивала своему отражению в зеркале:

– Эта судьба меня миновала, – замечала жена, – улыбка у меня голливудская…

За последние две недели Ривка ни разу не пришла в сознание. Леон приезжал в больницу прямо из офиса. Он строго велел своей секретарше звонить ему даже на деловые встречи и переговоры. Он сидел у изголовья больничной кровати, прижав к щеке холодную руку жены:

– После курса облучения у нее выпали брови и ресницы… – последний курс, в начале сентября, был бесполезен, но Леон еще на что-то надеялся, – не надо, чтобы мальчик видел ее такой… – Леон тяжело опустился на пластиковую скамейку, испещренную следами от окурков:

– Ривка сама бы этого не хотела… – он уронил поседевшую голову в ладони, – мальчику тринадцать лет, всего тринадцать, а Ривке только сорок пять… – Леон не верил в Бога, но с началом болезни жены, стал думать о застреленной им в Бельгии Катрин:

– Она говорила правду, – сердце закололо, – она ни в чем не была виновата, а я спокойно убил ее и наше будущее дитя. Господь ничего не забывает, я теперь за все расплачиваюсь… – взглянув на часы, он решил связаться с офисом:

– Пусть присылают курьера с папками, – Леон обосновался на складной койке в палате жены, – и надо набрать профессора Горовиц, на кафедре…

В середине сентября, когда Ривку перевезли в Маунт-Синай, Леону неожиданно позвонила вдова полковника Горовица. Он знал, что Джошуа дружит с Хаимом, но редко разговаривал с женщиной:

– Со времен ареста полковника мы почти не виделись. Хотя с Ривкой она сталкивалась по делам благотворительности… – после визита в Израиль Ривка заинтересовалась помощью стране:

– Мистер Циммерман, – деловито сказала профессор, – я слышала о болезни миссис Ривки… – женщина помолчала, – я загляну к вам, если вы позволите… – она появилась на такси, в сопровождении сына. Парень тащил кошелку с пластиковыми контейнерами:

– Все замороженное, – сказала миссис Дебора, – приедете из госпиталя и разогреете. Вы сейчас думаете о Ривке, – добавила женщина, – но вам надо что-то есть… – оставив сумку на кухне, Хаим нырнул в комнату Джошуа:

– И соберите сына, – попросила профессор Горовиц, – у нас десять комнат, мальчику будет легче. Хаим гуляет с соседскими собаками, а миссис Ривка мне говорила, что Джошуа любит животных… – Леон заезжал к сыну каждый день. Сначала мальчика поселили по соседству с комнатой Хаима:

– Но они решили делить спальню, – вспомнил Леон, – парням так веселее… – он ходил с сыном в Центральный Парк. Темные глаза Джошуа были заплаканы:

– При мне он держится, – понял Леон, – он плачет по ночам… – Джошуа не смотрел на отца:

– В школе все хорошо, – сын кусал губы, – не волнуйся, здесь прямой автобус до французского лицея. Тетя Дебора вкусно готовит, на шабат мы ездили в Бруклин… – Джошуа не сказал отцу о стакане чая и заветренном печенье, полученном из рук ребе:

– Хаим сказал, что так принято. Удостоиться аудиенции большая честь… – Джошуа, разумеется, ни о какой аудиенции не просил:

– Меня вызвали к Торе, – это было совершенно неожиданно, – ребе читал молитву за болеющих. На кидуше он подошел, пригласил выпить с ним чаю… – Джошуа старался не плакать прилюдно, но в кабинете ребе он не выдержал. Слезы капали в чай, мальчик шепнул:

– Я все время прошу Бога, чтобы мама выздоровела, но я понимаю, что такого не случится. Пусть она хотя бы придет в себя, поговорит со мной и папой. Пусть я ее увижу, пожалуйста… – крепкая, теплая рука погладила его по голове:

– Увидишь, мой милый, обещаю. Увидишь и поговоришь… – Джошуа никому не передавал слова ребе:

– Даже сейчас случаются чудеса… – он взглянул на уставшее, потухшее лицо отца, – но мама пока без сознания. Нечего и просить папу о разрешении приехать в Маунт-Синай… – Леон хотел проверить, как обстоят дела у мальчика:

– Надо потом… – он не говорил это слово даже про себя, – потом поехать с ним в Кэтскилс на неделю. В эти выходные начинается Суккот, в горах сейчас хорошо… – врачи давали жене не больше пары дней. Леон понял, что пропустил Йом-Кипур:

– Три дня назад. Я провел праздник в палате… – он поморщился, – как в молитве говорится: «Это замена моя, подмена моя, искупление мое». Я буду жить, а Ривка умрет… – заставив себя подняться со скамьи, он услышал стук женских каблуков в коридоре. Неловко подхватив пиджак, стараясь удержать папку, он не успел открыть дверь:

– Леона пока развлечет ее детей… – сказал уверенный голос, – я договорилась, малышей временно взяли в педиатрическое отделение. Дело ясное и не стоит выеденного яйца. Хозяин ресторана экономил на мерах безопасности. Получив ожоги от неисправной плиты, мать-одиночка потеряла трудоспособность. Мерзавец должен заплатить, и он заплатит сумму с пятью нолями…

На него пахнуло дорогими духами. Светлые, строго подстриженные волосы, падали на деловое платье серого твида, накрашенные губы зажали длинную сигарету. Она несла портфель крокодиловой кожи, тоже с тиснением:

– Адвокат Кэтрин Бромли… – дальше шел хорошо знакомый Леону бесплатный номер и название его бывшей фирмы. Она остановилась, словно споткнувшись:

– Мистер Циммерман, то есть Леон… – женщина побледнела, – здравствуй… – Кэтрин отступила на шаг, – мне очень жаль… – в профессиональных кругах новости распространялись быстро:

– Да, – глухо сказал он, не глядя на женщину, – спасибо, миссис Зильбер, то есть мисс Бромли… – ласковая рука внезапно коснулась его руки. Леон смутно помнил ее лицо по журналам, которые читала Ривка:

– Ева, дочка полковника Горовица. Мы с боссом тогда приехали в Бруклин, Кэтрин держала оборону против дамы из опеки, а босс отправился в тюрьму, выручать полковника и миссис Дебору. Потом я пришел к Кэтрин, сказал ей, что женюсь на Ривке…

У дочери полковника были его глаза:

– И рука его, сильная, – Леон и не понял, как оказался в коридоре, – она вроде бы будущий врач… – Ева была вровень ему даже без каблуков:

– Я знаю, что ваша жена умирает… – девушка держала его ладонь, – утром я приехала из Балтимора, где я учусь. Я видела вашего сына в нашей квартире. Мистер Циммерман… – Ева потрясла его, – поймите, Джошуа сейчас надо быть с матерью… – он передернулся:

– Мисс… мисс Горовиц, у моей жены последняя стадия рака. Она сама бы не хотела, чтобы мальчик… – девушка грубо встряхнула его за лацканы пиджака:

– Вы не знаете, – отозвалась Ева, – не знаете, чего бы хотела ваша жена. Пусть Джошуа сюда приедет, мистер Циммерман… – она не отпускала Леона, – я помогу вам, но пусть мальчик окажется рядом, пусть он попрощается с миссис Ривкой… – Леон помотал головой:

– Моя жена давно не приходит в сознание… – еще одна твердая рука забрала у него папку:

– Она очнется – коротко сказала мисс Горовиц, – тетя Кэтрин, – она обернулась к женщине, – пусть Леона сбегает за Джошуа. Здесь недалеко до французского лицея… – Циммерман только хотел вернуться к жене:

– Да, – наконец выдавил он из себя, – да, спасибо вам. Извините, мне надо позвонить в офис… – оставив папку Кэтрин, он пошел в вестибюль отделения онкологии, где стоял городской телефон.

Коричневые, блестящие каштаны лежали на сером тротуаре Девяносто Третьей улицы. Золотые листья разлетались из-под ног Леоны, шуршали в забранных решетками стоках.

Одним духом пробежав шесть кварталов по Мэдисон-авеню, девочка остановилась на углу, рядом с книжным магазином, куда она всегда заходила по дороге домой. В сентябре, покинув квакерскую Школу Друзей в Бруклине, Леона начала занятия в школе при Хантер-колледже:

– Мама даже повела меня в ресторан в честь поступления, – улыбнулась девочка, – я отлично сдала экзамены… – школа считалась одной из лучших в Нью-Йорке. Ей, правда, немного не нравилось, что Джошуа Циммерман учится ровно в одном квартале от нее:

– Он еще вздумает провожать меня домой, то есть до метро, – Леона вздернула нос, – он всегда болтается рядом… – Джошуа она встречала, приезжая на дни рождения Хаима Горовица, в апартаменты у Центрального Парка:

– С Хаимом интересно, он свой парень… – Леона и Хаим, родившиеся в один день, считали себя почти братом и сестрой, – а Джошуа только умеет вздыхать… – Леона и Хаим давно заключили секретный пакт, как выражался младший Горовиц:

– Все просто, – деловито сказал мальчик, – никакого Гарварда или Колумбийского университета… – мать намекала Леоне, что девочка пойдет учиться именно туда, в юридическую школу, – мы получаем аттестаты, делаем ручкой Манхэттену… – Хаим показал, как именно он попрощается с родным городом, – и отправляемся в Вашингтон, округ Колумбия…

Леона, как и Хаим, собиралась работать на правительство:

– Тебя возьмут в агенты, – уверил ее друг, – ты тоже знаешь языки, и вообще, – он окинул ее испытующим взглядом, – ты умная девчонка, со спортом у тебя все в порядке… – в тринадцать лет Леона давно переросла Хаима:

– В нем пять футов три дюйма, а во мне пять футов шесть дюймов, – победно ухмыльнулась Леона, – я могу догнать даже Еву… – Ева Горовиц была кумиром нью-йоркских девчонок:

– Она росла в Бруклине и на Манхэттене, она играет в баскетбол и станет знаменитым врачом, а еще она снимается для Vogue… – в больших универмагах к Леоне несколько раз подходили скауты из журналов. Мать только качала головой:

– Моей дочери всего тринадцать, – сухо говорила Кэтрин, – она слишком мала для съемок… – Леона, впрочем, успела попасть на страницы Life. Ее бат-мицву, еврейское совершеннолетие, отмечали в Атланте:

– То есть я не совсем еврейка, – девочка нащупала в кармане пиджака записку от мистера Циммермана, – но это неважно. Мама сняла зал, приехали раввины из Нью-Йорка, поддерживающие движение за права чернокожих, на празднике выступал пастор Кинг… – школа при Хантер-колледже, разумеется, была десегрегированной, как и весь штат Нью-Йорк, но Леона поняла, что у нее в классе нет чернокожих соучеников:

– В Школе Друзей тоже не было, – она подняла каштан, – а у Хаима во всей школе их всего двое или трое… – девочка вздохнула, – мама говорит, что десегрегация школ только начало. Америке предстоит долгая борьба за права чернокожего населения… – Леона знала, что мать ожидает от нее юридической карьеры. Изучив витрину книжного магазина, она пошла к классическому портику школы Джошуа:

– И я стану юристом, – уверенно сказала себе Леона, – но поступлю в университет в Вашингтоне. В столице тоже можно учиться, на Нью-Йорке свет клином не сошелся… – британская кузина собиралась в Кембридж:

– Но у Луизы все просто, ее ждет кабинет дедушки Филипа, – хмыкнула Леона, – хотя мама всегда говорит, что меня ждет практика папы… – Кэтрин брала Леону в суды, девочка сидела на встречах с клиентами и помогала матери с бумагами:

– Она и сегодня отпросила меня от школы, – Леона остановилась перед тяжелыми дверями парадного входа, – из-за встречи с миссис Бевуар… – новый клиент практики Зильбера, негритянка, мать-одиночка, работала на кухне дорогого ресторана рядом с Карнеги-холлом:

– Ей велели вычистить плиту, а та взорвалась, – Леона дернула плечами в пиджачке шотландского твида, – она едва не потеряла зрение, получила сильные ожоги… – девочка не сомневалась, что мать выиграет и это дело:

– Она отличный адвокат, но я не хочу провести жизнь, подавая иски от провалившихся в люки пешеходов, – сказала себе Леона, – я займусь международным правом… – в школе при Хантер-колледже, кроме французского и латыни, которые Леона и так знала, преподавали и другие языки. Девочка выбрала русский:

– Хаим учит испанский, – вспомнила она, – но русский мне пригодится больше, Советский Союз наш враг, они разместили ракеты на Кубе… – о советских военных базах кричали все газеты. Оказавшись в прохладном вестибюле французского лицея, Леона решительно направилась под стрелку, сообщающую на двух языках: «Канцелярия». Объяснившись с пожилой секретаршей по-французски, отдав записку, она вернулась в холл:

– Дискуссионный клуб, – Леона читала объявления, – председатель Джошуа Циммерман… – она перешла к застекленному шкафу со спортивными трофеями:

– Он взял кубок школ по теннису, – Леона тоже собиралась участвовать в чемпионате, – но никогда об этом не говорил. Джошуа вообще скромный, это у Хаима рот не закрывается. Он, наверное, станет корпоративным юристом, как его отец…

Взглянув в большое зеркало, Леона поправила светлые волосы. Юбка только слегка прикрывала колени, стройные ноги сверкали южным загаром. Летом мать вела дело о десегрегации школ во Флориде. Леона валялась на пляже в Майами, в компании девичьих журнальчиков:

– Жаль, что в школу нельзя ходить в джинсах, – посетовала Леона, – но хотя бы от нас не требуют формы… – заслышав звук шагов, она повернулась. Джошуа носил успевшие помяться с утра штаны цвета хаки и белую рубашку с галстуком. На плече парень тащил сумку на длинном ремне, с эмблемой французского лицея. Среди учебников виднелась рукоятка ракетки:

– У него мама умирает, – напомнила себе Леона, – надо его поддержать… – по лицу мальчика она видела, что Джошуа плакал:

– Я тоже плакала, когда умер папа, – у Леоны защипало в носу, – но я была маленькой девочкой, а он взрослый, то есть подросток… – она неловко взяла Джошуа за руку:

– Мне очень жаль, – сказала девочка, – я ведь тоже потеряла папу, Джошуа. Я понимаю, что тебе сейчас тяжело… – он поморгал темными, припухшими глазами. Леона добавила:

– Мы с мамой встречались с клиентом в Маунт-Синай, увидели твоего папу… – Джошуа не стал спрашивать у девочки, что случилось:

– Папа велел мне приезжать, то есть приходить… – сердце лихорадочно застучало, – наверное, мама очнулась… – от Леоны пахло солнечной осенью Манхэттена, девочка вертела гладкий каштан. Джошуа вспомнил тихий голос ребе:

– Твой отец, милый, когда-то говорил со мной. Давно, еще до твоего рождения. Я ему дал один совет, он последовал моим словам… – ребе задумался, – но не всегда сын должен поступать так, как поступил отец… – Джошуа понятия не имел, о чем идет речь. Очнувшись, он кивнул:

– Спасибо тебе большое… – даже не думая, он снял с плеча девочки сумку, – позволь, я понесу… – Леона смутилась:

– Я сегодня не в школе, – она махнула в сторону госпиталя, – учебников у меня с собой нет… – Джошуа открыл перед ней дверь лицея:

– Все равно. Мы теперь с тобой учимся рядом, – он попытался улыбнуться, – может быть, мы столкнемся в книжном магазине или у лотка с сосисками… – Леона независимо вскинула голову: «Может быть. Посмотрим».

Они пошли на север, по Мэдисон-авеню. Неприметная темная машина, следовавшая по пятам Леоны, сделала незаконный разворот. Автомобиль с дипломатическими номерами тоже направился на север, к госпиталю.

У Скорпиона при себе были только американские документы, однако, садясь за руль машины, принадлежавшей консульству СССР в Нью-Йорке, он ничем не рисковал. Посольские автомобили не останавливали, водил он аккуратно, да и задание было легким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.